

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

128

**ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

128

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

Выпуск содержит работы советских археологов, посвященные проблемам истории железного века и античных городов на территории СССР (Восточная Европа, Средняя Азия, Кавказ, Сибирь). В нем помещены материалы вновь открытых археологических памятников. Ряд статей посвящен обзору предметов древнего ремесла и произведений искусства.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Кругликова (ответственный редактор), *К. Х. Кушнарёва,*
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Я. Якобсон

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

КСИА, вып. 128

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *Л. И. Куприянова, Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 26/IV-1971 г. Подписано к печати 24/IX-1971 г. Бумага № 1. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 2231. Т-15551

Цена 60 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Ю. А. КРАСНОВ

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПЛУГА У ПЛЕМЕН
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

В последнее время в советской и зарубежной археологической литературе появилась тенденция значительно удревять время появления плуга. Выводы об этом делаются исключительно или почти исключительно на археологическом материале, без тщательной проверки путем привлечения других видов источников. Между тем значение археологических данных для решения этой проблемы не следует переоценивать. В современной литературе по истории пахотных орудий важнейшим признаком плуга, отличающим его от рал самых совершенных типов, принято считать наличие одностороннего отвала, который дает возможность производить вспашку уже в обычных условиях работы². Но отвалы древних плугов, изготовлявшиеся целиком из дерева, по вполне понятным причинам в археологическом материале не сохраняются. О наличии плуга могут свидетельствовать находки несимметричных наконечников пахотных орудий, сама несимметричность которых является следствием применения одностороннего отвала. Но не следует забывать, что наиболее примитивные типы плугов могли иметь при одностороннем отвале и симметричный лемех, о чем свидетельствуют этнографические данные. Кроме того, необходимы доказательства того, что данный несимметричный наконечник получил такую форму преднамеренно и что он по своим размерам и пропорциям мог выполнить работу плужного лемеха. Все это заставляет при попытках решить вопрос о времени появления плуга постоянно координировать археологические данные с данными других дисциплин — результатами изучения письменных источников и иконографических материалов, данными этнографии, лингвистики, теории пахотных орудий и т. п. Однако и в этом случае мы далеко не всегда можем получить однозначное решение. К сожалению, об этих трудностях часто забывают.

Наличие плуга констатируется и для племен черняховской культуры³. Предполагается, что уже в это время плуг снабжался не только односто-

¹ Доклад на заседании Группы по изучению истории земледелия ИА АН СССР 25 февраля 1969 г.

² А. С. Haudricourt., M. J.-B. Delamarre. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955.

³ Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 77, 1959; М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 38. Следует отметить, что черняховская культура в работе М. Ю. Брайчевского неправомерно трактуется в очень широких территориальных границах, на что уже было обращено внимание в литературе (см. рецензию Д. Т. Березовца на указанную работу. СА, 1968, № 3, стр. 279 сл.). Поэтому в число черняховских им включены и наконечники пахотных орудий из ряда областей Цент-

ронным отвалом и череслом, но и несимметричным лемехом, а также, вероятно, колесным передком. «Черняховский плуг» реконструируется по аналогии с украинскими плугами, известными по этнографическим данным конца XVIII—XIX в., ему приписываются фактически те же рабочие качества, из предполагаемого наличия такого орудия делаются далеко идущие выводы об уровне земледелия у черняховских племен⁴. В такой постановке рассматриваемый вопрос является принципиальным, выходит далеко за рамки проблемы развития упряжных пахотных орудий. Поэтому привлекаемая для его разрешения аргументация заслуживает тщательного и всестороннего анализа.

Наличие плуга в черняховское время обосновывается находками на черняховских поселениях чересел и слабо асимметричных наконечников пахотных орудий, форма которых рассматривается как свидетельство применения у орудия одностороннего отвала, важнейшего и определяющего признака всякого плуга. В качестве косвенных аргументов приводятся мнения о появлении плуга в Римской империи в первых веках н. э., откуда он мог проникнуть и на территорию варварской периферии. Не затрагивая в целом проблемы генезиса плуга, что должно быть темой специального исследования, рассмотрим лишь, насколько убедительна эта аргументация.

Во-первых, о череслах. По мнению, принятому едва ли не всеми советскими археологами, наличие в археологическом материале чересел является «бесспорным доказательством бытования плуга»⁵. Предполагается, что чересло было изобретено одновременно с односторонним отвалом⁶ и не применялось у рала⁷. Эта точка зрения, бытующая и среди некоторых зарубежных исследователей⁸, не может быть принята. Если обратиться к этнографическому материалу, то легко установить, что чересло отнюдь не является признаком только плуга, но часто употребляется и у пахотных орудий, предназначенных для симметричной обработки почвы⁹. Известны средневековые изображения колесных и бесколесных рал с череслом¹⁰. Первые археологические свидетельства о наличии этого приспособления у пахотных орудий восходят к последним векам до н. э.¹¹, т. е. ко времени, для которого наличие плуга никем и никогда не предполагалось. Следовательно, наличие чересел у некоторых современных и средневековых рал

ральной Европы, никакого отношения к черняховской культуре не имеющие. Нами они также рассматриваются, но лишь в качестве сравнительного материала.

⁴ М. Ю. Брайчевский. Указ. соч., стр. 35—39.

⁵ В. И. Довженко. Землеробство древньої Русі Київ, 1961, стр. 72, 73, 76.

⁶ «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 179.

⁷ В. И. Довженко. Указ. соч., стр. 76.

⁸ К. Godlowski. Zrodla archeologiczne do dziejow rolnictwa w Polsce i stan ich opracowania. «Studia z dziejow gospodarstwa wiejskiego», т. III, ч. I. Warszawa, 1960, стр. 68.

⁹ См., например, А. G. Haudricourt, M. J.-B. Delamarre. Указ. соч., рис. 85 (Франция); рис. 91 (Испания); В. Orel. Ralo na Slovenskem. «Slovenskim etnograf», т. VIII, 1955, рис. 4, табл. V, 1 (Югославия); В. Bratanič. Nekoliko napomena o tehničkoj konstrukciji starogoslavenskog pluga. «Etnografija polska», т. III, 1960, стр. 87—88 (Болгария, Швейцария, Швеция, Португалия); Г. С. Читая. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. «Вопросы этнографии Кавказа». М., 1952, рис. 9 (Грузия), и др.

¹⁰ Например, миниатюра из английской рукописи «Gaedemon Manuscript» начала XI в. (колесное рало с двусторонним симметричным отвалом) (см.: А. Steensberg. North-West European Plough-types. «Acta archaeologica», т. VII. Kobenhavn, 1937, рис. 7), бесколесное легкое рало, которое несет на плече человек, на миниатюре немецкой рукописи «Chonicon Tweifaltense minor», ок. 1162 г. (P. Brandt. Schaffende Arbeit und Bildende Kunst, т. I. Leipzig, 1927, рис. 193); изображения рал из Дании середины XV в. (А. Steensberg. Указ. соч., рис. 15, 18) и др.

¹¹ F. C. Payne. The Plough in Ancient Britain. «The Archeological Journal», т. CIV, 1948, рис. 3 и табл. I (Англия); S. Cabrobec. Prazgodovnjisko-arheološko gradivo za proučevanje rala na Slovenskem. Slovenski etnograf, т. VIII. Ljubjana, 1955, табл. II, 3 (Идрия при Бачи, Словенское Приморье, погребение 18). Возможно, к этому же времени относится чересло из Шандорфа; см. L. Schmidt. Antike und mittelalterliche Pflugscharen in Osterreich. «Archaeologia Austriaca», вып. 19—20, 1956, стр. 228.

нельзя объяснить влиянием конструктивных особенностей плуга. Не следует забывать, что чересла могли являться деталью самостоятельного орудия («отрез», «чертеж», «резало» и др.), функции которого сводились к вертикальному разрезанию пластов земли перед обработкой ее другими орудиями — ралом или сохой. По-видимому, именно в этом смысле следует истолковывать первое упоминание о череслах у Плиния, рассматривающего *culter* (чересло) наряду с другими видами железных наральников¹². Таким образом, наличие в археологическом материале чересел само по себе не может доказывать существование плуга.

Обратимся к несимметричным наконечникам пахотных орудий из черняховских и близких к ним по времени памятников. Их форму объясняют присутствием у пахотного орудия одностороннего отвала, благодаря чему эти находки и тракуются как плужные лемехи. К ним относятся наконечники из Загайкан, обломок наконечника из Родоя (оба памятника — в Молдавской ССР) и наконечник из Стримбы (Одесская область)¹³. Что касается обломка из Родоя, то по сохранившейся части трудно сказать что-либо определенное о форме целого наконечника. Наконечник из Стримбы не публиковался, и мы знаем о нем лишь то, что по форме и размерам он близок загайканскому. Наконечник из Загайкан имеет общую длину около 13 см, длину лопасти 7 см и наибольшую ширину 7,5 см. Он выкован из очень тонкой железной пластины, лежок, имеет слабо выраженные плечики и слабую асимметричность: правое плечико менее чем на 1,5 см шире левого. Следует отметить плохую сохранность наконечника, обусловленную прежде всего малой толщиной пластины, из которой он изготовлен. С точки зрения функциональной пахотное орудие, оснащенное загайканским наконечником, могло проделывать борозду шириной не более 7—7,5 см и несколько меньшей глубины (глубина борозд, проделанных плугом, всегда несколько меньше их ширины; оптимальным считается отношение 3:5). Учитывая слабую асимметричность этого «лемеха», можно предполагать, что передаваемый им на отвал пласт земли должен был иметь ширину и толщину всего около 5 см, т. е. меньше толщины дернового слоя на черноземе. Уже миниатюрные размеры, слабая асимметричность и обусловленные ими рабочие качества наконечника из Загайкан заставляют крайне скептически отнестись к возможности считать его деталью плуга, который «значительно повышал качество обработки земли и тем самым продуктивность земледельческого труда», позволил «в широких масштабах осваивать под посев плодородные черноземные земли»¹⁴. Странным представляется сопоставление этого орудия по конструкции и функциональным особенностям с украинскими плугами, размеры лемехов которых более чем втрое превышали размеры загайканского наконечника¹⁵. Такие различия в размерах рабочей части этих пахотных орудий не могут не свидетельствовать и о значительных различиях в конструкции их оства или скелета. Для сравнения укажем, что длина наральников украинских рал, предназначенных не для обработки новы, а для вторичной обработки почвы после взметывания ее плугом, составляла 15—19 см, а ширина лопасти — 12—15 см¹⁶.

Наконечники пахотных орудий, подобные загайканскому, небольших размеров, со слабо выраженной право- или левосторонней асимметричностью (некоторые авторы говорят, что они лишь «проявляют тенденцию

¹² *Plin. Hist. Nat.*, XVIII, 171.

¹³ Э. А. Рикман. Указ. соч., стр. 116, рис. 51, 1—2.

¹⁴ М. Ю. Брайчевский. Указ. соч., стр. 36, 39.

¹⁵ В. С. Мамонов. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре. СЭ, 1952, № 4, стр. 80.

¹⁶ Там же, стр. 76, рис. 7, II.

к асимметричности») не представляют какого-либо исключения и спорадически встречаются в различных районах Европы в I и самом начале II тысячелетия. Их находки известны в Югославии¹⁷, Чехословакии¹⁸, южных районах Польши¹⁹, в Норвегии²⁰, Англии²¹, на территории нашей страны — в Хотоме²² и правобережном Цимлянском городище²³. Нередко эти наконечники рассматриваются как древнейшие доказательства наличия плуга уже начиная с позднего римского периода.

Все эти наконечники при незначительной вариации форм имеют очень небольшие размеры — 13—16 см длины и 5—9 см ширины. Лишь единичные экземпляры достигают длины 18—20 см при ширине 10—12 см. Все они изготовлены из тонких железных пластин, толщина которых у боковых граней бывает всего несколько миллиметров, все очень легкие. Асимметричность их крайне невелика, различие в ширине боковых лопастей не превышает 1—1,5 см. Плохая сохранность всех этих наконечников затрудняет правильное определение формы. Чрезвычайно характерно, что на тех же территориях и в то же время бытовали и иные наконечники пахотных орудий — значительно больших размеров и без «тенденции к асимметричности». При этом симметричные наконечники таких же или больших размеров повсюду решительно преобладают над небольшими слабо асимметричными. Действительно, наконечник из Загайкан — самый маленький из известных черняховских наконечников пахотных орудий. Один из наконечников, найденных в Пражеве, имеет длину 19 см при ширине рабочей части 9,5 см. Найденный там же фрагментированный наконечник имеет длину втулки 10,5 см, что может указывать на значительные размеры всего орудия. Наконечники из Ленковец и Криничек имеют длину 15,5 см при ширине рабочей части 7,5—8 см²⁴. На территории Далмации и прилегающих районов Югославии, откуда происходит упомянутый асимметричный лисичицкий наконечник, в позднелатенский период употреблялись массивные симметричные наконечники, нередко — с наварным лезвием, длиной до 30—33 см и шириной лопасти до 20—26 см. Вес их достигает 5—7 кг, в то время как лисичицкий наконечник имеет длину 16 см и вес около 0,5 кг²⁵. Асимметричные наконечники из Польши также оказываются самыми маленькими из бытовавших одновременно с ними наконечников пахотных орудий. Например, симметричный наральник из Зофиополя имел длину 25 см, из Яронива — 22 см при ширине лопасти соответственно 10,6 и 10 см²⁶. Асимметричные наконечники из Новой Гуты оказываются почти

¹⁷ Развалины римской виллы в Лисичице (*J. Črmošnik. Nova antička istraživanja kod Konjca i Travnik. «Glasnik zemaljskog museja u Sarajevu», now. ser., t. 10, 1955, табл. V.*

¹⁸ *F. Šach. Beitrag zur Entwicklungsgeschichte des Pfluges». VIe Congrès international des Sciences anthropologiques et ethnologiques». Paris, 1963, стр. 263, рис. 3—5 (Нейдек III—IV, Залинице I—II, Девин, Гайяры); *J. Eisner. Zaklady kovarstvi v dobe hradistni v ceskoslovensku. «Slavia Antiqua», т. I. Praha, 1948, рис. 3, 4, (Чеховице).**

¹⁹ Могила близ Кракова (*K. Godlowski. Указ. соч., рис. 21*); Новая Гута (*R. Nachulski-Ledwos. «Wszesnosredniowieczny skarb zelezny z Mogil, pow. Krakow, «Wiadomosci archeologiczne», т. 26, ч. 3—4. Wroclaw, 1960, табл. LXIII, 2, 7*); Иголоми-Сад (*K. Bielenin, J. Piaskowski. Radliczka z Igolomi. «Sprawozdania archeologiczne», т. 5, 1959, рис. 2*); Гусиннен (*K. Godlowski. Указ. соч., рис. 37*).

²⁰ *R. Jirlow. Bill och rist pa Fornhistoriska plogar. Fornvannen, 1949, № 4, рис. 21.*

²¹ *F. G. Payne. Указ. соч., табл. I, 20.*

²² *Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, рис. 35, 4.*

²³ *И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э. на днепровском лесостепном правобережье. СА, XIII, 1950, рис. 6; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 38, 8, стр. 144.*

²⁴ *М. Ю. Брайчевский. Указ. соч.*

²⁵ *S. Cabrobes. Указ. соч., табл. I, 1, 2, 7; табл. II, 1.*

²⁶ *S. Baratynski. Tereny Nowej Huty w swete badan archeologicznych. «Z dziejow starozytniej metalurgii na ziemiach Polski poludnewej». Krakow, 1956, рис. 19; *W. Nowotniņ. Cermanische Ackergerate in Schlesien. Altschlesien, Zg. 8, 1939, I, 7.**

в полтора раза меньше найденных там же симметричных²⁷. Симметричные наконечники из Радима, Бранковиц²⁸, Иванковиц²⁹ (Чехословакия) достигали в длину от 20 до 36 см при ширине лопасти от 10 до 18 см, т. е. также были больше по размерам, чем бытовавшие одновременно слабо асимметричные наконечники. Небезынтересно отметить, что на соседних с Югославией, Чехословакией и Польшей территориях Австрии и ГДР найдены симметричные наконечники пахотных орудий позднелатенского и римского периода, длина которых достигала 30—35 см при ширине лопасти 12—15 см³⁰. Симметричные наконечники столь же больших размеров известны в Англии римского времени³¹. Ту же картину мы наблюдаем на Правобережном Цимлянском городище: слабо асимметричными здесь оказывались неизменно самые маленькие наконечники, наряду с которыми употреблялись симметричные более крупных размеров — длиной до 30 см и шириной до 12 см³².

Создается более чем странное положение: если признать, что слабая асимметричность некоторых наконечников пахотных орудий, рассмотренных выше, обусловлена применением при них одностороннего отвала и является, таким образом, признаком отнесения их к деталям плугов, то плуг в I и начале II тысячелетия был значительно меньше употреблявшихся в это же время и в этих же районах рал! Но такое допущение совершенно невероятно. Все, что мы знаем о плугах из письменных и иконографических источников, из бесспорных свидетельств археологии о плугах более позднего времени, а также из этнографических данных, рисует нам плуг как орудие более крупное, чем рало. Недаром в средневековых латинских текстах плуг нередко называется *aratrum magnum* в отличие от рала, именуемого просто *aratrum* или *aratrum parvum*³³. Вместе с тем у нас нет абсолютно никаких данных считать плужными лемехами и крупные симметричные лемехи римского и более позднего периодов I тысячелетия, хотя этнография и знает симметричные лемехи у плугов, прежде всего у плугов с перекладной отвальной доской. Письменные и иконографические данные свидетельствуют скорее против такого предположения.

Таким образом, приведенные данные не позволяют считать миниатюрные железные наконечники пахотных орудий, имеющие слабо выраженную право- или левостороннюю асимметричность или «тенденцию к асимметричности» лемехами плугов. Вероятно, перед нами обычные наральники, наконечники симметрично обрабатывающих землю пахотных орудий — рал, причем рал весьма небольших размеров, предназначавшихся прежде всего для обработки легких или старопахотных почв. Некоторая асимметричность их вряд ли являлась преднамеренной, обусловленной конструктивными особенностями плугов (наличие одностороннего отвала), а могла вызываться различными причинами. Это мог быть результат неточной работы кузнеца. Следует заметить, что и наральники недалекого прошлого, которые мы можем видеть у пахотных орудий в этнографических музеях, нередко бывают далеко не строго симметричными. Слабая асимметричность могла обуславливаться и неравномерной стачиваемостью тонких краев этих очень небольших орудий при определенных условиях работы. Действительно, у многих древних (как, впрочем, и у современных) рал рабочая часть

²⁷ К. Godlowski. Указ. соч., рис. 22.

²⁸ F. Sach. Указ. соч., рис. 2, 3.

²⁹ J. Cervinka. Slovane na Morawe a risa Velikomarovska. Brno, 1928, табл. XIX.

³⁰ L. Schmidt. Указ. соч., рис. 1; K. Bittel. Die Kelten in Württemberg. Berlin, 1934, рис. 18.

³¹ F. G. Payne. Указ. соч., табл. I, 21.

³² С. А. Плетнева. Указ. соч., рис. 38, 9. Автор говорит, что крупные наконечники имеют «некоторую асимметричность», гораздо менее заметную, чем у маленьких. Эта асимметричность практически равна нулю.

³³ Например, в познанской грамоте 1262 г. См.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 310—311.

бывает направлена не строго по направлению движения орудия, а под некоторым небольшим углом к нему. Например, у рал из Токаревского торфяника³⁴ и из Веббеструпа³⁵ рабочая часть (ральник) изогнута вправо от оси грядила, у рал из Съёбека и Низума³⁶ — влево. Этот изгиб мог быть естественным, повторяя природную изогнутость дерева, из которого орудие изготовлялось, или создаваться искусственно. Ведь такой изгиб позволял проделывать борозду несколько более широкую, чем это обуславливалось шириной рабочей части орудия. Подобным образом достигалась регулировка ширины борозды у украинских плугов³⁷. Если на такой ральник надевался железный наконечник, то и он, естественно, оказывался под определенным углом к линии движения орудия. Поэтому левая и правая стороны наральника стачивались неравномерно. Если ральник был отогнут от линии движения орудия вправо, то сильнее стачивалось левое плечико, а сам наральник в конце концов мог приобрести некоторую правостороннюю асимметричность. Если ральник был отогнут влево, то могла получиться обратная картина: у наральника сильнее стачивалось правое плечо, а сам наральник мог получить слабую левостороннюю асимметричность. Естественно, что в таких условиях сильнее стачивались края маленьких наральников, изготовлявшихся из тонких железных пластин. Отсюда ясно, почему асимметричность бывает сильнее заметна на небольших экземплярах наконечников пахотных орудий и почти или совсем не заметна — на крупных экземплярах. То, что в рассмотренных нами случаях несимметричность встречалась именно на самых маленьких наконечниках пахотных орудий, свидетельствует, таким образом, что асимметричность эта скорее всего непреднамеренная.

Более сильное стачивание одной из боковых граней наральника могло происходить и при круговой вспашке. Если орудие двигалось по полю по часовой стрелке, то правая грань наральника всегда испытывала большее сопротивление, так как была обращена «в поле», резала еще не вспаханную землю. Левая же, всегда обращенная «к пашне», стачивалась меньше. Если рало двигалось против часовой стрелки, то положение было обратным. Многократное повторение того или иного способа круговой вспашки могло также привести к некоторой асимметричности длительно работавшего наральника: левосторонней в первом случае и правосторонней — во втором.

Важно отметить еще одну интересную деталь. У плужных лемехов более позднего времени, значительная асимметричность которых явно преднамеренна, ось втулки совпадает с вершиной треугольника, образующего лопасть, т. е. ее острием. Иную картину мы видим у рассматриваемых слабо асимметричных наконечников: у них эта ось, как правило, не совпадает с вершиной лопасти. Это может быть истолковано в пользу того, что несимметричность этих наконечников вызвана неравномерной сточенностью их боковых граней.

Таким образом, слабая асимметричность рассмотренных наконечников, являющаяся фактически единственным основанием для отнесения их к пахотным орудиям с односторонним отвалом, т. е. к плугам, может быть рационально объяснена и иными причинами. Подчеркиваем, что сильнее неравномерная сработанность должна была сказаться на форме наральников небольших размеров, что мы и видим в действительности.

Следует хотя бы кратко остановиться на других данных, которыми обосновывается мнение о появлении плуга в Европе уже в первой половине I тысячелетия и которые в качестве косвенных доказательств приводятся

³⁴ Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, рис. 1—2.

³⁵ P. V. Glob. *Ard og plov i Nordens O'dtid*. Aarhus, 1951, рис. 9—10.

³⁶ Там же, рис. 12, 14.

³⁷ В. С. Мамонов. Указ. соч., стр. 80—81.

в пользу существования плуга у черняховских племен. Это прежде всего широко известное сообщение Плиния Старшего о пахотном орудии, известном в Галльской Реции под названием *plauogati*³⁸. Это сообщение очень лаконично, к тому же значительно искажено позднейшими переписчиками. Если не привлекать домыслов, не вытекающих из самого текста, то *plauogati* Плиния представляется тяжелым пахотным орудием, в которое впрягали несколько пар быков и которое было снабжено колесным передком. Это орудие имело широкий лопатовидный лемех с обоими острыми режущими краями, т. е. симметричный, и применялось для обработки полей, лежащих под паром. Был ли это настоящий плуг, снабженный односторонним отвалом, или тяжелое колесное рало — из текста Плиния заключить нельзя. Других достоверных данных о наличии плугов в Италии или северных римских провинциях нет, и ходячее представление о «римском плуге» представляется по меньшей мере слабо обоснованным. Напомним, что А. В. Арциховский, на основании разнообразных источников пытавшийся реконструировать внешний облик «римского плуга» первых веков н. э., представлял его как колесное орудие с череслом и «мощными двойными отвальными досками»³⁹, т. е. как тяжелое колесное рало, предназначенное для симметричной обработки земли. Из сообщения Ксенофонта в его «Экономике» о том, что пахарь переворачивал своим орудием землю, чтобы солнце прогрело ее глубинную часть и выжгло корни сорняков, отнюдь не следует, что «в V в. до н. э. наряду с ралом у греков имелся уже примитивный плуг»⁴⁰. Переворачивание дернового пласта могло достигаться и ралом, не имевшим никаких отвальных приспособлений, за счет наклона его при работе на одну сторону. Из римских авторов об этом свидетельствует Колумелла⁴¹, это подтверждают следы сработанности на некоторых деревянных пахотных орудиях из датских торфяников⁴², об этом же свидетельствуют этнографические данные⁴³. Мнение, что такой «примитивный плуг», еще без отвальной доски, но с особым образом изготовленной стойкой подошвы, изображен на древнеримской статуэтке из Теламоне⁴⁴, представляется крайне слабо обоснованным: подлинных находок таких орудий мы не имеем, аналогий в этнографических материалах не знаем, а маленькая бронзовая статуэтка вряд ли может сказать что-либо определенное об этих особенностях строения и функциональном назначении такого орудия. Все же остальные данные, бесспорно, свидетельствуют, что античная Греция и римская Италия знали лишь различные типы рал, несмотря на относительно высокий уровень применявшейся агротехники.

Для доказательства возникновения плуга в первой половине I тысячелетия н. э. вряд ли могут быть использованы и широко известные находки фрагментов пахотных орудий из торфяников Томмерби, Андеберга и Виллерзо в Дании. Реконструкция их как плугов с колесным передком и двумя самостоятельными рукоятками, к правой из которых присоединялась задняя

³⁸ *Plin. Hist. Nat.*, XVIII, 171—173. Из последних работ, в которых это орудие интерпретируется в качестве настоящего плуга, нужно отметить: *T. Zawadzki. Plug kolesny w rolnictwie antycznym. Kwartalnik historii kultury materialnej*, т. II. Warszawa 1954, № 4, 619 сл.; *М. Е. Сергеевко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958*, стр. 51—54. Строго критическая оценка этой точки зрения еще в 1931 г. была дана П. Лезером (*P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931*, стр. 234 сл.). Мнение о невозможности однозначного истолкования этого сообщения Плиния разделяется сейчас большинством историков сельского хозяйства (см. об этом: *А. С. Haudricourt, М. J.-B. Delamarre. Указ. соч.*, стр. 108 сл.).

³⁹ *А. В. Арциховский. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. «Труды социологической секции РАНИОН», т. I. М., 1927*, стр. 130.

⁴⁰ «Возникновение и развитие земледелия», стр. 104—105.

⁴¹ *Колумелла. Сельское хозяйство*, табл. II, 2, 25; *М. Е. Сергеевко. Указ. соч.*, стр. 55.

⁴² *P. V. Glob. Указ. соч.*

⁴³ *F. G. Payne. Указ. соч.*, табл. VII, а; *В. Bratanič. Указ. соч.*, стр. 84.

⁴⁴ *М. Е. Сергеевко. Указ. соч.*, стр. 45; «Возникновение и развитие земледелия», стр. 112—113.

часть одностороннего отвала⁴⁵, вполне вероятна. Однако основанная на исследовании снятых с поверхности орудий образцов торфа датировка их ранним железным веком (не позднее 300 г. н. э.) давно вызывала справедливое недоверие⁴⁶. Произведенный недавно радиоуглеродный анализ этих находок дал значительно более позднюю дату второй половины I тысячелетия⁴⁷. Но и такая датировка крайне сомнительна. Известно, что наибольшие ошибки радиоуглеродный анализ дает для образцов, относительно мало удаленных от современности. Но главное не в этом. Та конструкция скелета плуга, которая предполагается для рассматриваемых орудий, появляется в Европе, судя по многочисленным иконографическим данным, весьма поздно, в конце XIII — начале XIV в.⁴⁸ Все известные до этого времени изображения плугов имеют одну рукоять, иногда раздваивающуюся в верхней части. В Дании, по тем же данным, до XV—XVI вв. употреблялись только такие однорукоятные рала и плуги⁴⁹. Вряд ли можно предполагать, что более совершенная и сложная конструкция орудий существовала здесь с I тысячелетия, но исчезла в первой половине II тысячелетия. В то же время плуги, совершенно аналогичные орудиям из Томмерби, с тем же своеобразным приемом укрепления полоза вставленными в него мелкими камнями бытовали в Дании в XVIII—XIX вв. Вероятно, рассматриваемые датские археологические находки должны относиться к этому или близкому времени, а отнюдь не к I тысячелетию н. э.

Трудно использовать для тех же целей и лингвистические данные о большой древности термина «плуг» в славянских языках, который, по-видимому, существовал еще в эпоху общеславянского единства⁵⁰. Известно, что названия пахотных орудий имеют тенденцию переходить с одного объекта на другой⁵¹, и мы не знаем, что называли первоначально плугом: собственно ли плуг, тяжелое колесное рало или рало с череслом, но без колесного передка. Мало дают сведений и ранние письменные источники, из которых можно заключить лишь то, что плугом называлось тяжелое пахотное орудие, отличавшееся от легких рал.

То же следует сказать о большом сходстве во всех славянских языках терминологии, относящейся к частям плуга и обозначающей особенности плужной пахоты, что также приводится в качестве доказательства существования плуга на славянских землях еще в эпоху славянского единства, т. е., по-видимому, до VI в.⁵² Общность терминологии, касающейся частей плуга, относится к тем его деталям, которые присутствуют и у плуга, и у колесного рала. Сходство в терминологии, относящейся к пахоте плугом («пахота на развал», «пахота на свал», «orati na sklad», «orati na gazog» и пр.), не достигает идентичности. Такие же термины (в дословном переводе) существуют в немецком и французском языках. Это наводит на мысль о самостоятельном возникновении сходных понятий для обозначения одинаковых действий в различных языках. Наконец, не исключена возможность, что эти термины могли появиться еще до возникновения плуга, поскольку, как отмечалось выше, односторонняя вспашка могла осуществляться обыч-

⁴⁵ A. Steensberg. Указ. соч., рис. 4.

⁴⁶ P. V. Glob. Указ. соч., стр. 76, 100, 122, 130.

⁴⁷ A. Steensberg. Recent finds of Danish prehistoric ploughing implements. «VI Congres International des Sciences anthropologiques et ethnologiques», т. II. Paris, 1955, стр. 471 сл.

⁴⁸ A. Steensberg. North-West European plough-types, рис. 13; K. Amira. Die Dresdener Bilden handschrift des Sachsenspiegel, табл. 77. Leipzig, 1922.

⁴⁹ A. Steensberg. North-West European plough-types.

⁵⁰ V. Kiparsky. Die gemeinlavischer Lehrwörter aus der Germanischer. Annales Scientiarum Fennicae, т. 32. Helsinki, 1954, стр. 258—259.

⁵¹ J. Judicka. Nazwy narzedzi ornych w gwarach Pomorza Mazowieckiego. «Kwartalnik historii kultury materialnej», т. V, 1957, N 2.

⁵² B. Bratinič. Nešto o starosti pluga kod slavena. «Sventiliste u Zagrebu, filozofski fakultet Zbornik radova», т. II, 1954.

ным ралом, а принцип ее был знаком задолго до появления специализированного для этой цели орудия, т. е. плуга.

Все приведенные выше данные показывают, таким образом, что предположение о появлении настоящего плуга, снабженного односторонним отвалом, уже в черняховское время является далеко не достаточно обоснованным и вряд ли может быть принято. То же относится вообще к гипотезе о возникновении плуга в Европе в первой половине или середине I тысячелетия н. э., в пользу которой нет пока убедительных, однозначно истолковываемых данных. Мы можем с уверенностью говорить лишь о том, что в некоторых районах Европы на рубеже н. э. появляются тяжелые пахотные орудия, снабженные череслом и колесным передком, широко распространившиеся в позднеримское время.

Несмотря на относительно высокий уровень развития сельского хозяйства у черняховских племен, которые впервые в степных и лесостепных районах Восточной Европы стали применять в широких масштабах пахотные орудия с железными наконечниками и ротационные жернова, мы можем констатировать у них лишь наличие симметрично работающих пахотных орудий — рал, возможно, рал нескольких типов, иногда снабжавшихся череслом.

Э. А. РИКМАН

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО
У ПЛЕМЕН ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Установление различий между ремеслом и домашним производством, оценка состояния последнего помогают определению места домашних занятий в системе хозяйства и уточнению представлений об общественном строе. Ниже делается попытка разобраться в этом вопросе по отношению к племенам черняховской культуры первых веков н. э.

Об использовании шерсти в качестве сырья и о наличии мастеров, изготовлявших из нее ткань, у готов IV в. н. э., входивших в число носителей черняховской культуры Поднестровья и нижнего Подунавья, а, вероятно, и у других племен, обитавших одновременно с готами в упомянутом районе, можно заключить из того, что в готском языке, судя по библии Ульфилы, имелся специальный термин для обозначения «валяльщика шерсти»¹. Судя по этому свидетельству, именно шерсть была основным видом сырья при изготовлении ткани.

Пряжу черняховцы пряли, видимо, и из льна, как это практиковалось более ранними карпскими племенами, что известно по находке ткани в Оборочень (у Ясс), относящейся к рубежу II и III вв. н. э.²

Для расчесывания пряжи пользовались небольшими железными гребнями с треугольными и овальными ручками, один из которых найден на селище Кобуска Веке, а второй — вместе с двумя пряслицами — в погребении 33 могильника Ханска-Лутэрия. Такое сочетание находок подтверждает мнение о применении железных гребней в изготовлении пряжи. Близкие по форме и аналогичные по назначению гребни довольно широко распространены на поселениях черняховской культуры³.

Пряслица — грузики из глины, редко — камня, ускорявшие вращение веретена при прядении, найдены на всех селищах, где производились раскопки, и на многих памятниках, обследованных разведками.

Особенно много (70) пряслиц найдено в Будештах. Представлено подавляющее большинство форм. Орудия прядения и шитья были в 30 женских погребениях. Пряслица найдены в 20 погребениях (причем в восьми погребениях — по два пряслица), в четырех жилищах из девяти раскопанных; иглы или игольники (иногда вместе) были в 13 погребениях и в двух жилищах. В могильнике Малаешты пряслица были обнаружены

¹ А. Р. Корсунский. О социальном строе вестготов в IV в. ВДИ, 1965, № 3, стр. 57.

² J. Vlad. Cercetări asupra țesăturii găsite în vasul cu tezaurul de monede de la Oboroceni (г. Păscani, reg. Jasi). AM, V. București, 1967, p. 130.

³ Э. А. Сымонович. Железные гребешки с поселений черняховской культуры. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 174.

в четырех погребениях (в одном — два пряслица), игла — в одном погребении. Таким образом, в Будештах и Малаештах рассматриваемые орудия находились соответственно в 16 и 25% от общего числа женских погребений.

Уже количество пряслиц указывает на распространенность прядения и соответственно ткачества. Массовость применения пряслиц подтверждается тем, что их большей частью формовали на гончарном станке, судя по четким формам и по правильности окружностей. Пряслица сделаны из хорошо отмученной глины без видимых примесей, имеют ту же обработку поверхности и тот же обжиг, что и керамика⁴.

Пряслица наряду с керамикой относятся к числу массовых изделий, сделанных мастерами-ремесленниками по немногим образцам. Форма пряслица обычно стандартная. Типологически они различаются по основной геометрической форме, виды определяются изменениями этой формы, а разновидности — по способу обжига и орнаментации.

Тип. I. Пряслица, в основе формы которых — фигура из двух конусов, соединенных основаниями.

Вид А. Пряслица из конусов одинаковой величины. Подразделяются на разновидности по цвету: красные (в Будештах — четыре пряслица) и серые (в Малаештах — три, в Делакеу — три, в Комрате — одно). В Комрате два таких пряслица покрыты орнаментальными радиальными желобками.

Вид Б. Пряслица в виде двух усеченных конусов, сложенных основаниями. Подразделяются на пять разновидностей: а) серые гладкие пряслица простой усеченно-биконической формы (в Будештах — пять пряслиц, в Малаештах — одно, в Комрате — одно, в Петриканах — одно, в Собарь — одно); б) пряслица красные гладкие той же формы (в Будештах семь пряслиц); в) серые гладкие пряслица, оба основания которых имеют вдавления (в Будештах — 20 пряслиц, в Малаештах — 2, в Балцаты II—3, в Комрате — 2, в Загайканах — 1, в Собарь — 2); г) красные гладкие пряслица той же формы (в Будештах — 20 пряслиц, в Комрате — 2, в Балцаты II—2); д) серые гладкие пряслица, усеченно-биконические с вдавленными основаниями, украшенные по тулову косыми орнаментальными врезными линиями (в Будештах — два пряслица).

Пряслица этого вида количественно преобладают над всеми остальными (72 из 108).

Вид В. Пряслица серого цвета, составленные из двух конусов, один из которых меньше второго; он усеченный со вдавленным основанием. Именуются иногда грибовидными. Типичны для сарматских памятников (в Балцаты II — одно пряслице, в Комрате — одно).

Тип II. Пряслица, в основе формы которых лежат невысокие цилиндры или диски. Пряслица относятся к одному виду, который делится на две разновидности. Первая — объединяет пряслица серые гладкие (в Будештах — восемь пряслиц, в Балцаты I — два, в Балцаты II — два, в Делакеу — одно), вторая — красные гладкие (в Будештах — четыре пряслица). Распространены были и дисковидные самодельные пряслица из черепков амфор и других сосудов (в Комрате — одно пряслице, в Загайканах — два, в Делакеу — одно, в Собарь — одно). Своеобразно гладкое пряслице, представляющее собой ограненный шар (в Будештах — одно пряслице).

На многих селищах найдены конусообразные, усеченно-пирамидальные четырехгранные или призматические (Гидигич) глиняные обожженные и необожженные (Делакеу) грузила с отверстиями, использовавшиеся для натягивания нитей вертикального ткацкого станка, причем в грузила сначала продевали петлю из тонкой веревки, ниток или ремешка и уже к петле прикреплялись концы основы. Запас основы в виде узлов из нитей находился внизу нитей у петель⁵. Нити подвязывались сверху к гори-

⁴ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967. сто. 19.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях. МИА, № 23,

зонтальной планке станка. Глиняные грузила различны по величине и весу. Очевидно, они применялись для натягивания нитей разного диаметра, предназначенных для тканей разной толщины. В наземных жилищах селищ Будешты, Загайканы, Комрат, Мырзешты⁶ и в землянке, раскопанной на селище Делакэу, обнаружены скопления грузил там, где некогда находились ткацкие станки. В той же землянке в Делакэу найдены обугленные планки — остатки деревянных конструкций ткацкого станка.

Кроме тканей были и плетеные изделия. Об этом можно судить по находкам цилиндрических обоюдоострых иголок или спиц для плетения и вязки (в Будештах три иглы, в Делакэу — одна). Ткачеством и вязанием занимались в обычных жилищах, а не в общинных постройках.

Для разглаживания готовых тканей применялись, как полагают⁷, так называемые коньки со срезанным и заполированным основанием, сделанные из длинных костей ног лошади. «Коньки» найдены на селищах Будешты, Делакэу, Комрат.

О тканях можно судить по обрывкам, найденным в погребении 57 могильника Будешты и на селище Делакэу, а также по отпечаткам ткани на обломках глины и сосудах из селищ Лукашевка — Пачина, Собарь, Загайканы. Судя по этим данным, у черняховцев были грубые и тонкие ткани из шерсти и растительного волокна. Остатки полотна разной толщины обнаружены в Оборочень.

Нити ровные, одинаково хорошо скручены. Переплетение нитей полотняное — «крест-накрест» (Будешты, Собарь, Загайканы, Делакэу) и диагоналево-саржевое (Лукашевка — Пачина, Собарь)⁸. Грубое полотно было наиболее распространено у племен черняховской культуры. Обрывок его найден также в Масловском могильнике (Кировоградская область УССР)⁹.

Распространенность портняжного дела подчеркивается находками на памятниках Малаешты и Будешты бронзовых и железных иголок современного типа, иногда находимых в цилиндрических игольниках-футлярах, сделанных из трубчатых птичьих костей. О том же говорит наличие в библии Ульфилы готских слов для обозначения «полотна», «плаща»¹⁰.

Изложенные выше данные свидетельствуют, что наряду с производствами, носившими ремесленный характер, гончарством, бронзолитейным и металлургическим делом, обработкой кости, у племен черняховской культуры были широко распространены специализированные женские домашние производства — прядение, ткачество и портняжное дело, представленные большим числом находок. Судя по условиям обнаружения упомянутых выше орудий в обычных семейных жилищах и индивидуальных могилах, рассматриваемые занятия — индивидуальные или семейные. Нет свидетельств о совместном, коллективном характере этих занятий в отличие от того, что наблюдается в период средневековья¹¹.

В позднеантичном мире ткачество, как у черняховцев, было домашним производством, и его технический уровень не превосходил таковой у упомянутых племен. Об этом заключаем по сходству найденных, например на Боспоре, орудий труда и остатков ткани¹² с тем, что известно у черняховцев.

1952, стр. 405. С мнением об использовании таких грузил главным образом для рыбацких сетей нельзя согласиться (Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, № 57, 1956, стр. 154—160).

⁶ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. МИА, № 89, 1960, табл. 18, 21.

⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 225—226.

⁸ При определении тканей я пользовался консультацией Л. В. Ефимовой и М. Н. Левинсон в отделе тканей ГИМ (Москва).

⁹ В. П. Петров. Масловский могильник на р. Товмач. МИА, № 116, 1964, рис. 8, 3.

¹⁰ А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 57.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 186.

¹² И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 174.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКОО ХАРАКТЕРЕ КЕРАМИЧЕСКОГО КЛЕЙМЕНИЯ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Вопрос о характере клеймения крупной керамики (амфор, пифосов и черепиц), неоднократно поднимавшийся на страницах отечественной и зарубежной печати вот уже на протяжении ста лет, до сих пор не решен. В настоящее время господствует представление о частном характере клеймения, однако некоторые исследователи продолжают настаивать на его государственном характере¹. Вследствие существования различных точек зрения по этому вопросу необходимо вернуться к нему еще раз, привлекая некоторые неиспользованные прежде возможности самих керамических клейм.

В клеймении керамики, которое имело место в греческих полисах на протяжении довольно длительного времени, было много общего, но в каждом центре производства имелись некоторые черты, отличавшие клеймение одного центра от другого. Общим являлся прежде всего сам институт клеймения, который представлял собой контроль над керамическим производством. Этот контроль осуществлялся государственной властью в лице соответствующих чиновников или магистратов². Контроль осуществлялся над деятельностью частных гончарных мастерских³, различных по величине и производительности. Эти мастерские занимались в основном изготовлением амфор, а в некоторых из них одновременно изготавливали амфоры, пифосы и черепицу. На всех этих видах продукции иногда стоят совершенно одинаковые клейма, что говорит об общем назначении клейм⁴.

Если рассматривать все керамические клейма, то можно заметить иногда незначительную, иногда очень большую разницу между ними. Некоторые клейма содержат только одну эмблему, другие — одну только надпись, третьи — надпись вместе с эмблемой. Здесь, возможно, действует какой-то критерий времени, который влияет на содержание и оформление клейма. Ве-

¹ Подробно об этом см.: *Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М., 1929, стр. 44 и сл.; *И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики*. СА, 1961, № 2, стр. 303—304; *В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах*. НЭ, т. VII, 1968, стр. 23.

² Платон считал, что такой контроль должен был осуществляться астиномами (см.: *Plat. Leg.*, 760).

³ В некоторых полисах имелись общественные мастерские. О существовании этих государственных предприятий свидетельствуют клейма с ΔΗΜΟΣΙΗ, ΠΑΝΤΙ и др.

⁴ В настоящее время все больше распространяется мнение о значительной стандартизации продукции гончарных мастерских, и клейма рассматриваются как знаки гарантии емкости амфор и пифосов и общих габаритов черепиц, выпускаемых в полисах. Нам известны синопские солены III в. до н. э., формы которых отступают от принятого в этом городе стандарта. Клейма на них отсутствуют.

роятно, возникнув в определенных конкретно-исторических⁵ условиях, клеймение подвергалось затем изменениям на различных этапах своего развития.

Сравнение клейм всех центров позволяет выделить два периода в истории клеймения — ранний и поздний. Каждый из этих периодов имеет свой ярко выраженный характер. Чтобы понять его, необходимо рассмотреть состав (содержание) клейм в каждом из этих периодов и определить принадлежность их составных частей.

Клеймение возникает как необходимость подтверждения емкости амфор в определенных мерах. Каким образом можно было гарантировать емкость сосуда? Вероятно, оттиском на сосуде какого-то гарантийного знака. Таким знаком могла быть государственная эмблема или герб города. В этом отношении ранние керамические клейма очень близки ранним монетам, на лицевой стороне которых был изображен тот знак, по которому определялась принадлежность монет. Не случайно локализация ранних клейм была установлена путем их сравнения с монетами. Так были определены хиосские клейма, клейма Эгины, о-ва Менде и др. Лицевая сторона ранних монет, символы которых были заимствованы мастерами-резчиками клейм, надписей не имела, поэтому и ранние керамические клейма все анэпиграфные. Хиосские клейма повторяют аверсы монет с изображением сидящего сфинкса перед амфорой, клейма Менде повторяют монетные изображения Диониса, сидящего на осле с канфаром в руке, клейма Эгины изображают черепаху. Раннее синопское клеймо имеет изображение орла и дельфина. Таким образом, в период зарождения государственного контроля над керамическим производством функции контрольного знака исполняло клеймо, заимствованное с монет⁶. В дальнейшем контроль над гончарным производством, видимо, усиливается. Поэтому керамическое клеймо усложняется. К эмблеме добавляется надпись⁷, содержащая имя контролирующего чиновника⁸. В таком виде предстают перед нами ранние клейма Фасоса, Синопы и других центров. Это уже второй этап раннего периода клеймения, характеризующийся наличием в надписи клейма обязательного имени чиновника, что и придавало клеймению государственный характер, несмотря на исчезновение из клейм городских эмблем.

Имена чиновников обычно сопровождаются каким-нибудь определяющим словом. Это может быть предлог ΕΠΙ или термины ΑΣΤΥΝΟΜΟΣ, ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΣ, ΠΕΡΕΩΣ, ΦΡΟΥΡΑΡΧΟΣ, ΔΑΜΙΟΥΡΓΟΣ⁹. Предлог ΕΠΙ встречается в клеймах Фасоса, Гераклеи, Синопы, Родоса и других цент-

⁵ Появление клеймения, по всей вероятности, нужно связывать с действием афинского закона Клеарха, который предписывал союзникам следовать афинским мерным единицам и запрещал чеканку собственной серебряной монеты. До сих пор действие этого закона рассматривалось только нумизматами, недавно на него обратили внимание и керамисты (см.: *V. Grace. Early Thasian Stamped Amphoras. AJA, т. L, 1964, № 1, стр. 31 сл.*).

⁶ Безусловно, нельзя полностью отождествлять керамическое клеймение с монетным, однако некоторую общность все же можно подчеркнуть. Монетный штемпель гарантировал полный вес и чистоту металла, керамический штемпель давал гарантию емкости амфоры. Способы выражения этой гарантии совпадают.

⁷ Это же явление наблюдается и в монетных системах. Городской знак на монетах дополняется надписями и прежде всего городскими *εθνικά* и именами чиновников. Оценивая цели помещения на монетах магистратских имен, А. Н. Зограф отмечает, что они дают официальную государственную гарантию, фиксируют ответственность определенного лица за данный выпуск монет, облегчая этим государству контроль над правильностью денежного обращения. Появление имен магистратов на монетах, безусловно, свидетельствует об усилении государственного контроля над монетными эмиссиями (см.: *А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16. 1951, стр. 84*).

⁸ В настоящее время трудно говорить о способах этого контроля, но ясно, что клеймо наносилось до обжига амфор и черепиц, и контроль, вероятно, осуществлялся в период между изготовлением керамики и ее обжигом.

⁹ Несмотря на различие терминов, роль всех упоминаемых в клеймах магистратов одна — осуществление государственного контроля над частным производством.

ров. Слова ΑΕΤΥΝΟΜΟΣ и ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΣ характерны для клейм Синопы и Херсонеса, слово ΓΕΡΕΩΣ известно только в родосских клеймах, ΦΡΟΥΡΑΡΧΟΣ и ΔΑΜΙΟΥΡΓΟΣ сопровождают имена квидских магистратов. Государственный характер клеймения в некоторых центрах подчеркивается введением в клейма названия полиса, как, например, ΘΑ ΟΝ и ΚΝΙΔΙΟΝ, и особенно ярко иллюстрируется паросскими клеймами, состоящими только из одного слова ΠΑΡΙΩΝ.

В подавляющем большинстве клейм многих центров, помимо имен магистратов, имеются имена гончаров или владельцев гончарных мастерских¹⁰. Иногда эти имена сопровождаются словами ΚΕΡΑΜΕΩΣ, ΕΡΓΑΣΤΗΡΙΑΡΧΟΣ, ΚΕΡΑΜΑΡΧΟΣ¹¹. Однако наличие вторых имен, принадлежащих владельцам мастерских, не меняет общего характера клеймения, которое остается государственным¹². Официальный характер клейма не меняется и с дополнением надписи словом ΕΠΟΝΣΕ¹³. Здесь речь идет о мастере, который участвовал в изготовлении амфор, но имя чиновника придает клейму государственный характер.

Иногда имена гончаров выступают в самостоятельных клеймах, но такие клейма являются, как правило, дополнением к магистратским клеймам¹⁴. В этом случае гончарные клейма играют подчиненную роль и не могут быть аргументом против положения о государственном характере клеймения¹⁵. При рассмотрении вопроса о характере керамического клеймения большое значение имеет исследование отношения эмблем к именам, стоящим в клеймах. В этом смысле все керамические клейма можно разделить на две группы: клейма, содержащие эмблемы без надписи, и клейма, содержащие эмблему с надписью.

Рассмотрим сначала эмблемы, сопровождающие надписи. Они встречаются в клеймах Фасоса, Синопы, Родоса, Гераклеи, Херсонеса, Книда, Коса и некоторых других центров производства.

¹⁰ В. И. Цехмистренко. Указ. соч., стр. 32—33. Ср.: Ю. С. Крушкoл. О значении вторых имен родосских амфорных клейм. «Древний мир». М., 1962, стр. 555 сл.

¹¹ В. В. Шкорпил. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 130, 135, 136; Б. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 179.

¹² По всей вероятности, штемпель, которым производилось клеймение керамики, принадлежал не магистрату (В. В. Борисова. К вопросу об астиномиях Херсонеса. ВДИ, 1955, № 2, стр. 147), а владельцу мастерской, имя которого или его эмблема (а иногда то и другое вместе) часто присутствовали в клейме. Это обстоятельство вводит обычно исследователей в заблуждение, заставляя отстаивать частный характер самого клеймения на всем протяжении его истории. Как показывает изучение клейм, владельцы гончарных мастерских в некоторых городах стремились показать свою значимость и роль в керамическом производстве. Об этом свидетельствуют схемы построения надписей клейм. Так, в синопских, фасосских и гераклейских клеймах надписи обычно начинаются с имени магистрата, но одновременно с этим общим правилом встречаются клейма с надписями, в которых на первом месте поставлено имя гончара. Вероятно, для гончаров это имело какое-то особое значение. Не имея возможности полностью выйти из-под государственного контроля, они, может быть, таким образом пытались подчеркнуть желанную для них независимость.

¹³ В. В. Шкорпил. Указ. соч., стр. 130, № 1.

¹⁴ Как известно, система родосского клеймения основана на клеймении обеих ручек самостоятельными штемпелями, из которых в одном клейме стояло имя жреца-магистрата, осуществлявшего надзор за гончарным производством, в другом помещалось имя гончара. На Фасосе в раннем периоде встречается разделение надписи между двумя клеймами (см.: Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 89, табл. VIII, 1 и другие издания). В синопских клеймах это явление наблюдается дважды на протяжении всего периода астиномного клеймения. Один раз в конце IV в. до н. э., другой раз во второй половине III в. до н. э. (см.: В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, № 3, стр. 68—72).

¹⁵ Существует одна группа синопских гончарных клейм, которые не сопровождаются отдельным астиномным клеймом. Эти клейма, кроме имени гончара, имеют в своем составе эмблему города, которая придает клейму официальный характер (см.: В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма, стр. 60—68).

Эмблемы, стоящие в клеймах с надписями, могут иметь различное содержание. В некоторых керамических клеймах в качестве эмблемы употребляется государственный знак. Сюда можно отнести эмблему с изображением орла, клюющего дельфина,— в ранних клеймах Синопы; Геракла, стреляющего из лука,— в клеймах Фасоса; цветок граната — в круглых родосских клеймах.

Кроме клейм с этими официальными знаками существуют многочисленные группы клейм, в которых эмблемы принадлежат магистратам. Это астиномне эмблемы в синопских клеймах, эмблемы магистратов в клеймах Фасоса, Гераклеи и др. Например, имя синопского астинома Микрия сопровождается эмблемой с изображением коня в различной трактовке¹⁶, имя астинома Мильтиада сопровождается изображением молнии, Гикесия — слона и т. д. Один из фасосских магистратов Сатир, имя которого стоит в маленьких круглых клеймах, имеет в качестве эмблемы голову бородатого человека, которая сопровождается различными именами гончаров в дополнительном клейме. Другой фасосский магистрат Главкон имеет в качестве эмблемы канфар, Тимесий — изображение дельфина и т. д. Гераклеийский магистрат Сатир имеет эмблему палицу. Все эти эмблемы подчеркивают государственный характер клеймения этого периода.

Однако наряду с городскими эмблемами и магистратскими знаками существует еще одна категория эмблем. Их содержание раскрывается при изучении клейм с несколькими эмблемами в одном штемпеле.

Наиболее яркую картину дают синопские клейма. Например, во всех клеймах астинома Аристофана имя этого чиновника сопровождается эмблемой в виде головы льва впрямь. Однако кроме астиномной эмблемы в каждом клейме этой группы имеется еще дополнительная эмблема: ракушка, птица, венок, палица, дельфин и др. Нам известно 14 дополнительных эмблем. Они астиному не принадлежат, поскольку, как уже говорилось выше, он имеет свою эмблему, фигурирующую во всех его клеймах. Но нельзя сказать, что эти дополнительные эмблемы принадлежат каждому из гончаров, так как встречаются повторения эмблем с несколькими именами гончаров. Так, палица встречается в клеймах с именами гончаров Мантифа и Деметрия, дельфин известен в клеймах гончаров Дионисия и Хаврия¹⁷.

Дополнительные эмблемы встречаются не только в синопских клеймах, они имеются в большом числе в фасосских клеймах, в клеймах Родоса, Гераклеи и других центров. Например, в фасосском клейме с именем чиновника Леодика кроме основной эмблемы с изображением Геракла, стреляющего из лука, имеется дополнительный символ в виде колоса¹⁸, в родосском круглом клейме рядом с городской эмблемой — цветком помещена эмблема, изображающая пчелу¹⁹, и т. д. Эти дополнительные эмблемы, по всей вероятности, принадлежат владельцам гончарных мастерских или самим мастерским²⁰.

Эмблемы мастерских могли присутствовать в клейме не только в качестве дополнительных знаков при магистратских эмблемах. Они могли сопровождать надписи, в которых имена магистратов не имели своих эмблем.

¹⁶ Встречается изображение вставшего на дыбы коня, повернутое влево, спокойно идущий конь вправо и голова коня (см.: В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, № 1, стр. 57, рис. 1—5; он же. Заметки о синопских клеймах. СА, 1964, № 1, стр. 323—324, рис. 3).

¹⁷ В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен..., стр. 27, табл. 3.

¹⁸ А.-М. Вон et А. Вон. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris, 1957, стр. 285, № 1093.

¹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 193, рис. 44, 1.

²⁰ В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен..., стр. 29. По этим эмблемам современники определяли, из какой мастерской вышла амфора или черепица. Эмблема мастерской имела значение только для того города, из которого происходил ее владелец.

Таковы клейма Синопы астиномных групп Хаврия, Эскина²¹ и других, родосские клейма с именами гончаров и эмблемами в виде дельфина, якоря и т. п. Фасосские клейма с надписью по двум сторонам штемпеля, имеющей в своем составе этникон и имя чиновника, все сопровождаются эмблемами мастерских. Так, имя магистрата Эсхриона встречается в 25 клеймах и всякий раз с различными эмблемами (лук, кифара, рог изобилия, венок, молния, змея, птица и др.), Амфандр известен в 17 клеймах (эмблемы амфора, лошадь, венок, палица, алабастр, краб и др.).

Таким образом, в целом ряде керамических клейм эмблемы принадлежат гончарным мастерским. Это третий вид принадлежности эмблем. Однако присутствие в клеймах эмблем мастерских не отрицает государственного характера клеймения, поскольку эти эмблемы либо сопровождают государственные или магистратские знаки, либо сопутствуют именам чиновников²².

Анэпиграфные клейма также могут содержать государственные знаки, эмблемы чиновников или знаки гончарных мастерских. Известное нам родосское анэпиграфное клеймо содержит изображение цветка граната²³, а описанное выше фасосское клеймо имеет изображение коленапреклоненного Геракла. Синопское анэпиграфное клеймо, недавно опубликованное О. Д. Дашевской²⁴, также содержит изображение орла и дельфина.

Знаки чиновников встречаются в некоторых синопских анэпиграфных клеймах. На одном из них изображен стоящий впрямь человек²⁵. Аналогичная эмблема встречается в клеймах с именем астинома Аристона²⁶.

Наконец, знаки мастерских известны в фасосских анэпиграфных клеймах, которые сопровождали ранние трехстрочные клейма без эмблем. Эти анэпиграфные клейма стояли либо на второй амфорной ручке, либо рядом с основным клеймом на одной из ручек. Так, в группе клейм магистрата ΛΕΩΝΙ анэпиграфное клеймо с изображением факела сопровождается клеймо с именем гончара Эвагора²⁷, а клеймо с изображением черепахи сопровождается клеймо с именем гончара Леофана²⁸. В группе клейм магистрата Диара известны анэпиграфные клейма с эмблемой в виде круга при клейме гончара Аристагора²⁹ и клеймо с фиалой при гончаре Леофане³⁰. В корпусе фасосских клейм помещено анэпиграфное клеймо с изображением сатира при клейме со стертой надписью³¹. Нам известна амфорная ручка Керченского музея с двумя клеймами: одно с именем чиновника Харона и гончара Сатира, другое анэпиграфное с изображением сатира. Принадлежность этих анэпиграфных клейм гончарным мастерским не вызывает сомнений.

²¹ В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен..., стр. 26, табл. 2.

²² Выше уже говорилось, что владельцы мастерских стремились подчеркнуть свою роль в производстве путем изменения схем построения надписи. Нечто подобное можно проследить и на эмблемах. В этом отношении показательными являются синопские клейма. Здесь клеймение начинается с употребления государственного знака в штемпеле, который в определенный период резко сменяется знаками гончарных мастерских. В дальнейшем в клеймах появляются эмблемы астиномов, которые на первых порах сосуществуют со знаками гончарных мастерских. Затем гончарные эмблемы надолго, почти на столетие, исчезают из клейм, чтобы вновь заменить эмблемы магистратов в конце астиномного клеймения.

²³ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 147, рис. 4, 1.

²⁴ О. Д. Дашевская. Работы Донузлавской экспедиции. АО 1967 г. М., 1968, стр. 215.

²⁵ Клеймо Керченского музея, не издано.

²⁶ Анэпиграфное клеймо, вероятно, сопровождало клеймо гончара Маникка, не имеющее в своем составе эмблемы.

²⁷ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 48, № 275.

²⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 84.

²⁹ Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 42, № 125.

³⁰ Там же, стр. 42, № 126.

³¹ А.-М. Вон et А. Вон. Указ. соч., стр. 81, № 85.

Итак, исследование принадлежности имен и эмблем в керамических клеймах подтверждает государственный характер клейм в первый период клеймения. Об этом свидетельствуют анэпиграфные клейма Хиоса и Менде, содержащие только государственные эмблемы. Об этом говорят многочисленные клейма Фасоса, Гераклеи, Синопы, Родоса, Книда, содержащие в своем составе имена магистратов. Наиболее яркими в этом отношении являются херсонесские клейма, в большинстве своем содержащие только одно имя астинома.

Однако кроме клейм, содержащих несколько имен, определяемых как имена магистратов и гончаров, существуют клейма, состоящие только из одного имени, без определителя и эмблемы. Исследования показывают, что эти имена принадлежат гончарам. Они выступают самостоятельно, а не сопровождают клейма с именами магистратов. Такие клейма могут быть отнесены к позднему периоду клеймения, и их характер отличается от клейм предшествующего времени. Примером могут служить синопские клейма послеастиномного периода. На первых порах они содержат имена керамевсов и даты, позже исчезают даты и определитель. Отсутствие в таких клеймах имен чиновников позволяет говорить о частном характере этих клейм.

В дальнейшем, в римский период, окончательно утрачивается государственный характер клеймения, которое повсюду становится частным, на что в свое время указывал Б. Н. Граков³².

³² Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 44.

И. Д. МАРЧЕНКО

ОБ АНТИЧНЫХ ГЛАЗУРОВАННЫХ СОСУДАХ
ИЗ МУЗЕЕВ СССР

Глазурованные сосуды представляют собой одну из групп эллинистической рельефной керамики, поверхность которой покрывалась блестящей стекловидной глазурью разных оттенков. Наиболее распространенными тонами глазури были зелено-коричневые и желто-коричневые; глазурь накладывалась на внешнюю и внутреннюю стороны сосуда. Формы сосудов разнообразны: амфоры, ойнохои, высокие кружки, скифосы с двумя ручками, килики с прямым краем, канфары, светильники, фигурные ритоны, даже чернильницы в виде лягушек и других животных¹. Относительная простота изготовления глазурованных сосудов, применение форм, матриц и штампов для украшения поверхности способствовали широкому распространению этого рода керамики в позднереческий и римский периоды.

Этот вид изделий, выполненных в глине или фаянсе и покрытых желто-коричневой или зеленоватой поливой, вместе с другими предметами — мегарскими чашами и арретинскими сосудами — служил имитацией дорогих металлических сосудов, интерес к которым получил широкое развитие в эпоху позднего эллинизма. Происхождение глазурованной керамики имеет глубокие корни. Еще в древнем Египте большого развития достигла техника глазурования фаянсовых изделий² — разнообразных предметов започойного культа — ушебти, амулетов и украшений. Из Египта искусство глазури проникло на Крит, где в этой технике выделялись фаянсовые глазурованные фигурки богинь. Не менее великолепны фаянсовые изделия Кипра, полихромные бюсты из Энкоми³ и фаянсовый глазурованный ритон из Китиона⁴, датированный XIII в. до н. э.

Другим крупным очагом производства глазурованных изделий была Месопотамия; здесь применялась глазурованная облицовка кирпича, придание ему полихромного, прочного и блестящего покрытия. Уже с древнейшей поры месопотамские глазурованные сосуды получают широкое распространение. Они попадают в Закавказье, оседают в курганах Триалети⁵,

¹ *H. V. Walters. Catalogue of the Roman Pottery in the Departments of Antiquities British Museum. London, 1908, стр. X; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 254.*

² *А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958; В. В. Павлов, С. И. Ходжаи. Художественное ремесло древнего Египта. М., 1959; F. Bissing. Catalogue general des antiquités Egyptiennes du Musée du Caire. Fayencegefasse. Wienne, 1902.*

³ *H. Hall. Minoan fayence in Mesopotamia. JHSP, XLVIII, 1928, стр. 65, рис. 2.*

⁴ *Н. А. Сидорова. О поездке на Кипр. ВДИ, 1963, № 3, стр. 192, рис. 5.*

⁵ См. глазурованный глиняный кубок урартского времени из могилы Марал-Дереси в Государственном музее Грузии в Тбилиси; *Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XX.*

проникают далее на северо-восток в Кавказскую Албанию, о чем можно судить по находкам в кургане в Мингечауре, датированном III в. до н. э. В нем найдена небольшая фаянсовая чашка с блюдцем, покрытая беловато-зеленой глазурью, а в другом погребении некрополя Мингечаура оказалось глазурованное блюдо⁶.

В Греции развитие глазурованных изделий имеет длительную историю. В течение архаического периода они sporadически встречаются на Родосе и в Навкратисе. В классический период эта область художественного ремесла не получает широкого развития из-за преобладания чернолаковой керамики, и отдельные сосуды являются по сути дела интересными диковинками, рассчитанными на удовлетворение изысканного вкуса одиночек. Такова фигурная ваза Британского музея в виде утки с сидящим на ней Эротом из Танагры⁷. В эллинистический период были использованы все виды технических приемов, выработанных в предшествующее время.

Огромную роль в этом сыграла Александрия, новый центр экономической и культурной жизни, где соприкасались элементы древней и новой культуры. На базе использования старых технических средств древнего Египта и Месопотамии, усовершенствованных новыми изобретениями, ремесленники Александрии создали множество оригинальных изделий, покрытых блестящей стекловидной глазурью⁸, среди которых особую известность приобрели глазурованные ойнохой III в. до н. э., украшенные изображением египетских цариц из династии Птолемеев. Производство поливных сосудов стало развиваться во многих местах, и хотя в это время главенствующую роль играла краснолаковая рельефная керамика, в изобретении глазурованной керамики можно видеть попытку создать общеэллинистический вид керамики. Эта керамика локализуется на Востоке в Сирии⁹, Киликии, Фракии, Паннонии¹⁰, Северном Причерноморье, на западе — в Италии¹¹ и Галлии, Германии¹² и Британии. Мастерские в Малой Азии наследовали опыт и мастерство предшествующего периода развития ремесла. Изделия из Сирии отличаются высоким качеством; многочисленные скифосы, аски, чаши, покрытые глазурью, в тонах которой преобладали зеленоватые оттенки, в большом количестве представлены в музеях Америки¹³, куда они попали из раскопок и случайных покупок в городах Сирии и Ионии. Естественно, что оживленные торговые отношения городов Северного Причерноморья с Малой Азией привели к проникновению сюда подобных изделий. Правда, число выявленных по музейным собраниям СССР глазурованных сосудов не столь велико, известно около 35 целых или сохранившихся в виде отдельных фрагментов глазурованных сосудов, но эта цифра постоянно увеличивается благодаря археологическим исследованиям.

Систематические раскопки Пантикапея привели к открытию новых типов глазурованных сосудов. Они не были известны тем русским ученым¹⁴, которые занимались этими вопросами около полувека назад.

⁶ Г. Асланов, Р. Ваидов, Г. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 180.

⁷ H. B. Walters, Указ. соч., табл. I. Глазурованный канфар из этой же могилы (см.: A. Furtwangler. Collection Sabouroff, т. II. Berlin, 1883—1887, табл. 70, 3.

⁸ И. Д. Марченко. Из истории художественного ремесла Александрии. ВДИ, 1962, № 2, стр. 102—108.

⁹ M. Rosiövtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World, I, Oxford, 1941, стр. 1010, табл. CVII—CVIII.

¹⁰ E. B. Thomas. Die römische Villa von Tacfovenpuszta. «Acta archaeologica Hungarica», VI, 1955, стр. 120, табл. 49, 50, 51.

¹¹ K. Rohden. Terrakotten von Pompeji. Stuttgart, 1880, I, стр. 29, 57, t. XLVII; Fr. Frensdorff. Die Denkmäler des römischen Köln, т. I. Berlin, 1928, стр. 10, 90, 91.

¹² S. Loeschke. Keramische Funde in Haltern. «Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen», т. V. Bonn, 1908, табл. XVIII, стр. 193.

¹³ C. Richter. Handbook of the classical Collection the Metropolitan Museum of Art. New York, 1917, стр. 192.

¹⁴ Э. Штерн. Античная глазурованная посуда с юга России. ЗООИД, т. XXII, 1899, отд.

Происхождение глазурованных сосудов, хранящихся в Государственном музее изобразительных искусств, Государственном Эрмитаже, Одесском и Херсонесском музеях, самое различное. Большинство их найдено при хищнических раскопках некрополей Ольвии и Пантикапея и поступило в музей через скупщиков античных предметов, поэтому научные паспорта вещей имеют весьма относительную ценность. Некоторые сосуды, упоминаемые в литературе, в настоящее время утеряны, например сосуды из коллекции Суручана в Кишиневе; другие — происходят из плохо документированных раскопок XIX в. — например, из раскопок И. Е. Забелина в Ольвии или Х. Лопера в Херсонесе. Поэтому особую ценность имеют фрагменты глазурованных сосудов, найденных в последние годы при раскопках Пантикапея и в других античных поселениях Крыма.

В художественном отношении публикуемые глазурованные сосуды различны: одни представляют выдающиеся произведения античного прикладного ремесла (например, хранящаяся в ГМИИ ваза с изображением суда Париса), другие — более скромные изделия рядовых ремесленников, повторяющие излюбленные потребителем формы и декоративные мотивы.

Сравнение глазурованных сосудов из музеев СССР позволяет выделить три группы, которые связаны с происхождением, по-видимому, из трех центров.

Если первую из них следует определить как малоазийскую и в ней значительное количество сосудов отнести к изделиям пергамских мастерских, а вторую группу отнести к Ионии, возможно к островам, то локализация третьей группы более затруднительна, и мы склоняемся к тому, что родину ее следует искать либо в западных областях античного мира, либо на территории Крыма.

Жесткая глина сосудов третьей группы имеет более яркий, желто-коричневатый оттенок, чем мягкая сероватая глина тонкостенных сосудов первой группы. Как для первой, так и для третьей группы характерно постоянство применяемых для декорирования изобразительных средств и определенная устойчивость сюжетов. В третьей группе — некоторая однотонность в наборе декоративных мотивов, в основном — это ряды крупных точек и однообразные листики, помещенные в один ряд.

К первой малоазийской группе мы относим 13 сосудов, хранящихся в археологических музеях Одессы, Херсонеса, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственном Эрмитаже. Эти сосуды различной формы, из них девять имеют форму скифоса, три сосуда — полушаровидные кубки, один — в виде кружки или модиолуса с одной ручкой. Сосуды первой группы имеют более разнообразные украшения: среди них есть сюжетные композиции в виде сценок борьбы пигмеев с журавлями, с дионисийским кругом — менады, флейтисты, маски сатиров, жезлы, повязанные тениями, гирлянды — и, наконец, изображения, которые скорее всего следует связать с агонами. В украшении сосудов этой группы применяются рельефно выполненные дубовые ветви с желудями и листьями, листья плюща, ветви и плоды оливы. Как правило, у скифосов центральный фриз с изображениями отделен от верхнего края рельефной полосой ов, что является признаком первой группы сосудов. Цвет глазури на этих сосудах — желтовато-коричневый с зелеными оттенками.

В музейных коллекциях большинство глазурованных сосудов происходит из Ольвии. Первое место среди них занимает ваза в форме кружки или модиолуса с изображением суда Париса (рис. 1, 2). Она поступила в ГМИИ из собрания Зубалова и происходит из хищнических раскопок некрополя Ольвии.

Рис. 1. Глазурованные вазы с рельефными
1, 2 — ваза с изображением суда Париса. Из Ольвии. I в. до н. э.;
Находка 1962 г.

Поверхность вазы покрыта зеленоватой с коричневыми затеками глазурью. Своей чеканной формой, раструбом в верхней части, рельефными поясками внизу ваза искусно имитирует металлические сосуды. Фигурки богинь, Гермеса и Париса не прикреплены неподвижно к стенкам сосуда, а изображены почти объемно. Они вылеплены от руки, несколько небрежно и свободно, без тщательной передачи деталей и прекрасно передают жизненную правду жанровой сценки, которую с таким мастерством и художественным вкусом изобразил эллинистический мастер. В последние годы стало известно об открытии в Греции, вблизи Коринфа, еще одного глазурованного сосуда, близкого по форме и по характеру росписи сосудам из Ольвии и Пеллы. Он украшен растительными мотивами и птицами, сидящими на ветвях¹⁵ (рис. 1, 4).

Вопрос о московской вазе с судом Париса неоднократно разбирался в литературе, первоначально ученые видели в ней произведение александрийской школы¹⁶, но в настоящее время признано, что она является изделием малоазиатских мастеров I в. до н. э. Это доказал Р. Цан¹⁷ путем тщательного изучения сосуда, происходящего из Пеллы и украшенного изображением скелета, различных предметов, связанных с пирами и танцующих карликов (рис. 1, 3). По определению Р. Цана, для глазурованных изделий Малой Азии характерен желтовато-коричневый цвет. Недавно М. М. Кобылина¹⁸ высказала предположение, что на живописном рельефе, покрывающем поверхность ольвийской вазы дано шаржированное изображение суда Париса, представленное уличными актерами-мимами.

Восемь глазурованных сосудов обладают общими чертами, позволяющими выделить их в отдельную подгруппу и связать с одной пергамской

¹⁵ H. S. Robinson. A green-glazed «modiolus» from Kenchreai. ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ ΕΙΣ ΑΝΑΣΤΑΣΗΟΝ Κ. ΟΡΓΑΝΑΟΥ. Αθήναι, 1965, стр. 180, табл. LVIII.

¹⁶ А. Шварц. По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в селе Парутино. «Древности», т. XV, 1894; Э. Штерн. Античная глазурованная посуда с юга России. ЗООИД, т. XXII, 1900, стр. 22.

¹⁷ R. Zahn. Кτῶ χρῶ Glasierter Tonbecher im Berliner Antiquarium. Einunddachzigstes Winkelmannsprogramm der Archeologischen Gesellschaft zu Berlin. 1923, стр. 1—22.

¹⁸ М. М. Кобылина. Эллинистическая ваза из Ольвии. «Ученые записки МГУ. Труды кафедры искусствознания», вып. 126, кн. I, 1947, стр. 3—10.

3

4

изображениями. Малая Азия

3 — ваза с изображением скелета и карликов. Из Пеллы. I в. до н. э.; 4 — ваза с растительными мотивами. Из Кенхрай, вблизи Коринфа. I в. н. э.

мастерской. Это скифосы с кольцевидными ручками, покрытые глазурью желтовато-коричневого цвета и украшенные рельефными изображениями широко распространенных сюжетов, например сценами борьбы пигмеев с журавлями или растительными мотивами, — гирлянды, дубовые и оливковые ветви, которые часто использовались при украшении рельефной краснолаковой керамики. В эту группу следует отнести два фрагмента скифосов со сходным сюжетом. Один из них имеет изображение борьбы пигмеев с журавлями (ОГИМ, А 22943). По словам Э. Штерна¹⁹, он куплен был в 1899 г. и происходит из Ольвии. Поверхность его покрыта коричневатой глазурью, выше декоративного фриза проходит полоса рельефных ов (рис. 2, 1). Фрагмент от другой вазы с изображением журавля был найден Б. В. Фармаковским в Ольвии при раскопках 1909 г. (ГЭОП 2879). На этих сосудах, сделанных из глины, фигурка выполнена из светлого алебастра и имеет зеленсватый тон. Сосуд снаружи и внутри покрыт коричневой поливой.

Еще один скифос, глазурованный коричневой поливой, поступил в 1899 г. в Одесский музей из коллекции Маврогордато; найден он в некрополе Ольвии²⁰. На фризе его расположены гирлянды, гориты и корзины, а выше их — рельефная полоса ов. Его следует отнести к изделиям этой же пергамской мастерской. Такой же полоской рельефных ов отделен фриз из дубовых листьев и желудей на фрагментах глазурованных сосудов, обнаруженных в Херсонесе в средневековом здании Х. Лепером в 1912 г. (№23948), и на фрагменте, который открыт О. Д. Дашевской при раскопках Беляуса. Мотив дубовых листьев и желудей встречается в краснолаковой рельефной керамике. Известна рельефная чаша с таким же сюжетом, выполненная мастером Атеусом²¹.

К изделиям этой же мастерской относится фрагмент одного глазурованного скифоса, открытого в 1962 г. Б. Г. Петерсом при раскопках антич-

¹⁹ Э. Штерн. Античная глазурованная посуда с юга России. ЗООИД, XXII, 1899, стр. 24.

²⁰ Э. Штерн. Указ. соч., стр. 29, рис. 1.

²¹ А. Охе. Arretinische Reliefgefasse vom Rhein Materialien tomischgerman. «Keramik», г. 5, 1933.

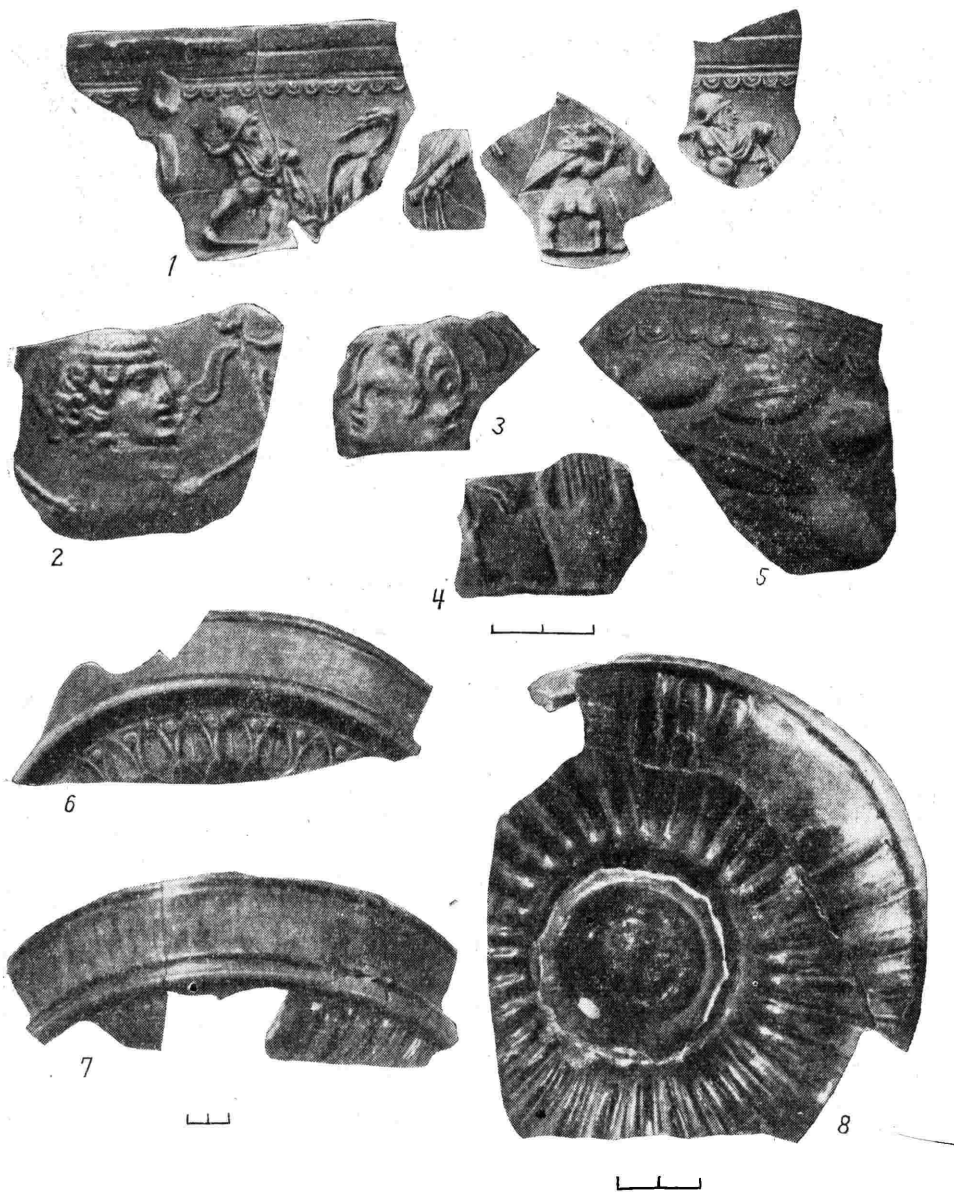

Рис. 2. Фрагменты сосудов первой группы

1 — скифос из Ольвии. Одесский археологический музей; 2—4 — фрагменты кубков из Пантикапея. Государственный музей изобразительных искусств; 5 — фрагмент скифоса из Михайловки. Керченский археологический музей; 6—8 — фрагменты сосудов второй группы. Чаши из Пантикапея. Государственный музей изобразительных искусств

ного поселения у села Михайловки в слое I в. до н. э. На фризе сосуда помещены рельефные листья и плоды оливы, выполненные из беловатого алебастра (рис. 2, 5), покрыт он прозрачной глазурью желтовато-коричневого тона²².

Еще один фрагмент такого же глазурованного сосуда, но с изображением рельефного листика плюща хранится в Херсонесском археологическом музее, куда поступил из старых раскопок Косцюшко-Валюжинича (инв. № 7599).

²² Выражаю благодарность Б. Г. Петерсу за разрешение опубликовать эту находку.

Последний из известных нам пергамских глазурованных скифосов найден в Пантикапее в слое I в. н. э. вместе с находками предшествующего периода. От сосуда сохранился небольшой фрагмент с полосой рельефных ов²³.

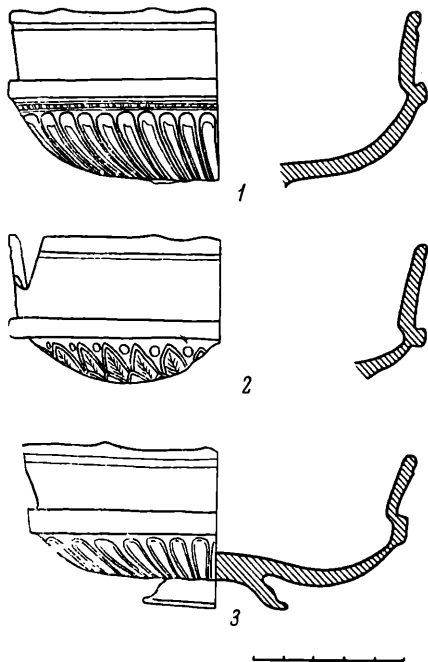
Таким образом, выделяется группа из восьми скифосов, одинаковых по форме, по цвету глазури с излюбленными деталями декорации, в частности с отделкой в виде полосы рельефных ов. В них улавливается применение определенных технических приемов: украшение прилепными рельефами, прокатка врезным цилиндром-штампом для получения полосы ов, использование малых форм-матриц для выделки отдельных листьев, желудей и оливок.

К продукции этой или другой, по-видимому, тоже пергамской мастерской относятся еще три сосуда в форме кубка, выполненных в серовато-коричневой глине и покрытых рыжевато-зеленой глазурью. Фрагмент одного из этих сосудов имеется в фондах Херсонского музея (инв. № 258). Он украшен рельефными изображениями задрاپированной фигуры, стоящей у алтаря. Другой фрагментированный сосуд типа кубка обнаружен при раскопках Пантикапея в насыпи²⁴, содержащей материал I в. н. э. и ранее. Он покрыт коричневато-желтой с зелеными оттенками глазурью, под слоем которой выделяются более светлые рельефные маски, выполненные из алебаstra. Одна из масок принадлежит молодому сатиру, его волосы в виде крупных волнистых коротких прядей, черты лица крупные, выразительные (рис. 2, 3). У другой маски волосы сверху удерживаются обручем, сильно надвинутым на лоб, из-под которого они спускаются тугими кольцами (рис. 2, 2).

В расположении масок на сосуде и в передаче их деталей видно сходство с подобными украшениями на пергамских рельефных кубках²⁵, появившихся с середины II в. до н. э. Для украшения таких сосудов часто применялись разнообразные театральные маски и головы силенов и сатиров, помещенные среди ветвей, гирлянд и других рельефных налепов²⁶. Эти же мотивы украшали серебряную утварь, найденную в Помпее. Особенно близкими являются маски на серебряном канфаре I в. до н. э.— I в. н. э.²⁷ в музее Неаполя.

Изображение головки молодого сатира, очень близкой головке на пантикапейском кубке, имеется на глазурованном сосуде из Приены²⁸. Сходст-

Рис. 3. Профили глазурованных чаш из Пантикапея

²³ Хранится в ГМИИ. Раскоп Митридатский, 1961 г., инв. № 468.

²⁴ Хранится в ГМИИ. Раскоп Митридатский, 1959 г., инв. № 938; раскоп Митридатский, 1961 г., инв. № 231.

²⁵ И. Г. Шургая. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 5.

²⁶ R. Zahn. Amtliche Berichte aus dem König. Kultsammlung. Berlin, 1914. Jahrgang N 10, рис. 153. Кубок I в. н. э. из Южной России и рис. 147 — скифос I в. до н. э., купленный в Константинополе, и кубок Британского музея (H. B. Walters. Указ. соч., К. 36).

²⁷ Sztuka zlotnicza starozytniej Italii. Katalog wystawy. Warszawa, 1962. Табл. XXVIII, N 407, стр. 137.

²⁸ Th. Wiegand, H. Schrader. Priene, 1909, 410, рис. 536.

во видно в стиле изображения, в передаче лица в профиль, в отдельных деталях. Это говорит о происхождении их из одной формы или матрицы. К продукции этой же мастерской мы относим еще один фрагмент глазурованного сосуда из раскопок Пантикапея²⁹. На фрагменте его сделано рельефное изображение лиры и жезлов, увитых лентами, как на сосуде с маской сатира. Более темный цвет глины и глазури на этом обломке отличает его от первого сосуда (рис. 2, 4).

Во вторую группу можно выделить пять сосудов типа чаши на небольшой ножке, происходящих из раскопок Пантикапея и поступивших в ГМИИ (рис. 3, 1—3). По форме и по орнаменту на внешней стороне вместилища они напоминают серебряные чаши III—II вв. до н. э.³⁰ Но некоторое различие в форме высокого края отличает их от серебряных сосудов. У четырех чаш вместилище украшено рельефными линиями, расходящимися от центра ножки (рис. 2, 7, 8); сходные мотивы встречаются у «мегерских» чаш. Пятая чаша украшена рельефными листьями, которые наподобие чешуек покрывают вместилище сосуда. Между листиками помещены выпуклые точки (рис. 2, 6). Мотив листа, накрывающего другой, широко применялся в декорации подобных сосудов. Его мы видим на глазурованной чаше из Тарса³¹. Исследователи отмечают здесь египетское влияние, которое было значительным в период III в. до н. э. Мотив этот вошел в декорацию художественной утвари, сделанной в Италии³² и получившей широкое распространение в античном мире.

Этот мотив использовался в пергамской рельефной керамике³³, встречается на сосудах в Малой Азии, например на узкогорлом одноручном кувшине, найденном в окрестностях Ангоры³⁴, у которого все тулово покрыто листочками, находящими один на другой, отчего кувшин выглядит как бы покрытым чешуей. Чаши формовались в формах; сперва отжималось вместилище, затем к нему на круге приделывали борт и ножку. С наружной стороны чаши покрыты зеленой поливой, которая по цвету напоминает незрелое яблоко. Внутри сосуда полива имеет желтовато-рыжий цвет с коричневым оттенком. Глина этих чаш розоватая, тонкая, очень плотная, глазурь образует ровную блестящую поверхность без всяких изъянов. Локализация этой керамики пока не может быть определена, но сходство глины с родосскими изделиями позволяет предположить происхождение ее с островов Ионии. Чаши найдены в 1958—1961 гг. при раскопках северо-западной части Ново-Эспланадского раскопа в насыпи, содержащей материалы II—I вв. до н. э. и не позже I в. н. э. В насыпи оказались фрагменты других глазурованных пергамских сосудов, в частности фрагмент с головой сатира. Отсюда можно заключить, что глазурованные чаши одновременно пергамским сосудам и относятся, вероятно, к периоду II—I вв. до н. э.

Чаши имеют высокий бортик и низкое широкое вместилище полушаровидной формы, диаметр их 0,15 м, высота 0,053 м (рис. 3, 1—3). Следует подчеркнуть, что выделение их во вторую группу не влечет за собой твердое определение их как ионийских изделий. Мы можем только высказать это в порядке предположения. Постоянное применение в их декорации релье-

²⁹ Раскоп Митридатский, 1962 г., инв. № 47.

³⁰ «Древности Боспора Киммерийского», табл. LXXVIII, № 5.

³¹ H. Goldmann. Excavations at Gozlu Kule (Tarsus), m. I. Princeton, 1950, стр. 225, рис. 183.

³² S. I. Kaposhina. A sarmatian Royal Burial at Novosherkassk. «Antiquity», XXXVII, 1963, стр. 256—258, табл. XXX.

³³ A. Conze. Altertumer von Pergamon, т. I, ч. 2. Berlin, 1913, N 12, стр. 10.

³⁴ R. Zahn. Amtliche Berichte aus den Koniglichen Kunstsammlungen, XXXV, Jahrgang N 10. Berlin, 1914, рис. 149, стр. 282.

ефных длинных язычков или канеллюр очень напоминает излюбленный мотив делосских рельефных сосудов³⁵.

Помимо сосудов, вошедших в описанные группы, известны еще глазурированные изделия, которые, по-видимому, относятся к разряду сирийских. Среди них интересен светильник, найденный в Керчи и доставленный в Эрмитаж (Б., № 2325). Светильник сделан из желтовато-серой глины, имеет два рожка и наставку на ручке в виде кленового листа. Он покрыт зеленой поливой. О. Ф. Вальдгауер отнес светильник к римскому типу I в. н. э. с волстами и округлым рожком³⁶.

Возможно, близко к описанному светильнику по месту происхождения стоит фрагмент рельефного сосуда, найденный в 1948 г. при раскопках Пантикапея³⁷. На нем изображены два листика плюща, покрытые зеленой поливой густого оттенка.

Переходим к описанию третьей группы глазурированной керамики, обнаруженной в античных центрах Северного Причерноморья. В нее входят сосуды четырех видов: ойнохой, скифосы, котилы, миски, очень напоминающие боспорские сероглиняные чернолаковые килики с прямым краем и с горизонтальными ручками. Вся группа включает девять сосудов и отличается общими для всех признаками; сосуды сделаны из коричневатой или красно-серой глины, цвет глазури коричневато-зеленый, украшения в виде листьев, капель, точек и веточек выполнены в технике барботино из беловато-серого алебаstra, сосуды изготовлены на кругу; в системе декорации наблюдается постоянное применение одних и тех же несложных элементов.

Начнем описание с четырех ойнохой, входящих в эту группу. Для определения времени ее важное значение имеет ойнохоя (рис. 4, 4), найденная В. В. Шкорпилем в 1903 г. в могиле № 11/33 на Митридите. Она находится в Эрмитаже. С ней вместе были обнаружены «обломки ритона из белого непрозрачного стекла и обломок терракотовой маски. Возле шеи — фибула в виде какой-то чубатой птицы, на шее шесть больших пронизей из разноцветного материала, бронзовое кольцо и подвеска в виде летящего голубя, на груди гладкий золотой кружочек»³⁸. Как показывает инвентарь этой могилы, наиболее вероятной датой для всего комплекса предметов будет I в. н. э. Белое непрозрачное стекло бытовало именно в это время. Вторая подобная ойнохоя Эрмитажа (Пантикапей, инв. № 763), обнаруженная в 1854 г. в гробнице в Митридите, имеет примерно те же размеры (0,13—0,10 м высоты), как и первая, у них близкая форма — с шаровидным туловом и тремя горизонтально профилированными поясами на горле. На плечах сосуда расположен узор из полосы листиков с опущенными концами, от которых книзу спускаются не то усики, не то потеки. Фриз окаймлен рядами выпуклых точек (рис. 4, 3).

Третья ойнохоя Эрмитажа (Б., инв. № 5242) не отличается от двух первых, орнамент ее совпадает с орнаментом второй, она поступила в Эрмитаж из частного собрания, куда, вероятно, попала из коллекции Тульмана, упомянутой Э. Штерном³⁹. О существовании еще одной — четвертой мы судим по рисунку в книге Ашика⁴⁰, она ничем не отличается от предыдущих.

Второй разновидностью сосудов этой группы являются три скифоса: они имеют широкое вместилище, ручки сверху для упора накрыты пластин-

³⁵ F. Courby. Указ. соч., стр. 386, рис. 80, 3; табл. XIV, 1, 5, 6.

³⁶ О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, табл. XXII, 220, стр. 39.

³⁷ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 38.

³⁸ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1903 г. ИАК, вып. 17, стр. 5, рис. 2.

³⁹ Э. Штерн. Античная глазурированная посуда с юга России. ЗООИД, т. XXII, стр. 34.

⁴⁰ А. Ашик. Боспорское царство, ч. III. Одесса, 1849, рис. 35.

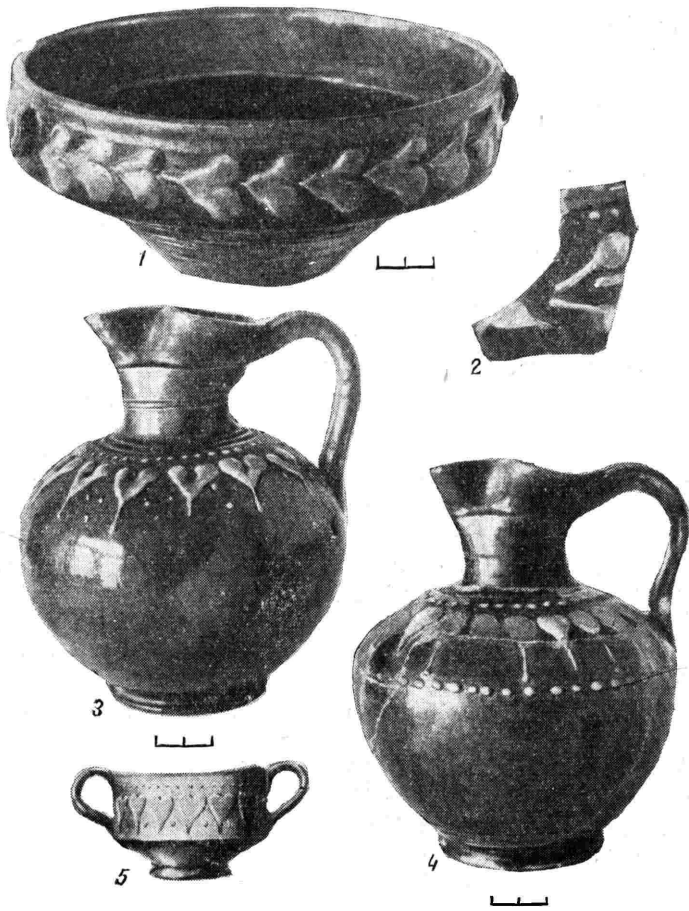

Рис. 4. Глазурованные сосуды третьей группы

1 — миска. Государственный Эрмитаж; 2 — фрагмент миски из Пантикапея. Государственный музей изобразительных искусств; 3 — оинохоя из Керчи. Находка 1854 г. Государственный Эрмитаж; 4 — оинохоя из Керчи. Находка 1903 г. Государственный Эрмитаж; 5 — скифос из Керчи. Одесский археологический музей

ками с волютами, декорация выполнена в той же технике: жидким алебастром сделаны ветви с узкими листьями и завитками. Ветви отходят от ручек и соединяются посередине сосуда. Выше пояса украшений наложен ряд выпуклых точек. Один скифос (рис. 5, 1) обнаружен в Ольвии при раскопках Забелина в 1873 г. Вместе с ним в могиле оказались обломки черного сосуда с рельефными изображениями⁴¹, покрытые эллинистическим темным лаком. По-видимому, время могилы — I в. до н. э.

О находке второго такого же скифоса в Ольвии в 1908 г. говорит фрагмент, хранящийся в Эрмитаже (Ол., инв. № 4582). Он декорирован беловатым алебастром в виде полосы округлых пятен (вероятно, условных ягод), которая проходит под краем сосуда.

Третий скифос найден в 1898 г. в Керчи и опубликован Э. Штерном⁴². Украшают его ветви с длинными листьями и ряды точек. В отделке ручек улавливается сходство с первым скифосом из Ольвии (рис. 5, 2). Еще один скифос подобной формы с рельефными листьями, помещенными в два ряда один над другим, приведен у Р. Цана⁴³. По его словам,

⁴¹ Хранится в Эрмитаже. Изв. опись Ол. 1873, № 184

⁴² Э. Штерн. Указ. соч., ЗООИД, 1899, т. XXII, табл. II, 2.

⁴³ R. Zahn. Antliche Berichte..., стр. 288, рис. 152.

чаша приобретена на рынке Константинополя, но вызывает сомнение, что она происходит из восточных мастерских. Он датирует ее I в. до н. э.

Близок к описанным скифосам сосуд с вертикальными ручками, поступивший в 1900 г. в Эрмитаж. По словам собирателя Новикова, он найден в Нимфее. На его ручках сверху отсутствуют пластинки с волютами, как у скифосов, и вдоль ручки проходит желобок. Украшением его является пояс из крупных точек и полумесяцев, выполненных в бело-желтом алебастре (рис. 5,3). Глазурь золотисто-коричневого цвета, на рельефных украшениях выглядит желто-зеленой. Сосуд небольшой, примерный диаметр 0,088 м, высота 0,06 м, дно почти плоское, стенки довольно толстые (Б., № 2314).

Второй сосуд с такими же ручками найден в 1898 г. в Керчи, приобретен Бертье Деллагардом и подарен им в Одесский исторический музей (А., инв. № 21953). Украшает его ряд стилизованных листьев сердцевидной формы, помещенных острыми концами вниз (рис. 4,5). Совершенно такой же рельефный пояс из сердцевидных листьев исполнен на ойнохое, найденной в Керчи в 1854 г., на бортике глазурованной миски (рис. 4, 1), неизвестного происхождения, хранящейся в Эрмитаже (Б., инв. № 2553).

Рис. 5. Глазурованные скифосы третьей группы

1 — скифос из Ольвии. Государственный Эрмитаж; 2 — скифос из Керчи. Одесский Государственный археологический музей; 3 — скифос из Нимфея. Государственный Эрмитаж

Она входит в последнюю разновидность сосудов, объединенных в третью группу. Форма этих сосудов почти совпадает с формой киликов II в. до н. э. Покрывает миску коричневатая полива, цвет наложенных алебастровых листиков желто-белый. Диаметр таких мисок около 0,16 м, высота 0,07, длина ручки 0,065 м. Вторая такая же миска с прилепными горизонтальными ручками, украшенная не сердцевидными листьями, а другим элементом декорации — круглым пятном, по-видимому, ягодой на ножке, — поступила из Ольвии в 1899 г. в Одесский Государственный исторический музей (А., инв. № 22538). Декоративный пояс из трех рядов ягод расположен по краю, на вместилище конической формы нанесена рельефная бороздка, как и у первой миски. По своим размерам и по цвету поливы миски почти не различаются: диаметр 0,16 и высота 0,085 м.

Фрагмент еще одной миски с декорацией из алебастровых ягод найден в Пантикапее в слое первого века⁴⁴. По-видимому, к этому же типу принадлежит фрагмент глазурованной миски, найденный в 1940 г. в Херсонесе⁴⁵.

В описанной нами третьей группе глазурованных сосудов бросается в глаза присущая всем сосудам общность ряда характерных признаков: они все сделаны из глины на круге, формы их устойчивы и близки местным боспорским типам — узкогорлым кувшинчикам с шаровидным туловом и киликам с прямым краем и горизонтальной ручкой. Обычно они покрыты темной поливой, переходящей в оливковый цвет, но есть и светлая, ярко-рыжая полива. По-видимому, они существуют одновременно — и темная, и светлая, так как имеются сосуды с разным цветом глазури и одинаковым декоративным поясом. При дальнейшем накоплении научных данных определится место изготовления и центр бытования этой группы глазурованных сосудов. Не исключено, что ими окажется наше Северное Причерноморье.

⁴⁴ Хранится в ГМИИ. Раскоп Митридатский, 1961 г., инв. № 604.

⁴⁵ Г. Д. Белов, А. А. Якобсон. Квартал XVII (раскопки Херсонеса 1940 г.). МИА, № 34, 1953, рис. 11 б, стр. 120.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

ПОМИНАЛЬНЫЕ КАМНИ ТАШТЫКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Еще в 1887 г. экспедиция профессора Аспелина, снимая план обширного могильника на р. Уйбате (Уйбатский чаа-тас), отметила в юго-восточной стороне могильника длинный ряд высоких каменных стел, поставленных ребром на восток и запад. Позже план этого кладбища был снят Д. А. Клеменцем, С. В. Киселевым, М. П. Грязновым. Согласно этим планам, 34 камня образовывали цепочку, вытянутую с ССЗ на ЮЮВ, но, вероятно, раньше продолжавшуюся в обе стороны. Расстояние между камнями 1,5—2 м¹.

Производя раскопки в 20-х годах в районе с. Батеней, С. А. Теплоухов обратил внимание на то, что к северу от двух таштыкских могильников, на р. Таштык и у оз. Горького, также имеются вертикально вкопанные плиты, образующие своеобразный ряд. В обоих случаях сохранилось по шесть плит с промежутками между ними от 1 до 3 кв. м². С. А. Теплоухов предположил связь этих плит с древними кладбищами и в качестве отличительной особенности таштыкских могильников указал на длинный ряд высоких камней, ориентированных с ССЗ на ЮЮВ и находящихся обыкновенно на севере или востоке от могильного поля³.

Предположения С. А. Теплоухова приобрели большее основание, когда С. В. Киселевым были отмечены аналогичные ряды камней на востоке таштыкских могильников под горой Ильинской и Уйбат II. Он же при раскопках на Уйбатском чаа-тасе (1936 г.) установил, что вышеописанный ряд камней не имеет отношения к каменным курганам чаа-тас, а древнее последних. С. В. Киселев раскопал могилу под каменной насыпью, расположенную между двумя камнями ряда. Изучение могильной ямы показало, что она перерезала более старую выемку, сделанную при установке контрфорса каменной стены⁴. Итак, отрицалась связь стел с каменными курганами и с еще большей вероятностью, чем по раскопкам С. А. Теплоухова, стелы связывались с раскинувшимся к западу от них таштыкским кладбищем.

Позже Л. Р. Кызласов указал на ряд из четырех плит на Изыхском чаа-тасе и на ряд из 36 камней к востоку от таштыкских склепов на р. Аскыз⁵.

¹ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан. 1949, стр. 19; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1950, стр. 414.

² Дневник С. А. Теплоухова. 1925 г. Архив МЭН, ф. 3, оп. 1, л. 70, 105.

³ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МАЭ, т. IV, вып. II. Л., 1929, стр. 50.

⁴ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 415.

⁵ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 11; он же. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. ХНИИЯЛИ, вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 165.

С какой целью ставился ряд камней у кладбища, ограничивал ли он территорию могильника или имел какое-либо другое значение? Почему камни есть на большинстве, но не на всех могильниках, в частности они не отмечены на самом знаменитом Оглахтинском, на увале горы Барсучиха, у дер. Быстрой и т. д.? Эти вопросы были преждевременны, поскольку бесспорных доказательств, что упомянутые камни относятся к таштыкской культуре, все-таки не было.

В 1967 г. среди грунтовых таштыкских могил у бывшей дер. Новая Черная (левый берег Енисея) были раскопаны две массивные плиты, лежавшие на древней поверхности земли. Одна из них отломана от основания, вкопанного в землю и укрепленного контрфорсами. Вкопанная в землю плита ориентирована широкими гранями с запада на восток. На уровне контрфорса, перед широкой гранью плиты стоял небольшой горшок таштыкского типа и в нем несколько косточек барашка.

Еще севернее по Енисею, на увале «Мысок» у дер. Аёшка расположен таштыкский могильник, состоящий из четырех склепов и около ста могил. Могильник исследовался в 1968 г. На юго-восточной окраине могильника из земли торчали края плит, поставленных вертикально, высотой 10—20 см. Расположение их казалось беспорядочным. Было решено здесь заложить раскоп (20 × 6 м) с целью выяснения, не являются ли плиты остатками какого-либо древнего сооружения или выходами скалы. В результате выявились два ряда вкопанных в материк плит, сохранившихся высотой от 30 до 200 см. Все большие плиты оказались упавшими одна на другую. Ряды плит вытянуты с севера на юг, широкими гранями ориентированы с запада на восток. Основания плит укреплены мелкими камнями. Перед узкими гранями некоторых плит, в ямках, найдены кости барана. В основании одного из камней, в специальном ящичке из мелких плит, стоял горшок и лежали кости барана. Горшок идентичен керамике раскапываемого могильника (рис. 6—7).

Значительные раскопки в том же году проводил М. П. Грязнов под горой Тепсей, где находятся памятники всех эпох от афанасьевской до таштыкской. Западная часть древнего могильника была занята детскими таштыкскими грунтовыми могилами и двумя большими склепами. По окраине могильника всюду видны вертикально торчащие из земли плиты. Последние находились также и между детскими могилами. На поверхности земли чаще были видны только края плит, расположенных бессистемно. Было заложено два раскопа — 170 кв. м и 45 кв. м. После того как были удалены случайные обломки плит, выяснилось, что в одном раскопе в материке сохранились пять рядов ССЗ—ЮЮВ. Ориентированы плиты широкими гранями с запада на восток с небольшим отклонением. Около узких граней положены горшки и кости животных. В общей сложности в обоих раскопах найдено более 30 сосудов.

Результаты раскопок на «Мыске» и под горой Тепсей были неожиданны, поскольку первоначально торчащие края плит казались непонятными, но не связывались в представлении с теми внушительными рядами стел, которые были известны у таштыкских могильников. Тем не менее выяснилось, что эти памятники однотипны, того же времени и назначения. Это позволяет по-иному взглянуть на все случаи нахождения стел на таштыкских кладбищах.

Стелы ставились рядами на одной из окраин могильного поля к северу, западу или востоку от него. Как показали раскопки под горой Тепсей и на «Мыске», стелы стояли многочисленными рядами, занимая при этом значительную площадь. Все ряды стел для каждого могильника ориентированы одинаково широкими и узкими гранями.

Поскольку камни стоят несколькими рядами и на одной только из окраин могильного поля, они не могли быть ограждением территории древнего кладбища. В то же время тот факт, что перед камнями в ямках зары-

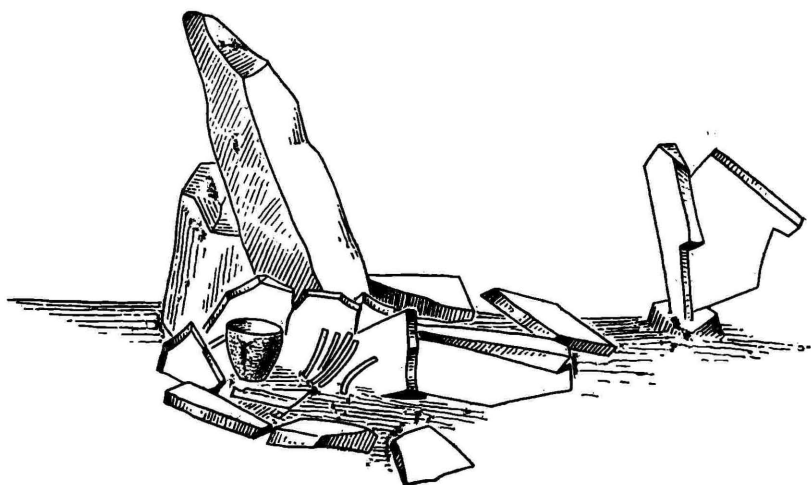

Рис. 6. Сосуд и кости барана у основания поминального камня на могильнике «Мысок»

Рис. 7. Поминальные камни могильника Тепсей III

вались сосуды с пищей и куски мяса, позволяет считать их ритуальными, вероятно, поминальными. Пища клалась перед определенным камнем, перед его узкой гранью. Вероятно, камни вкапывались соответственно числу совершенных поминок.

Находки у поминальных камней керамики, идентичной таштыкским могильникам, доказывают неоспоримую принадлежность стел к таштыкской культуре. Поскольку стелы известны в настоящее время на большинстве таштыкских кладбищ, они могут являться отличительным внешним признаком последних. Следовательно, ряды стел можно использовать при поисках таштыкских могильников. Например, Д. А. Клеменц видел 30 камней, идущих в ряд и парами в окрестностях оз. Шира, около улуса Коковского⁶. Красноярской экспедицией обнаружен ряд стел справа от тракта Абакан — Красноярск, на 141 км от г. Абакана. Л. Р. Кызласов указал на ряды стел на пашне близ улуса Кызласова и на р. Уйбате⁷. В этих местах должны были быть таштыкские кладбища.

Остается неясным, ставились ли поминальные камни на всех без исключения могильниках, поскольку ранее фиксировались лишь плиты внушительных размеров, в то время как плиты, обломанные и чуть торчащие на поверхности, внимания исследователей не привлекали. Ближайшая задача — осмотреть уже раскопанные могильники с целью поисков следов поминальных камней. Кроме того, необходимо выяснить площадь, занимаемую стелами на могильниках. Это поможет определить, следует ли связывать поминальные камни со склепами, с грунтовыми могилами или с теми и другими вместе.

⁶ Д. А. Клеменц. Отчет о раскопках в Минусинском округе в 1889—1890 гг. Архив ЛОИА, д. 23, 1888, стр. 238.

⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 166.

В. С. ПАТРУШЕВ

КЕЛЬТЫ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Бронзовые втульчатые кельты являются наиболее характерными орудиями труда эпохи раннего железа в лесостепной полосе Европы. К востоку от районов Средней Волги и Нижнего Прикамья распространены плоские кельты с линзовидным, овальным или шестигранным сечением втулки ананьинского типа, к западу, вплоть до территории скандинавских стран, широко представлены кельты с трубчатой втулкой вытянутых пропорций и одним боковым ушком.

В западных районах распространения ананьинской культуры, т. е. в Среднем Поволжье, бытуют обе формы кельтов, особенно богато представленные на Старшем Ахмыловском могильнике.

Старший Ахмыловский могильник III—VI вв. до н. э.¹ — один из крупнейших могильников не только ананьинской культуры, но и Восточной Европы эпохи раннего железа вообще. Среди богатейших вещевых комплексов могильника кельты составляют наиболее многочисленную и интересную группу. В 1968 г. всего их найдено 238 экземпляров, из них 191 в комплексах погребений, 29 происходит из разрушенных погребений, 18 являются подъемным материалом с площади могильника.

Положение кельтов в могильных ямах различное. В большинстве случаев они лежат у правой ноги, у бедра или у черепа костяка.

Кельты Старшего Ахмыловского могильника по форме подразделяются на две большие группы: 153 относится к ананьинскому типу, 75 — к так называемому меларско-акозинскому². Обе группы синхронны, встречены в погребениях с близким комплексом вещей и, очевидно, бытовали у одного и того же населения. Совместное их бытование в материалах одного памятника, как отмечает А. Х. Халиков, составляет одну из своеобразных черт средневожского варианта ананьинской культуры³.

Благодаря консервирующей способности медной окиси во втулках кельтов в большинстве случаев хорошо сохраняются части деревянных топорищ, что позволяет проследить характер крепления кельтов к топорису, а также решить вопрос о функциональном назначении кельтов.

¹ В. С. Патрушев, А. Х. Халиков. Ахмыловский археологический комплекс. АО 1966 г. М., 1967, стр. 94—98. Раскопки могильника указанными авторами ведутся с 1962 г.

² Впервые эти разновидности меларского типа кельтов были выделены А. Х. Халиковым и объединены им в группу так называемых акозинских (см.: А. Х. Халиков. Железный век марийского края. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, стр. 34—38). В последующих работах А. Х. Халикова они были определены как меларско-акозинские.

³ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 34.

Попытка определения характера крепления волго-камских кельтов эпохи бронзы и раннего железа была уже предпринята М. П. Грязновым (турбинских)⁴ и А. Х. Халиковым (ананьинских и меларско-акозинских)⁵. Но эти авторы разбирали только один случай, когда топориче вырубалось целиком из древесного сука вместе с частью ствола. В таком случае по характеру расположения годовичных колец определялось положение рукоятки относительно втулки кельта. Эти авторы считают, что годовичные кольца древесины топорича у кельтов-топоров расположены перпендикулярно лезвию. У кельтов-тесел остатки древесины во втулке имеют параллельные лезвию следы годовичных колец. Но, как показывают наши материалы, такой способ крепления отнюдь не был единственным, а может быть, и вообще не применялся. В большинстве случаев топорича составлялись из двух частей — вкладыша, всаженного во втулку, и самой рукоятки. Для таких топорич положение годовичных колец уже не имеет никакого значения.

Рассмотрим крепление кельтов ананьинского типа из Старшего Ахмыловского могильника. Кельты плоские, втульчатые, высотой 53—95 мм при ширине у края втулки 40—56 мм. Как правило, к лезвию они плавно сужаются. Все кельты по поверхности имеют рельефный орнамент. По сечению втулки выделяются два типа кельтов — кельты с линзовидным, реже с овальным сечением втулки (107 экз.) и кельты с шестигранным сечением втулки (45 экз.). У 106 кельтов обоих типов прослежены остатки топорич. В 68 случаях они сохранились лишь во втулке кельта и не выходят за края втулки. По следам годовичных колец (по М. П. Грязнову) можно было бы определить, что 13 из них крепились к топоричу параллельно, т. е. орудия служили топорами, а 55 — поперек, т. е. кельты употреблялись как тесла. Но, как показывают кельты с лучшей сохранностью топорич, они имели сложную систему крепления. Об этом свидетельствуют 39 кельтов, в которых сохранившиеся топорича выступают над втулками: в одном случае на 103 мм, в одном — на 50 мм, в трех — на 35 мм, в двадцати пяти — 15—30 мм, в девяти — на 5—10 мм.

Особый интерес представляет кельт из погребения 275, лежавший, очевидно, рукоятью вдоль ямы (рис. 8, 1; рис. 9). Внутри кельта (70 мм × 44—53 мм) сохранился деревянный вкладыш (52 мм × 36—43 мм), плотно прилегающий к стенкам кельта и выступающий над краем втулки на 103 мм. Выше края втулки вкладыш расширяется, благодаря чему его верхняя часть, выступающая над кельтом, опирается на края втулки, удерживая при ударах дальнейшее продвижение топорича во втулку и предохраняя тем самым стенки кельта от разрыва. В 67 мм от края втулки вкладыш под тупым углом переходит в шпенок длиной 36 мм, шириной 16 мм и толщиной 11 мм. Шпенок широкой стороной расположен перпендикулярно лезвию кельта. Как на вкладыше, так и на шпенёке хорошо прослеживаются следы крепления, судя по которым кельт мог использоваться и как топор и как тесло. При насаживании рукоятки на выступающую над втулкой часть вкладыша (кельт-топор) шпенок мог использоваться в качестве дополнительного крепления для надевания муфты. При предполагаемом креплении рукоятки только на шпенок (тесло) этот кельт скорее всего мог использоваться как мотыга, так как сравнительно тонкий шпенок в перпендикулярном по отношению к прямой рукоятки положении кельта и при значительном удалении от нее может выдержать лишь удары по нетвердой поверхности, например при взрыхлении земли. На возможность употребления кельтов в качестве мотыг для обработки

⁴ М. П. Грязнов. К методике определения типа рубящего орудия (топор, тесло). КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 170—173.

⁵ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 38—39.

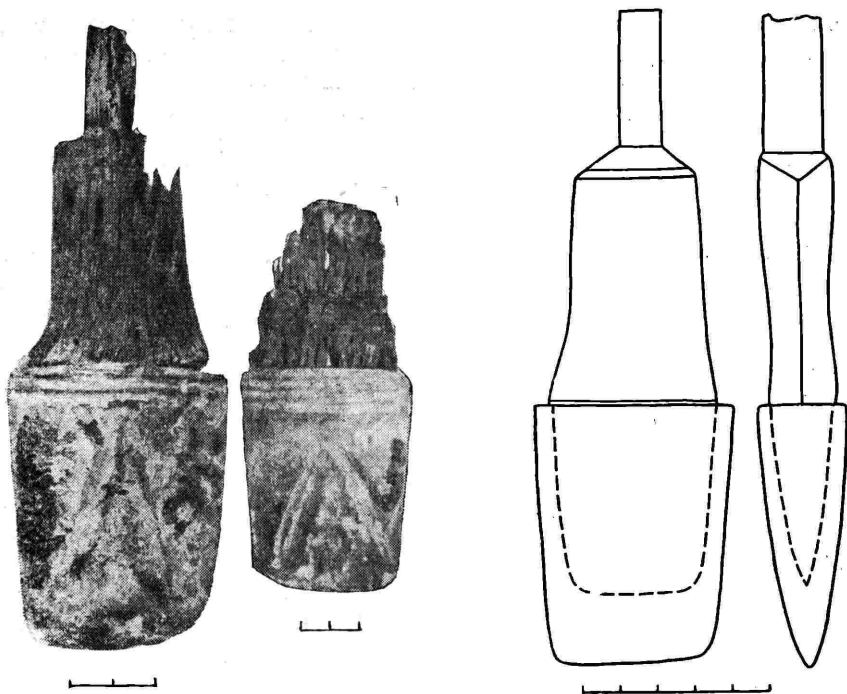

Рис. 8. Кельты ананьинского типа из погребения 275 (слева) и погребения 36 с остатками топорщица

Рис. 9. Кельт из погребения 275 с вкладышем топорщица

земли наряду с мотыгами из трубчатых костей животных указывала в свое время А. В. Збруева⁶.

Несколько иной вид имело топорщице кельта из погребения 94. Кельт имеет линзовидное сечение втулки (45 мм × 41 мм). Вкладыш топорщица при переходе к выступающей над втулкой части образует плечики, удерживающие рукоять. Высота выступающей над втулкой части вкладыша 43 мм, что, вероятно, равнялось толщине рукояти. Вкладыш топорщица не имеет шпенька, и поэтому кельт мог крепиться к рукояти только как топор.

У кельта из погребения 36 вкладыш топорщица по форме близок описанному. Однако крепился он несколько иначе. Вкладыш топорщица на высоте 10 мм от края втулки снабжен плечиками, удерживающими рукоять на этом уровне. На вкладыше сохранились две кожаные полоски шириной 10—15 мм (рис. 8, 2). Они служили зажимами вкладыша в отверстии рукоятки, толщина которой составляла 45 мм. В нескольких случаях вместо кожи выступающая над втулкой часть вкладыша обертывалась берестой (кельты из погребений 32, 55, 68, 124), что служит дополнительным свидетельством насаживания рукояти на вкладыши. Такая же берестяная или кожаная обертка использовалась для закрепления вкладыша во втулке кельта, следы ее прослежены у большинства кельтов ананьинского типа, что уже отмечалось исследователями⁷. У 16 кельтов такая обкладка имелась лишь по боковым краям втулки.

⁶ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 110.

⁷ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 39.

Кельт из погребения 36 выявил еще одну любопытную деталь в креплении. Нижний конец вкладыша топорика этого кельта был плотно пригнан во втулку четырьмя деревянными клинышками. Такие же клинышки, но вбитые, вероятно, уже после насадки рукояти, прослежены у кельта из погребения 70.

Итак, крепление топорика к кельту ананьинского типа было значительно более сложным, чем предполагали М. П. Грязнов и А. Х. Халиков. Для ананьинских кельтов Старшего Ахмыловского могильника применялось двусоставное топориче из вкладыша (в некоторых случаях с выступающим шпеньком) и насаживаемой на него рукояти. Если характер расположения древесных волокон вкладыша во втулке кельта еще не может достоверно свидетельствовать о положении топорика относительно кельта и, следовательно, о назначении последнего, то более закономерно определение функционального назначения кельтов по особенностям формы самих кельтов. Значительная часть кельтов, которые, судя по древесным остаткам, использовались в качестве топоров, имеет слегка скошенное в сторону рукояти лезвие. Как считает В. П. Левашова, по скошенности лезвия «можно различить среди кельтов и каменных клиновидных орудий, какие из них служили как топоры и какие как тесла: у тесел и мотыг лезвие делается прямое»⁸.

В какой-то степени характер орудия можно определить по следам выщерблин или выбоин от соприкосновения с топоричем. У тесел такие следы износа должны быть на широком краю втулки, у топоров — ближе к боковому ребру⁹. Такие следы износа наблюдаются по широкому краю втулки кельта из погребения 83. Лезвие его вытянуто-округлое, сечение втулки приближается к овальному. Можно думать, что этот кельт употреблялся в качестве тесла. Теслами, вероятно, являлись также кельты (15 экз.) с прямым лезвием вытянуто-подпрямоугольной формы и два кельта с вытянуто-округлым лезвием и небольшим расширением у перехода к лезвию. Как видим, все же большинство кельтов ананьинского облика использовалось в качестве топоров.

Кельты меларско-акозинского типа имеют вытянутые пропорции, округлое или подромбическое сечение втулки и одно боковое ушко у края втулки или немного ниже него. Из кельтов этого типа собственно меларскую форму (сильно вытянутое тулово, подромбическое сечение втулки, подтреугольная грань по $\frac{2}{3}$ широкой плоскости тулова, переходящая в верхней части в вертикальный валик) имеют 22 экземпляра, остальные формы являются местными, акозинскими, характерными для западных районов Среднего Поволжья¹⁰.

Особенности формы меларско-акозинских кельтов, в частности наличие бокового ушка, обусловили их особое назначение. Нет сомнения в том, что боковое ушко предназначалось для привязывания кельта ремешком к топоричу. Несомненно и то, что рукоять находилась со стороны бокового ушка кельта. Поэтому следует считать, что кельты с одним боковым ушком служили только в качестве топоров. Ремешок, продетый через боковое ушко, не только удерживал вкладыш от выпадения из втулки, им, очевидно, обматывались рукоять и вкладыш после насадки для предотвращения скольжения рукояти по вкладышу.

В креплении кельтов меларско-акозинского типа много общего с креплением ананьинских кельтов. В 23 случаях у кельтов сохранилась выступающая над втулкой часть топорича высотой 5—10 мм (10 экз.), 15—25 мм (11 экз.), 30—35 мм (2 экз.).

⁸ В. П. Левашова, Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ», вып. 32, 1956, стр. 45.

⁹ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 39.

¹⁰ Там же, стр. 34, 38.

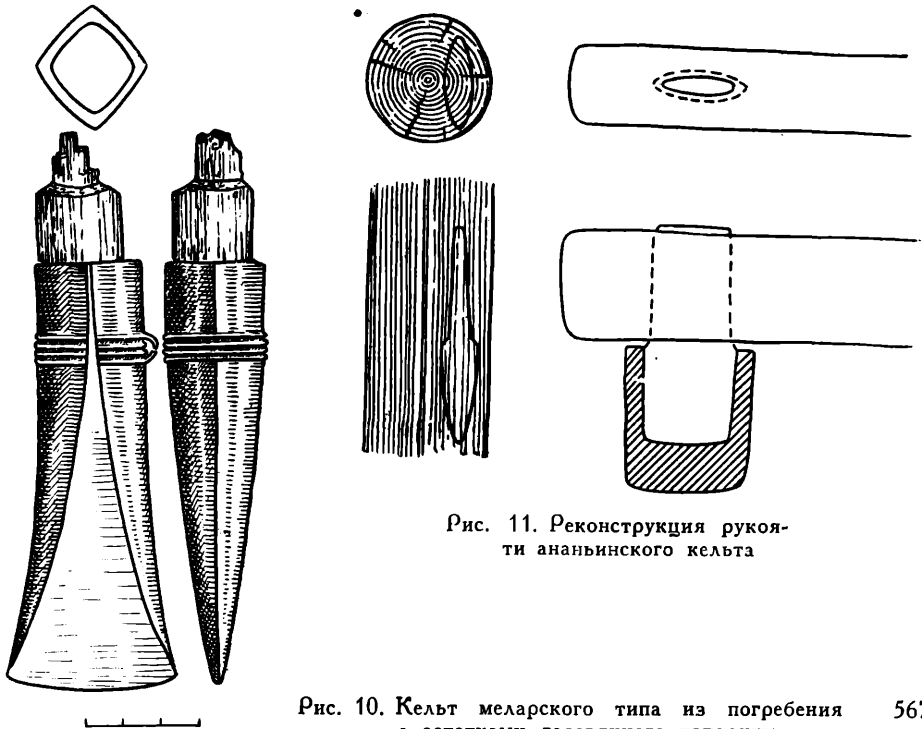

Рис. 11. Реконструкция рукояти ананьинского кельта

Рис. 10. Кельт меларского типа из погребения 567 с остатками деревянного топорща

Остатки топорща кельта из погребения 567 (рис. 10) весьма напоминают топорще ананьинского кельта из погребения 275. Его вкладыш также имеет шпенек, а у края втулки — небольшой выступ, упирающийся на края втулки. Указанный кельт, вероятно, крепился к рукояти аналогично кельту из погребения 535, при расчистке которого удалось проследить тлен от вкладыша и примыкающей к нему рукояти. Рукоять отстояла от края втулки на 17 мм и была насажена на шпенек вкладыша. Креп-

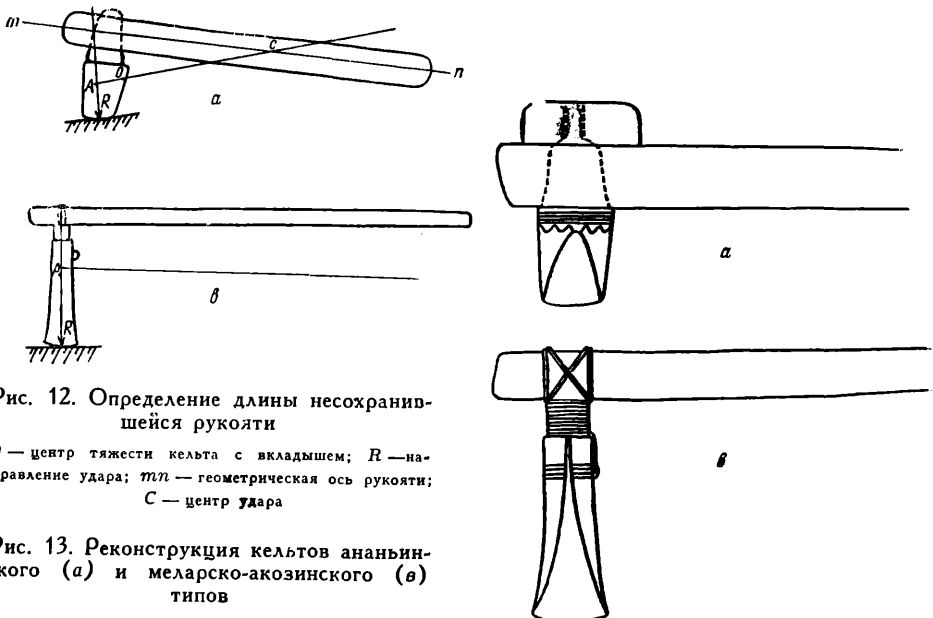

Рис. 12. Определение длины несохранившейся рукояти

O — центр тяжести кельта с вкладышем; R — направление удара; mn — геометрическая ось рукояти; C — центр удара

Рис. 13. Реконструкция кельтов ананьинского (а) и меларско-акозинского (б) типов

ление рукояти на шпенек вкладыша как бы* удлиняло длину кельта, тем самым увеличивая силу удара.

Крепление кельта аозинского типа из погребения 569 близко креплению ананьинского кельта из погребения 94. Вкладыш при переходе к выступающей части имеет небольшие плечики, удерживающие его от дальнейшего продвижения во втулку. Насаженная на вкладыш рукоять касалась края втулки. Судя по высоте вкладыша над втулкой кельта, толщина рукояти составляла не более 40 мм.

Следы обертки вкладыша берестой или кожей содержала лишь незначительная часть аозинско-меларских кельтов. Не прослежены в меларско-аозинских кельтах и случаи закрепления вкладыша во втулке деревянными клиньями. Видимо, при наличии бокового ушка, при помощи которого кельт плотно привязывался к топористи, не было необходимости дополнительного закрепления вкладыша во втулке.

Как и среди кельтов ананьинского типа, ни в одном случае нет доказательств крепления меларско-аозинских кельтов к коленчатой рукояти. Эти кельты также, очевидно, крепились к рукояти путем насаживания ее на вкладыш.

Таким образом, функциональное назначение ананьинских и меларско-аозинских кельтов невозможно определять по годичным кольцам древесных остатков внутри втулки. Вероятно, для вкладышей кельтов всегда использовали край ствола молодых деревьев (рис. 11), скорее всего дуба и других твердых лиственных пород, судя по определению Б. М. Алимбека и В. И. Пчелина (Марийский политехнический институт). Об использовании молодых деревьев можно судить по закруглению годичных колец; продольные радиальные линии ствола дерева идут густым пучком к краю втулки (к центру ствола). На использование ствола молодой сосны (не более 12—13 лет) для крепления кельта к коленчатой рукояти указывает в своей работе и М. П. Грязнов¹¹. Но вряд ли ветви такого дерева с диаметром ствола 5—8 см¹² могли использоваться в качестве рукояти — они для этого были бы слишком тонки. Трудно согласиться со способом крепления топоров-кельтов к коленчатой рукояти, показанным М. П. Грязновым на рис. 65, 4—6¹³. Во-первых, при малейшем рассыхании дерева сучок при ударах должен был бы отстать от небольшой части ствола, так как ствол дерева в первую очередь дает трещины по продольным радиальным линиям. Во-вторых, в положении рукояти под углом к кельту удар наносится лишь одним краем лезвия, противоположным от рукояти. При попытке использовать все лезвие центр удара (рис. 12, а) оказался бы за рукоятью, что мешало свободному движению руки при ударе.

Попытка определения длины несохранившейся рукояти четырех кельтов ананьинского типа была предпринята на основе определения более поздних орудий¹⁴. Кельт с вкладышем и предполагаемой рукоятью вычерчивался в боковой проекции. Затем определялся центр тяжести кельта с вкладышем (подвешиванием на нитке). Найденное положение центра тяжести (О), а также теоретически определенное направление удара (R)¹⁵ и геометрическая ось рукоятки (тп) фиксировались на чертеже (рис. 12, а). Из центра тяжести на направление удара опускался перпендикуляр (ОА),

¹¹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 170—171.

¹² Автором в лаборатории кафедры лесоводства Марийского политехнического института им. М. Горького измерены стволы четырех сосен 10—12 лет.

¹³ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 172.

¹⁴ В. А. Желиговский. Эволюция топора и находки на метрострое. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». Л., 1936, стр. 142—143.

¹⁵ Направление удара совпадает с направлением скорости лезвия орудия в момент соприкосновения с местом удара (см.: В. А. Желиговский. Ручные ударные орудия и работа ими. «Вестник металлопромышленности», № 3—4, 1925, стр. 210).

продолжение которого в точке пересечения с осью рукоятки указывает положение центра удара орудия (С) при работе. Согласно теории ручных орудий центр удара всегда находится на $\frac{2}{3}$ длины рукоятки¹⁶. У рассматриваемых кельтов центр удара находился в 26—30 см от рабочего конца рукоятки. Принимая это расстояние за $\frac{2}{3}$ длины рукоятки, получим длину рукоятки — 39—45 см.

От расположения центра удара зависит отдача при работе. И если у современных топоров, как указывает В. П. Левашова, рукоятка делается несколько изогнутой, чтобы «поймать» на нее центр удара, то у древних, наоборот, для того чтобы «поймать» центр удара на прямую рукоятку, добивались косога направления удара путем создания скошенного лезвия.

Кельты меларско-акозинского типа имеют почти прямое или слегка округлое, без скошенности лезвие.

По теории ручных орудий удар при параллельном расположении лезвия и прямой рукоятки «окажется не перпендикулярным лезвию, как это должно быть для топора, а будет направлен под некоторым углом к лезвию, отличным от прямого, и окажется скользящим»¹⁷. Кроме того, вследствие такого расположения лезвия и рукоятки центр удара не может находиться на рукоятки и рука в любой точке рукоятки получает отдачу (рис. 12, в). Следовательно, можно предположить, что кельты меларско-акозинского типа были весьма непрактичны в качестве орудий труда и использовались в основном как оружие. При этом скользящий удар не мешал, а, наоборот, повышал боевые качества кельта.

Об использовании меларско-акозинских кельтов в качестве оружия ближнего боя может свидетельствовать сопоставление числа кельтов в комплексах погребений. Кельты меларско-акозинского типа в 24 случаях из 44 (54,5% от общего числа кельтов указанного типа в погребениях) встречаются вместе с наконечниками копий и стрел, а кельты ананьинского типа — в 12 случаях из 120 (10%). При использовании кельтов в качестве оружия ближнего боя требовалась более длинная рукоятка. Скорее всего она была прямая, круглая в сечении, лишенная всяких выступов, подобно рукоятки ананьинских железных топоров, изображенных на синхронных кельтам Старшего Ахмыловского могильника новомордовских стелах № 2 и № 4¹⁸.

В то же время не исключено что меларско-акозинские кельты могли использоваться также и в качестве орудий труда, как и кельты ананьинского типа в качестве оружия.

¹⁶ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 44.

¹⁷ В. А. Желиговский. Эволюция топора..., стр. 142.

¹⁸ А. Х. Халиков. Стрелы с изображением оружия раннего железного века. СА, 1963, № 3, стр. 181, рис. 1.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Г. И. АНДРЕЕВ

ПАМЯТНИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.
НА ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКЕ

В 1965 г. в Красноярский краевой музей поступила коллекция бронзовых предметов, собранных семьей Чичериных в поселке Подкаменная Тунгуска¹. В следующем году, производя работы в районе поселков Ворогово, Подкаменная Тунгуска, Бор, автор познакомился с собирателями, которые показали еще одну бронзовую вещь и почти целый глиняный сосуд, хранившиеся у них дома. Все вещи обнаружены на сравнительно небольшом участке подножия разрушающейся высокой поймы, примерно в 1,5 км выше стрелки. В настоящее время размыта часть огорода В. А. и А. М. Чичериных шириной около 20—25 м на глубину 1,5—2 м. Супеси и суглинки легко уносятся паводковыми водами, отчего довольно сырой в этом месте паберег становится все шире. В процессе разрушения берега неподалеку друг от друга на одном примерно уровне появляются все новые и новые бронзовые вещи и кости, которые принадлежали, по словам очевидцев, людям.

В течение ряда лет здесь были найдены следующие изделия из бронзы и глины. Прежде всего — массивный четырехгранный в сечении кельт, слегка суживающийся к лезвию² (рис. 14, 1). Кельт литой, о чем свидетельствуют как швы, идущие вдоль узких его сторон, так и четырехугольное отверстие на одной из широких сторон над орнаментом. Орнамент представляет собой несколько прямых рельефных линий, расположенных параллельно верхнему краю, ниже которых имеются (с той и с другой стороны) по две пары вписанных друг в друга рельефных углов, разделенных и ограниченных рельефными же линиями, спускающимися к лезвию. Разграничительная линия наиболее длинная и прямая, две другие чуть короче и внизу изгибаются к граням.

Очень интересны также два круглых плоских предмета³ (рис. 14, 2, 3). Видимо, это бляхи, а не зеркала, так как, во-первых, очень малы поверхности, не занятые орнаментом (диаметры обоих предметов около 7 см, а диаметры чистых поверхностей всего 3,5 и 4 см. У зеркал орнамент, как правило, идет вдоль края узкой полоской); во-вторых, очень небольшие петельки, расположенные на противоположных сторонах, находятся не в

¹ Поселок Подкаменная Тунгуска находится на правом берегу одноименной реки, в ее устье.

² Кельт хранится в Красноярском краевом музее. ККМ. Колл. 4489.

³ Красноярский краевой музей. Колл. 4490 и 4491.

Рис. 14. Бронзовые вещи из могильника (устье р. Подкаменная Тунгуска)

1 — кельт; 2, 3 — бляхи

центре, а чуть ближе к одной из граней. Обе бляхи литые, причем отлиты они в разных формах, о чем свидетельствуют орнаменты и петельки.

На одной из них (рис. 14, 2) вслед за углубленной линией, ограничивающей чистую поверхность в центре, следует ряд насечек, идущих по кругу и расположенных параллельно этой линии. Насечки короткие подпрямоугольные или овальные. Следующий ряд подтреугольных насечек, обращенных вершинами к краям, имеет радиальное направление. Затем следуют две концентрические углубленные линии, которые иногда сливаются в одну. Орнамент на другой бляхе состоит из тех же элементов, но расположены они в несколько ином порядке (рис. 14, 3).

Бронзовый нож⁴, найденный здесь же, кольчатый и имеет треугольное сечение (рис. 15, 1). Длина его 21,6 см, максимальная ширина у кольца 1,8 см, толщина около 0,5 см. Лезвие расположено на внутренней, вогнутой грани ножа. На одной из сторон ножа, у лезвия, примерно от половины ножа и до кольца выгравирован орнамент из заштрихованных треугольников, основаниями которых является лезвие ножа.

Кроме бронзовых изделий при разрушении огорода вымыт почти целый глиняный сосуд (рис. 15, 2)⁵. Он небольшой. Высота его 10,5 см, ширина горла 7,8 см, диаметр дна (максимальный) 6,5 см. В верхней и нижней части сосуда имеются сужения, которые образуют шейку и поддон. На шейке прикреплен валик, украшенный насечками. У самого обреза венчика, под валиком и почти на самой широкой части тулова, имеются горизонтальные ряды небольших овальных ямок или точек. Два нижних ряда ограни-

⁴ В 1966 г. он хранился у А. М. Чичериной в Подкаменной Тунгуске. Судя по всему, до 1969 г. он в музей не поступил.

⁵ Хранился там же.

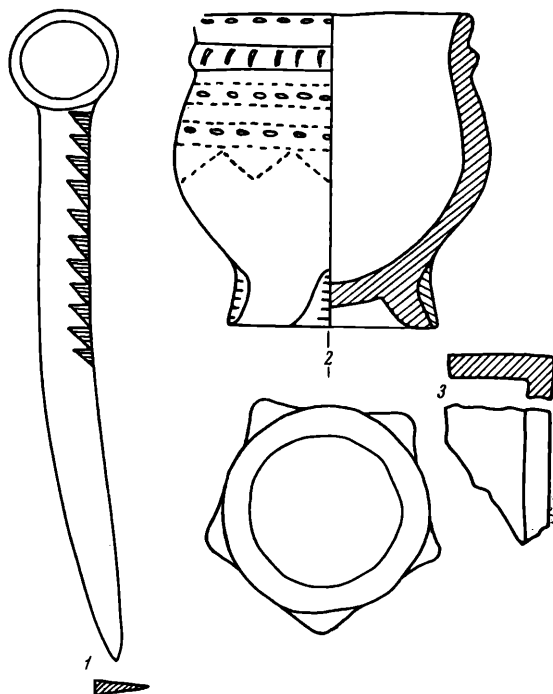

Рис. 15. Вещи из памятников на Подкаменной Тунгуске

1 — бронзовый нож; 2 — глиняный сосуд; 3 — обломок бронзового кельта (поселение в 19—20 км ниже пос. Ванавара)

чены линиями, выполненными или гребенчатым штампом или прокаткой зубчатого колесика, благодаря чему образуются довольно нарядные пояски. Под нижним пояском тем же штампом сделан горизонтальный зигзаг. На внешней поверхности поддона по окружности на равном расстоянии друг от друга сделаны пять налепов в виде «контрфорсов», украшенных насечками. Придавая сосуду дополнительную красоту, эти «контрфорсы» делали сосуд значительно устойчивее.

При разведках в том же году по р. Подкаменной Тунгуске в одном из пунктов был обнаружен обломок бронзового предмета, являющийся, судя по всему, верхней частью четырехгранного в сечении кельта⁶. Таким образом, довольно далеко друг от друга обнаружены бронзовые предметы. Это свидетельствует о том, что каменный век здесь не продолжался столь долго, как часто приходится об этом слышать.

Интересно, что, как и в устье р. Подкаменная Тунгуска, находка сделана на пабереге, однако если там ничего, кроме бронзовых вещей и сосуда не найдено, то здесь собрано большое количество отщепов. Обнаружение обломка бронзового орудия, да к тому же среди отходов, связанных с производством каменных орудий, позволяет предположить, что в последнем случае разрушается стоянка или поселение, а в первом — могильник.

Для того чтобы ответить на вопрос, к какому времени относится могильник в устье Подкаменной Тунгуски, нужно прежде всего попытаться установить возможность одновременного существования вещей, обнаруженных на огороде Чичериных.

Обращение к территории, расположенной к северу от Подкаменной Тунгуски, ничего не дает, так как отсюда известны единичные бронзовые

⁶ Он найден в 19—20 км ниже пос. Ванавара — центра Тунгусо-Чунского района Эвенкийского национального округа Красноярского края.

предметы, которые к тому же не могут быть сопоставлены с подкаменно-тунгусскими⁷. Напротив, огромное количество изделий из бронзы обнаружено на Ангаре и еще южнее, в районе Красноярска, особенно в Минусинской котловине. Классификациям древних бронз из этих районов посвящено большое число работ⁸, поэтому сопоставим вещи из могильника в устье Подкаменной Тунгуски с соответствующими категориями предметов из памятников южной части Красноярского края.

Массивный удлинённый пропорций кельт (рис. 14, 1) более всего сходен с ангарскими типами и кельтами из района Красноярска⁹. Отсутствие у него муфты и расширения к лезвию позволяет говорить о том, что наибольшее сходство он имеет с кельтами второй формы, по классификации Г. А. Максименкова¹⁰, которую последний относит «в основном по времени к I стадии тагарской культуры»¹¹.

Таким образом, кельт, безусловно, относится к тагарскому времени, причем, судя по всему, автор классификации допускает возможность их бытования и в начале II стадии, так как считает вторую группу сочетаний промежуточной между первой и третьей группами¹².

Нож из могильника также тагарский, причем должен относиться, видимо, ко второй стадии этой культуры¹³. Бронзовым бляхам и глиняному сосуду в археологической литературе прямых аналогий нет.

По мнению археологов, бляхи, несколько напоминающие подкаменно-тунгусские (рис. 14, 2, 3), в районах Приобья и Причулымья бытуют во второй половине I тысячелетия до н. э.¹⁴

Сосуды на поддонах, появившиеся в позднекарасукское время, бытуют довольно долго, особенно много их приходится на вторую стадию тагарской культуры. Таким образом, можно предположить, что все вещи, собранные на огороде Чичериных, относятся к середине и второй половине I тысячелетия до н. э. и могут относиться к одному могильнику.

Значит ли из всего сказанного выше, что на Подкаменной Тунгуске и в Минусинской котловине в I тысячелетии до н. э. существовала единая тагарская культура? На этот вопрос ответить пока невозможно, так как слишком плохо еще в настоящее время изучены районы, лежащие к северу от Красноярска. Определенные же сходства в материалах Нижнего Приангарья и низовья Подкаменной Тунгуски налицо. Если иметь в виду очень разветвленную сеть правых притоков Ангары (Иркенева, Чадобец, Каменка и др.) и левых притоков Подкаменной Тунгуски (Вельмо, Камо, Тайга, Соба, Оскоба и др.), а также наличие такой водной артерии, какой является сам Енисей, то объяснить связи обоих районов (Ангарского и Подкаменно-Тунгусского) не представляет большого труда.

Возможно, что при дальнейшем изучении памятников Подкаменной Тунгуски выявится своя самостоятельная таежная культура с какими-то чертами, присущими лишь ей. Во всяком случае наличие очень своеобразно украшенного сосуда с валиком у венчика такой возможности не исключает.

⁷ Р. В. Николаев. Археологические находки на севере Красноярского края. СА, 1960, № 1, стр. 255. Еще один нож был будто бы найден на левом берегу р. Нижняя Тунгуска напротив пос. Туры, но он потерян и форма его неизвестна.

⁸ М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Труды ОИПК ГЭ, т. I, 1941; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Г. А. Максименков. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов. СА, 1960, № 1; М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

⁹ Г. А. Максименков. Бронзовые кельты..., стр. 149—151.

¹⁰ Там же, стр. 150.

¹¹ Там же, стр. 155.

¹² Там же.

¹³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история..., стр. 289, табл. 39, 25. Ножи подобных форм она относит ко времени не ранее V—IV вв. до н. э., см. стр. 250, табл. 39.

¹⁴ Это мнение В. И. Мошинской, М. Ф. Косарева и В. А. Могильникова.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

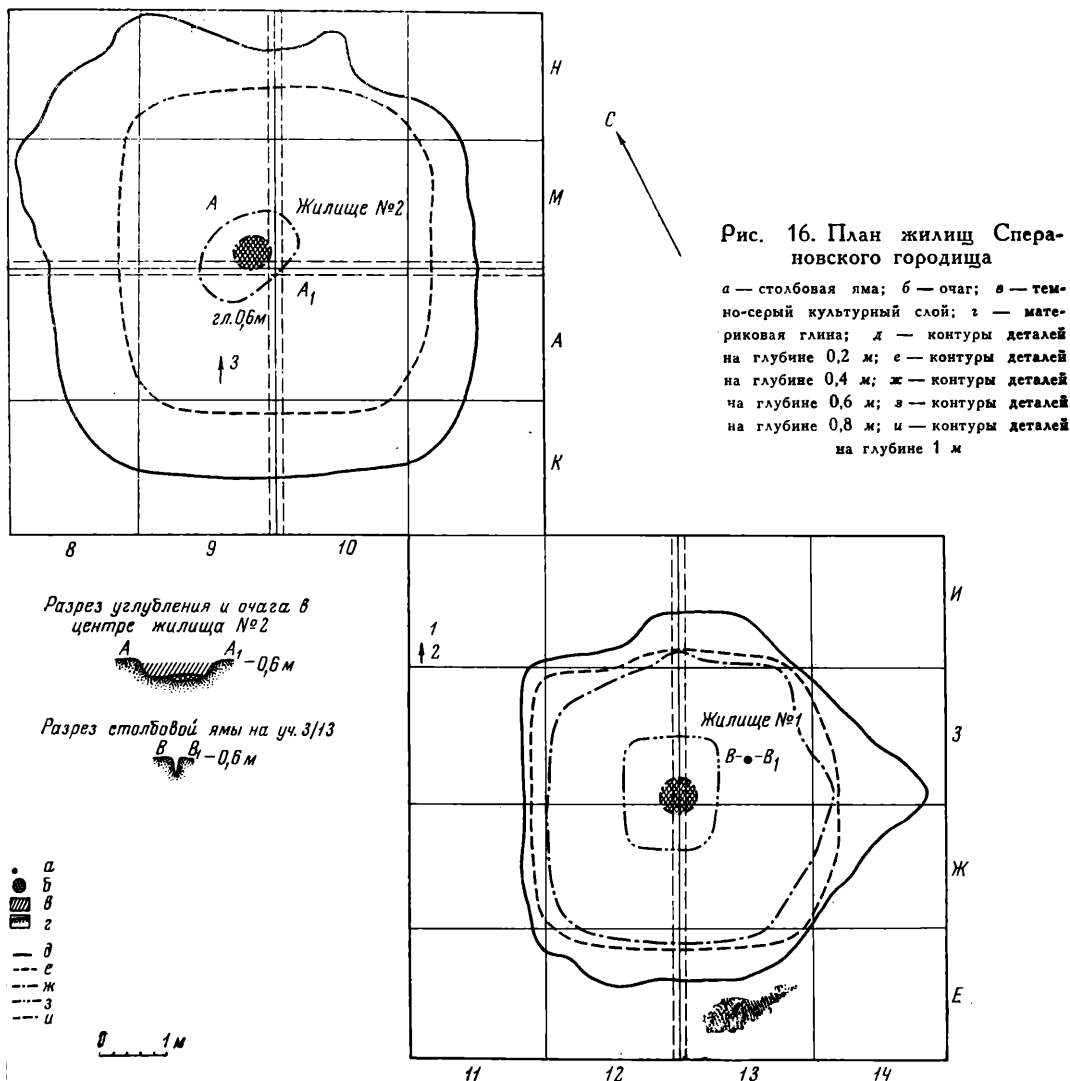
СПЕРАНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Городище относится к среднерытшской культуре, занимавшей в последней трети I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. часть территории Омского Прииртышья. Ввиду крайне слабой изученности этой культуры публикация материала каждого нового памятника представляет несомненный интерес для постановки и решения проблем ее генезиса, этнической принадлежности, уточнения датировки и территории распространения.

Городище расположено на правом берегу р. Оми, в 1,5 км от дер. Сперановки и около 10 км к востоку от Омска. Впервые это городище, как и два неукрепленных поселения около дер. Сперановки, было открыто сотрудником Детской экскурсионной станции г. Омска В. И. Морозовым и бывшим директором Омского музея А. Ф. Палашенковым. Площадка городища задернована, с двух сторон она ограничена оврагами, с третьей — обрывом р. Оми, а с напольной стороны — валом и рвом. Вал имеет в двух местах понижения, а ров соответствующие повышения, по-видимому, от существовавших ранее въездов на городище. Концы вала вплотную подходят к оврагам. Высота вала со стороны площадки городища 0,4 м, ширина около 6 м, глубина рва от вершины вала около 0,9 м. Внутри площадку городища разделяет на две части еще один более высокий вал высотой до 1,5 м от дна рва. Территория, отделенная этим валом, ранее была, вероятно, основной частью городища, которая почти полностью уничтожена обрывом к р. Оми. Обрывом снесена также часть площадки, расположенной между валами. На сохранившейся части последней, а также с напольной стороны имеются неглубокие овальные впадины от бывших здесь некогда слабо углубленных в материк жилищ размером около $6 \times 5 \times 0,2$ м.

В ходе раскопок здесь были выявлены остатки двух подпрямоугольных наземных жилищ, несколько углубленных основаниями в материк. Жилище 1 (рис. 16) размером приблизительно $5 \times 4,5$ м было врезано основанием в материк на 0,3 м. В центре жилища располагалось подпрямоугольное углубление величиной $1,7 \times 1,4 \times 0,2$ м, в середине которого находился округлый открытый очаг размером $0,6 \times 0,55$ м. Очажный слой, состоящий из мелких углей и золы, в разрезе имел линзовидную форму с наибольшим сечением 0,1 м. Вблизи очага находилось скопление мелких рыбьих костей и чешуи. В середине восточной стенки жилища находится выступ-ступенька размером $1,7 \times 2,2$ м, который связан, по-видимому, с выходом из жилища.

В восточной части жилища в материковом слое обнаружена столбовая ямка диаметром 0,1 м и глубиной 0,3 м.

Очертания жилища 2 резко выявились при зачистке второго и третьего штыков на контакте заполнения жилищной впадины с материком. Размеры контуров жилища на зачистке первого штыка $4,6 \times 5$ м. Основание врезано в материк на 0,2 м. В центре жилища находилось углубление размером $1,6 \times 1,15 \times 0,25$ м, посреди которого располагались остатки округлого открытого очага размером $0,5 \times 0,56$ м, мощностью 0,08 м, в сечении линзовидной формы. Они состояли из смеси мелких углей, золы и обожженной земли. Вблизи очага лежали кости животных, мелкие кости и чешуя рыб.

Сравнение двух изученных жилищ демонстрирует однотипность их конструкции. Для того и другого характерна подпрямоугольная форма, при одной и той же площади, приблизительно $5 \times 4,5$ м, при углублении пола в материк на 0,2—0,3 м. Открытые очаги находились в центре жилищ в неглубоких ямах. Такое устройство очагов в ямах отличает жилища Сперановского городища от исследованных ранее жилых строений южной части лесной и лесостепной полосы Западной Сибири, для которых характерно расположение очага или на ровном полу или чаще на небольшом возвыше-

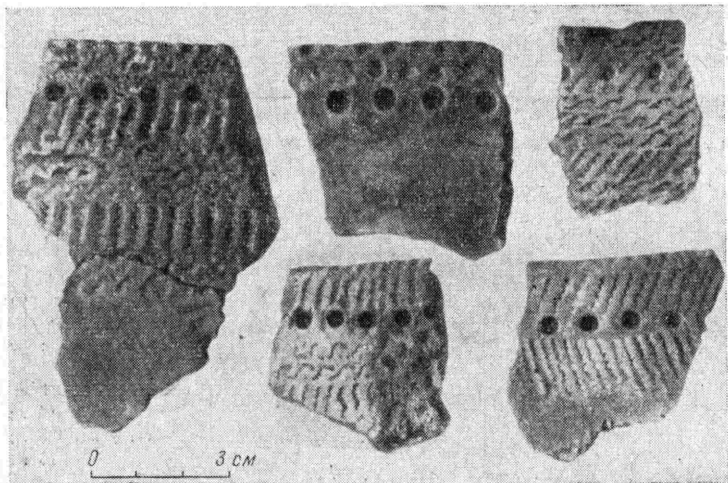

Рис. 17. Керамика Сперановского городища

нии в центре жилища¹. Отсутствие следов бревен от стен, а также системы столбовых ям не позволяет полностью реконструировать устройство жилищ Сперановского городища. Можно говорить только о их прямоугольной форме, расположении очагов в центральных углублениях и наземной конструкции, по-видимому, бревенчатых стен.

Состав материала из заполнения жилищных впадин не отличался от находок в верхней части культурного слоя. В основном это — керамика и кости животных, орудия труда и быта встречены единично. Керамика (рис. 17) представлена фрагментами преимущественно хорошо обожженных чашевидных сосудов с округлым дном, сравнительно тонкими стенками и почти вертикальной шейкой. В глиняном тесте имеется небольшая примесь мелкого песка. Венчик сосудов сверху уплощен и имеет небольшой навесик с внутренней стороны. Орнамент располагается на верхней части сосудов. Преобладающие элементы орнамента — оттиски зубчатого штампа, штампа типа «уточка», волна, прочерченная штампом, а также зоны из мелких треугольных взаимопроникающих вдавлений. Указанные элементы орнамента сочетаются друг с другом. Встречена также керамика, орнаментированная трехчленным штампом. Появление трехчленного штампа В. Н. Чернецов относит к II—III вв. н. э.² Возможно, что штамп появляется несколько ранее. В пользу такого предположения свидетельствуют совместные находки керамики с этим штампом вместе с керамикой, украшенной O-видным штампом, которая обнаружена в насыпи одного из усть-тартасских курганов, исследованных С. М. Чугуновым, где, возможно, датируется благодаря находке фибулы типа *Avcissa*³ не позже I в. н. э. Ближайшей аналогией керамики Сперановского городища, орнаментированной уточкой и волной, является глиняная посуда из среднего слоя городища Большой Лог, расположенного в 10 км вниз по р. Оми⁴. Некоторые аналогии пред-

¹ В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. МИА, № 35, 1953, стр. 180; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, стр. 47; В. Ф. Генинг. Прыговское городище на р. Исети. ВАУ, вып. 6, 1964, стр. 41.

² В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, стр. 154—155.

³ ОАК за 1895 год. СПб., 1897, стр. 42, рис. 86.

⁴ В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, вып. 37, 1951; рис. 28а.

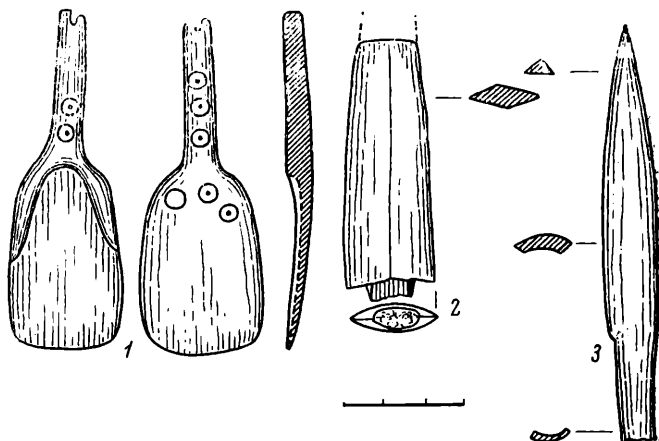

Рис. 18. Костяные изделия Сперановского городища
1 — костяная ложка; 2, 3 — наконечники стрел

ставлены на ряде других поселений лесного Приобья последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры⁵.

Предметы быта и орудий труда представлены костяной ложкой (рис. 18, 1) и костяными наконечниками стрел (рис. 18, 2—3). По форме костяная ложка с городища напоминает наиболее простые ложки усть-полуйской культуры⁶. Костяные наконечники стрел с городища (рис. 18, 2, 3) имеют небольшой уступ при переходе от боевой части к черешку. Наиболее близкие аналогии этому типу наконечников стрел представлены на поселениях Верхней Оби⁷ и городище Большой Лог⁸.

Точное определение хронологии описываемого материала затруднено отсутствием хорошо датирующих вещей. Аналогии находкам с городища позволяют предположительно датировать его с IV—III вв. до н. э. и по первые века нашей эры. Нижний предел ее устанавливается благодаря находке костяной ложки, напоминающей усть-полуйские, верхний — аналогиями керамике с трехчленным штампом, — около грани н. э., может быть I—II вв.

Городище Сперановское и Большой Лог вместе с давшими аналогичный материал двумя неукрепленными поселениями у дер. Сперановки и поселением на месте Омской стоянки характеризуют довольно компактную группу в основном лесных по культуре племен, занимавших долину низовий Оми, южнее которой, насколько можно судить по имеющимся данным, лесные племена Прииртышья конца I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. сплошной массой не распространялись. Совокупность указанных поселений, находящихся по соседству друг с другом, образовывала систему укреплений, очевидно, противостоящих нападениям соседних лесостепных племен.

Исследование городища и неукрепленных поселений около дер. Сперановка расширяет наши знания о среднеиртышской культуре. Группа поселений среднеиртышской культуры, локализовавшихся в районе низовий

⁵ В. И. Мошинская. Археологические памятники севера Западной Сибири. САИ. Д 3-8 М., 1965, рис. 5, А; В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, табл. II, I, V—8—10; М. П. Грязнов. Указ. соч., 1956, табл. X—IX, 3—6.

⁶ В. И. Мошинская. Археологические памятники севера Западной Сибири, табл. XVII, 10.

⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. 11—7—11.

⁸ В. Н. Чернов, В. И. Мошинская. Городище Большой Лог..., рис. 27, 9, 10.

р. Оми, со всех сторон, по-видимому, была окружена массивом лесостепных племен. Керамика среднеиртышской культуры или близкая ей встречается как примесь на городищах и поселениях лесостепного населения к северу от Омска (Коконовское поселение, Каргановское, Богдановское городища обследованы автором в 1966—1968 гг.), но не образует на них монолитного слоя. Далее, вниз по Иртышу, эта керамика известна на поселении Бызовка вблизи с. Большеречья⁹. К юго-западу от Омска находка сосуда среднеиртышской культуры представлена в кургане у с. Соколовка Северо-Казахстанской области, который может быть датирован серебряным височным кольцом в 1,5 оборота¹⁰, аналогичным кольцам из ранне-сарматских памятников, в пределах IV—II вв. до н. э.

⁹ Коллекция Омского музея.

¹⁰ К. А. Акишев. Памятники старины северного Казахстана. ТИИАЭ, т. 7, серия археологическая. Алма-Ата, 1959, стр. 25—25, табл. IV, 7.

Ю. С. ГРИШИН

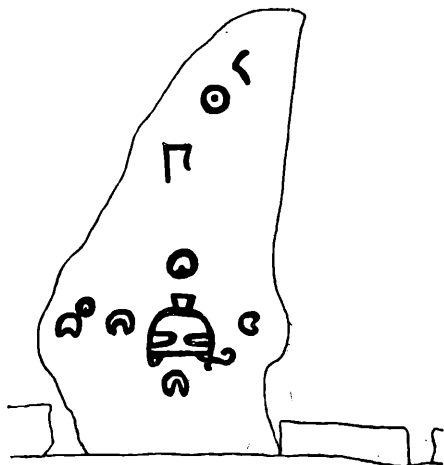
ОБ ОДНОЙ ПИСАНИЦЕ НА ПЛИТЕ ТАГАРСКОГО КУРГАНА
ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Близ центральной фермы Аскизского овцесовхоза, несколько к северу от железнодорожного моста через р. Камышту, на правом ее берегу расположен тагарский могильник. Курганы отличаются сравнительно небольшими размерами, невысокими насыпями и имеют по углам боковых каменных оградок или же посередине некоторых из них выделяющиеся высокие плиты. Судя по внешним признакам, они должны относиться к первой стадии тагарской культуры, по классификации, предложенной С. В. Киселевым, т. е. к VII—V вв. до н. э.¹

В 1953 г. на плите одного из этих курганов, стоящей посередине его южной стенки, автором были обнаружены изображения различных знаков (нередко встречающиеся на раннетагарских курганах)², а в нижней ее части перевернутое вверх дном изображение «скифского» котла. Сама плита, обращенная вершиной к востоку, имела горбообразную форму с западной стороны и почти прямую, но слегка вогнутую книзу, с полукруглым выступом в нижней части, — с восточной (рис. 19). Все изображения знаков и котла были выбиты контурными линиями путем нанесения точечных ударов. Они составляли по расположению как бы два различных яруса, из которых верхний включал преломленные под углом линии и кружок в центре, а нижний рисунок перевернутого вверх дном котла и группирующихся вокруг него знаков копыта и S-образного завитка.

Что же они означали? Скорее всего вся композиция изображала в верхнем ярусе небо (рисунок солярного знака и летящей птицы), а в нижней — землю (следы копыт животных). Перевернутое же вверх дном изображение «скифского» котла, возможно, было связано с особенностями погребального ритуала. Ведь, как известно по описанию Георги конца XVIII в., у некоторых северных народов России применялся при по-

Рис. 19. Писаница на плите тагарского кургана из Минусинской котловины

¹ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 127.

² Там же.

хорошах обычай опрокидывания котла над головой покойника в могиле³.

Если это так, то представленная писаница на плите тагарского кургана является ценным археологическим памятником, который должен иметь важное значение для изучения мировоззрения и религиозных обычаев древних тагарских племен. Что же касается ранней датировки изображения «скифского» котла, появление которого до недавнего времени в Минусинской котловине относилось лишь к периоду второй стадии тагарской эпохи, то Н. Л. Членова в последнее время вполне обоснованно доказала, что они бытовали здесь еще с VIII в. до н. э.⁴

³ *Георги*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1799, стр. 11.

⁴ *Н. Л. Членова*. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 92—109.

П. Н. ШУЛЬЦ

КУРГАН КАРА-ОБА БЛИЗ КЕРЧИ
(РАСКОПКИ 1967—1969 гг.)

Курганный могильник Пантикапея раскинулся гораздо шире, чем его грунтовый некрополь¹. Часть курганов занимает низменность к северу, северо-востоку и северо-западу от Пантикапея. Сюда входят широко известные Царский² и Мелек-Чесменский курганы³. Часть расположена на южном склоне горы Митридат и дальше в низменности к югу и юго-западу от Пантикапея. Значительное число курганов, в том числе и больших, венчает вершины трех холмистых гряд, которые тянутся с запада на восток и составляют одну из характерных черт керченского ландшафта (рис. 20). Больше всего их на южной гряде, называемой Юз-оба («100 холмов»)⁴. Здесь хоронили, как показали раскопки прошлого века, по преимуществу представителей боспорской знати эпохи расцвета в IV в. и частью в III в. до н. э. как греческой, так и эллинизированной скифской, а может быть, также и фракийской и синдской.

На самой величественной Центральной или Митридатовской гряде лежат два широко известных царских кургана: Золотой с крепидой циклопического характера⁵ и Куль-Оба («Зольный холм»)⁶. Первый с «ульевидным» склепом с уступчатым перекрытием наряду с Царским мог принадлежать одному из царей династии Спартокидов⁷, второй, по обряду скифский, вероятно, принадлежал скифскому парадинасту или номарху, как предположил В. Ф. Гайдукевич⁸. Поблизости находится второй скифский курган Патиноотти, наряду с Золотым и Курь-Оба относящийся к IV в. до н. э.⁹

¹ Карта окрестностей Керчи с обозначением курганов воспроизведена А. Ашиком в ДБК, Атлас, табл. № I, комментарии в ДБК, т. I, на стр. ХCV сл. Курганным могильником Пантикапея занимались М. И. Ростовцев («Скифия и Боспор». Л., 1925, стр. 176—250), В. Ф. Гайдукевич («Боспорское царство». М.—Л., 1949, стр. 233—277) и за последние десятилетия Г. А. Цветаева («Курганный некрополь Пантикапея». МИА, № 56, 1957, стр. 227—250, рис. 1).

² ДБК, Атлас, табл. А^B; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 246—251, рис. 40—41.

³ Ю. Ю. Марти. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. Одесса, 1913.

⁴ АДЖ. Атлас, табл. II, Д; описание в т. I, стр. 99—109, рис. 19.

⁵ ДБК, Атлас, табл. А^A; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 182; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 246, рис. 39. План кургана см.: В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1951, стр. 6 сл., рис. 1.

⁶ ДБК, I, стр. X и сл. Атлас, табл. А; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 376—385; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 267—277.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 250.

⁸ Там же, стр. 275—276.

⁹ А. Ашик. Боспорское царство, т. II. Одесса, 1848, стр. 39; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 386 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 276 сл.; Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. «Изв. Крымского отд. Географ. об-ва Союза ССР», вып. 1. Симферополь, 1951, стр. 105.

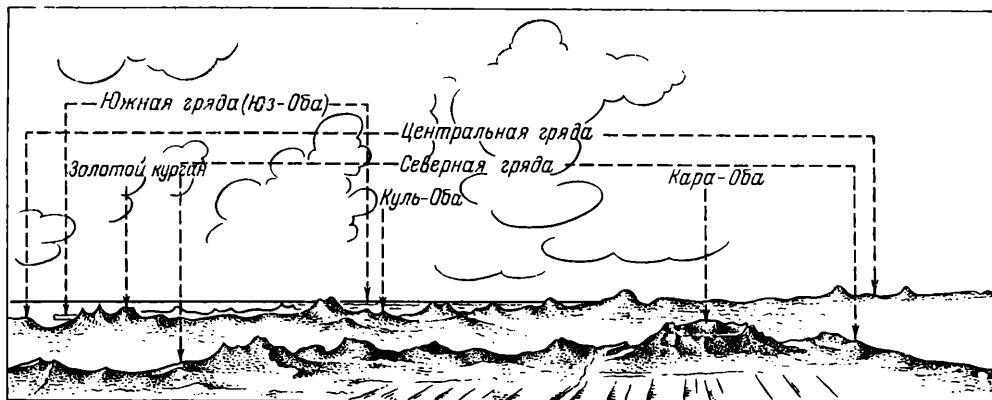

Рис. 20. Схематическое изображение трех гряд восточной части Керченского полуострова вдали на горизонте — курганы Юз-Оба; в центре — Центральная митридатова гряда (курганы Золотой и Куль-Оба); на переднем плане — Северная караобинская гряда. Рисунок Н. Н. Благовещенского

Наименее исследована северная гряда¹⁰, которую можно назвать караобинской. Именно на ней, в 8 км к западу от древнего Пантикапея и 2,5 км на северо-запад от Куль-Оба, при выходе в открытую степь возвышается самый грандиозный из курганов Керченского полуострова — Кара-Оба («Черный холм»). К югу от кургана, в 1 км от него — с. Октябрьское (колхоз «Рассвет»).

В середине прошлого века курган привлек внимание А. Е. Люценко, директора Керченского музея древностей. По его подсчетам, высота кургана достигала 12 саж. (25,6 м), диаметр 56 саж. (119,5 м) и окружность 175 саж. (373 м)¹¹. Люценко копал курган три года (1859—1861)¹². Он заложил большой раскоп в центре насыпи, прорезал ее радиальными траншеями и в последний год работы начал врубаться в скалу, на которой курган был сооружен. Траншеями он разрезал две концентрические крепиды, опоясывавшие склоны кургана. Центральный раскоп был опущен до скалы и местами в нее углублен. В последний год Люценко на скале под насыпью обнаружил земляную могилу, обложенную камнями. Она была наполнена «...человеческими костями, как бы изрубленными на части»¹³. В погребении найдены медный наконечник скифской стрелы, обломок железного меча или ножа и фрагменты античных амфор. Скорее всего это было «коллективное» позднескифское захоронение¹⁴. Дату последнего Люценко не определил. Из находок в насыпи он отметил бронзовый амулет-подвеску с изображением Гермеса, маленькую пантикапейскую медную монету с надписью *παι* и с изображением лука и головы Аполлона.

Несмотря на все старания Люценко, для своего времени опытного мастера по раскопкам курганов, основная гробница не была найдена. Люценко высказал предположение, «...что она находится не на поверхности скалистого холма, служащего кургану основанием, а внутри его, что

¹⁰ Северная гряда ни М. И. Ростовцевым, ни В. Ф. Гайдукевичем, ни Г. А. Цветаевой даже не упоминается. Между тем в топографии курганного могильника Пантикапея она занимает заметное место.

¹¹ А. Е. Люценко. Об археологических исследованиях близ Керчи в 1859 г. Рукописный архив ЛОИА, ф. 1, 1859 г., д. 12, л. 42.

¹² Архив ЛОИА, ф. 1, 1859 г., д. 12; ф. 1, 1860 г., д. 6; ф. 1, 1861 г., д. 16; ОАК, 1859, стр. XI; ОАК, 1860, стр. VI; ОАК, 1861, стр. V.

¹³ Архив ЛОИА, ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 37.

¹⁴ О коллективных позднескифских погребениях см.: Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 94—98. Подобный обряд представлен и на Керченском полуострове (Э. В. Яковенко. Скифы восточного Крыма в V—III вв. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 9); Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. ДБК. Киев, 1970, стр. 119.

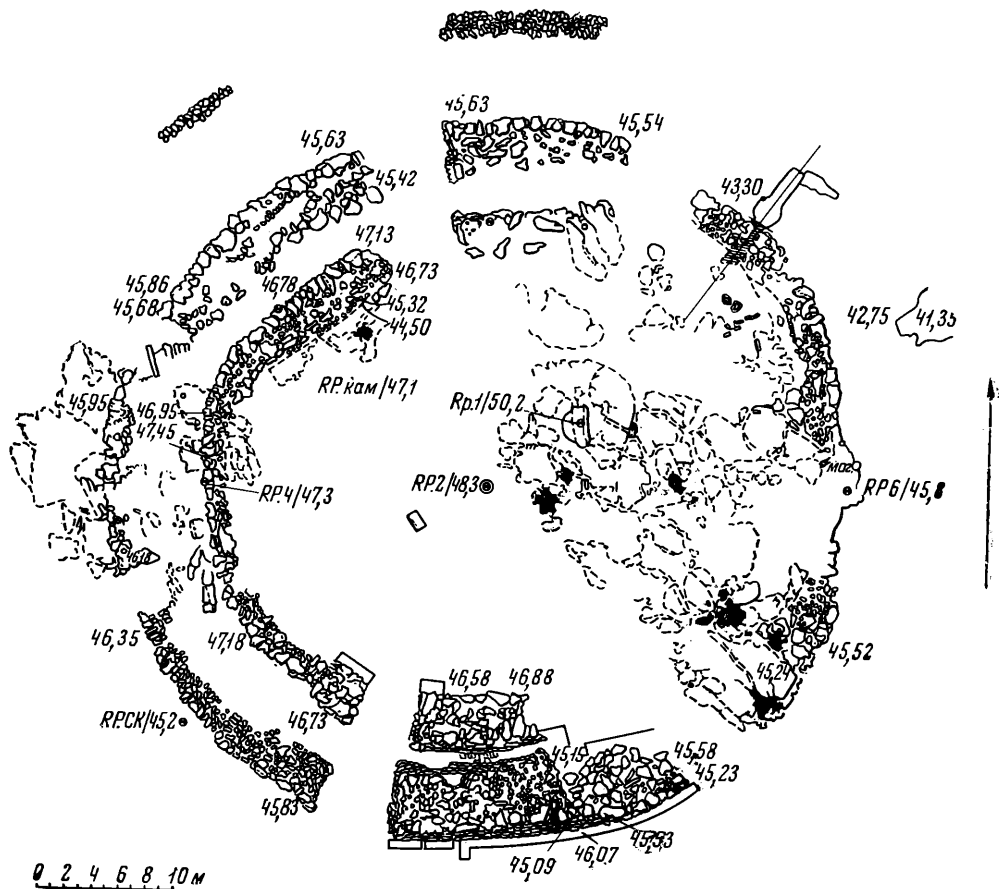

Рис. 21. План кургана Кара-Оба. Съемка Н. Н. Благовещенского. 1968 г.

гробница эта единственная в нем и что, по всей вероятности, она должна быть царскою»¹⁵.

Потеряв надежду на открытие центрального погребения, Люценко раскопки прекратил и выдвинул новое предположение о том, что курган был «...сооружен в ознаменование какой-либо битвы, происходившей в близком от него расстоянии»¹⁶ и что Кара-Оба памятник не погребальный, но «триумфальный».

В 1965 г., после более чем столетнего перерыва, исследования кургана были возобновлены Боспорской экспедицией ЛОИА под руководством В. Ф. Гайдукевича¹⁷. Велись они на общественных началах, с применением землеройных машин, при активной помощи Керченского горкома КПУ, Музея и представителей журнала «Молодая гвардия». Непосредственно руководила раскопками Е. Г. Кастанаян. Раскопки были продолжены и в 1966 г.¹⁸ Их прервала смерть В. Ф. Гайдукевича.

В течение двух лет значительная часть насыпи была удалена. Местами были исследованы опоясывающие насыпь крепиды. Обнаружены обломки эллинистических амфор и «мегарских» чаш. На одном из фрагментов чаши имелось клеймо Деметрия¹⁹. Судя по находкам, курган

¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, 1861 г., д. 16, лл. 18—19.

¹⁶ Там же, л. 37.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Работы на Боспоре. АО 1965 г. М., 1966, стр. 102 сл.

¹⁸ Е. Г. Кастанаян, Н. Э. Кунина, В. И. Пругло, Л. Ф. Силангьева, И. Г. Шургая. Работы на Боспоре. АО 1966 г. М., 1967, стр. 225.

¹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 102.

был создан в эллинистическое время. Однако признаков гробницы обнаружить не удалось.

В 1967—1969 гг. раскопки были продолжены Караобинским отрядом Боспорской экспедиции ЛОИА под руководством П. Н. Шульца²⁰. Насыпь исследовалась тремя радиальными и двумя кольцевыми траншеями (рис. 21). При этом одна из траншей опоясала и выявила по периметру панцирь второй внешней крепиды. Радиальные траншеи, проведенные по следам траншей Люценко к центру, дали поперечные разрезы через насыпь и позволили восстановить формы скалистого холма, на котором был возведен курган. Они же дали и разрезы крепид и позволили выяснить их структуру. К сожалению, стратиграфия вершины кургана, над скалой, во время предшествующих раскопок осталась незафиксированной. О строении насыпи пришлось судить лишь по сохранившимся остаткам.

Раскопки 1967—1969 гг. позволили выяснить внешнюю каменную архитектуру памятника, наметить северные границы склонов насыпи и уточнить размеры кургана. Высота скалистого холма от северного подножия древней насыпи достигает 10,50 м (по Люценко 5 саж.). Диаметр основания кургана вряд ли превышал 90 м. Следовательно, и его окружность была меньшей (около 282 м), чем ее наметил Люценко (175 саж.). Курган, судя по крепидам, был в плане слегка овален, отвечая строению скалистого останца, вытянутого вдоль гряды с востока на запад. Возможно, основная насыпь над платформой скалы и крепид была несколько выше, чем наметил Люценко (7 саж.), так как курган до Люценко копался сначала, по его предположению, гетуэзцами, а затем греками²¹ и его вершина была сильно нарушена. Это можно видеть по разрезам Люценко и рисунку К. Бегичева²². Общая высота кургана от подошвы, принимая во внимание процессы оползания и размывания, а также нарушенность вершины грабителями, достигала не менее 26 м²³. Склоны его отличались крутизной, что видно и по разрезам Люценко, и по рисункам Бегичева, и по остаткам древней насыпи в ее нижней части, зафиксированным экспедицией в 1968 г. Угол склона достигал здесь 36°. Выше склон был, вероятно, круче.

Гигантские масштабы Кара-Оба, превышавшие все, что мы знали до сих пор в Северном Причерноморье, зрительно усиливались тем, что курган был возведен на кряже гряды, образующей для него естественный пьедестал. Он был виден издали.

Конструктивную основу и платформу земляной насыпи составляли не только скалистый холм, но и дополняющие его две каменные крепиды и каменная засыпка, окаймляющая курган с севера, ниже внешней крепиды (рис. 21). Этот пояс, сложенный насухо из бута, был обнаружен в 1968 г. По-видимому, его заметил еще Люценко, писавший о «... каменном завале... образующем нечто вроде ограды из мелкого щебня, параллельно подошве кургана»²⁴. Размеры «ограды», указанные Люценко (в основании 4 арш., в высоту 1,5 арш.), близки размерам пояса (2,85 × 0,75 м). Пояс сдерживал процесс оползания насыпи и, вероятно, служил для нее северной границей.

²⁰ В раскопках принимали участие Е. Г. Кастанаян, А. Н. Мелентьев, А. И. Демченко, К. К. Шилик, Ю. П. Калашник, Н. Н. Благовещенский, Т. А. Владимирова, В. С. Артюх, Т. Ф. Аскиркина и др. Большая помощь оказана студентами—практикантами ЛГУ, Института им. Репина Академии художеств СССР, Волгоградского педагогического института и другими вузами.

²¹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1859 г., д. 12, л. 5; ф. 1, 1860 г., д. 6, л. 66.

²² Альбом К. Бегичева. Чертежи, планы и рисунки, относящиеся к археологическим раскопкам 1859—1862 гг. Архив ЛОИА, ф. Р I, д. 691, л. 5.

²³ Г. А. Цветаева, основываясь на данных Люценко, определяет высоту кургана в 25 м, окружность в 350 м (Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 234). В отчете Боспорской экспедиции за 1966 г. высота определена в 25,6 м, диаметр 120,80 м, окружность 373 м (Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1966 г.).

²⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, 1860 г., д. 6, л. 121.

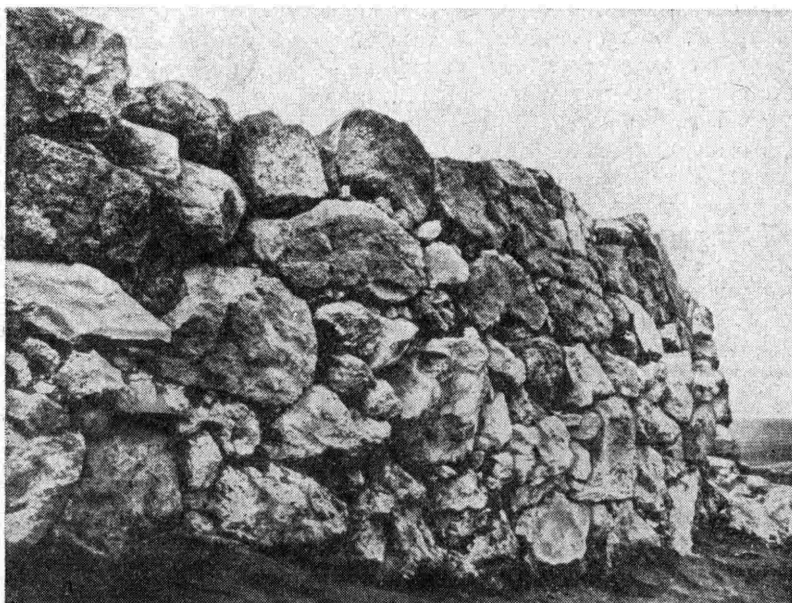

Рис. 22. Внешний панцирь второй кrepidы кургана Кара-Оба. Вид с северо-запада.
Фото М. Г. Занкова

Обе крепиды вместе с каменной засыпкой, подобно обручам, стягивали земляную насыпь и создавали для нее прочный каркас, предохраняя от расползания. Уровень основания нижнего пояса, вероятно, совпал с подошвой насыпи, и мы его принимаем за нулевую точку. Подошва внешней кrepidы ниже на 3,50 м внутренней. Вся система пояса и кrepid создавала ступенчатую каменную основу для земляной насыпи.

Структура кrepid в основном идентична. Это позволяет предположить, что они построены одновременно. Расстояния между их внешними панцирями почти везде одинаковы (6—7 м). Поверхности каждой из кrepid выдерживаются примерно на одном горизонте: внутренняя выше внешней на 2—3 м. Но внутренняя по размерам меньше внешней. Внешняя — мощнее и выше (до 4 м) внутренней (до 3,50 м). Обе крепиды выглядят как единое сооружение, созданное по одному архитектурному замыслу²⁵, обе в основном однопанцирные. Внутренний панцирь, если и есть, то, как правило, нерегулярен и значительно ниже внешнего, так как крепиды построены на склонах холма и подошвы их наклонны. Иногда ступень скалы заменяет внутренний панцирь, подпирая бут. Покоятся крепиды частью на скале, местами на погребенной почве, реже камни опущены в небольшой выровненный котлован, вырубку в скале или же на подсыпку. В разрезе крепиды образуют неправильную трапецию с наклонным основанием и верхней плоскостью, всегда слегка наклоненной к центру кургана.

Внешний панцирь той и другой кrepid сложен из громадных каменных блоков неправильной формы, лишь в редких случаях грубо околотых (рис. 22). Обе крепиды суживаются кверху, их панцири наклонены под углом 85°. Между панцирями забутовка из камня малых и средних размеров на глине, реже на земляном растворе. В глиняный раствор иногда примешан толченый мергель и рухляк. Так как горизонты верхних поверхностей каждой из кrepid выдерживались на одном уровне, степень мощно-

²⁵ Г. А. Цветаева, упоминая Кара-Оба, полагает, что «наличие двух кrepid свидетельствует о том, что курган насыпали неоднократно» (Указ. соч., стр. 231). Это предположение раскопками не подтвердилось.

сти и высоты крепид различны. С южной и северной стороны там, где склоны круче, крепиды выше и толще, наибольшей высоты обе крепиды достигают на южном склоне (внешняя — 4 м, внутренняя — 3,50 м, при толщине основания в 6 м и 4 м). Интервал между крепидами здесь суживается до 1 м. Напротив с востока и в особенности с запада по оси гряды, где склоны более пологие, крепиды ниже и уже. На западном склоне крепиды сложены в высоту не в девять рядов камней, как на южном, а всего в два камня, и интервал между крепидами достигает здесь 5 м, хотя общая ширина двух колец вместе с интервалами выдерживается повсеместно в 10—11 м.

Если внешняя крепида может быть названа кольцевой, так как окаймляет курган со всех сторон, то этого нельзя сказать про внутреннюю. В восточной части оба конца крепиды упирались в скалу. В плане она имела характер подковы. Выступы скал местами как бы входят в структуру кладки. На восточной стороне скалы часто переплетаются с крепидами, подпирая их. Расщелины между скалами забиваются камнями. Скалистый ландшафт умело использовался строителями для экономии труда и материала. Это сплетение скальных выходов и вырубков с кладкой неоднократно отмечалось в строительстве на Боспоре и, по-видимому, является местной стойкой традицией²⁶.

Характерная особенность кладки заключается также в том, что щели между большими глыбами в панцире тщательно забивались мелким камнем и щебнем. Камень, очевидно, брали с близлежащих скалистых холмов, представляющих собой фации плотного, твердого мшанкового известняка рифового происхождения, не поддающегося распилке.

Наличие трех каменных поясов (две грандиозные крепиды и каменная обкладка с севера) — своеобразная черта кургана Кара-Оба. До сих пор среди больших курганов Боспора были известны лишь однокрепидные сооружения, например на Золотом кургане. Его циклопическая крепида, имея общие черты с крепидами Кара-Оба, отличается от них большими размерами камней, по-видимому, сухой кладкой и менее широким использованием малых камней и щебня для заполнения щелей и пустот между камнями. Крепида Золотого кургана выглядит монументальнее и архаичнее. Не случайно делались попытки ее отнесения к киммерийцам²⁷. В крепидах Кара-Оба больше общего с варварской кладкой оборонительных стен поздней Скифии, в первую очередь со стенами Неаполя скифского²⁸. Полагаю, что генетически система каменных сооружений Кара-Оба связана не только с местной боспорской традицией, но и с крепидами и с каменной обкладкой подошвы насыпей, характерной для больших царских курганов Скифии, например Александропольского и Чертомлыкского²⁹.

Ступенчатость внешней архитектуры кургана Кара-Оба получила частичное отражение и в его стратиграфии. В обресе северной траншеи, ниже внешней крепиды, хорошо прослеживается «ступень» в виде большого уступа с покатым склоном. В нем чередуются тонкие горизонтальные прослойки различного грунта, хорошо утрамбованного гумуса, глины, рухляка, суглинка, мергеля, щебня и т. д. По предположениям А. И. Демченко, эта подсыпка представляла собой широкий земляной «контрфорс», упиравшийся вниз в каменную обкладку, а наверху подпиравший нижнюю часть внешней крепиды. Ее могучий панцирь, явно рассчитанный на обозрение, имел, очевидно, вместе с крепидой не только конструктивную, но и куль-

²⁶ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 27.

²⁷ В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. ВМУ, 1948, № 8.

²⁸ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. ВДИ, 1950, № 4, стр. 179 сл., рис. 2.

²⁹ ССК, Чертежи и рисунки, XI; М. П. Грязнов. Курган как архитектурный памятник. Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований в 1968 г. М., 1961, стр. 22—25.

товую роль (рис. 22). Являясь своего рода цоколем основной насыпи, она имела и декоративное значение.

Сложная структура насыпи, ее утрамбованность и необыкновенная плотность, отмечавшаяся всеми ее исследователями, очевидно, обусловлена желанием строителей предохранить ее от размыва и оползней. На северном склоне в оползнях и отвалах обращает внимание обилие плотного чернозема. Судя по описаниям Люценко, вершина кургана была обложена дерном. При сравнительно малом диаметре курган был очень высок. Цоколь крепид обеспечивал кургану элемент ступенчатости и лишь со временем он приобрел коническую форму, отмеченную его первым исследователем³⁰.

Если первый год наших раскопок был сосредоточен на изучении остатков стратиграфии насыпи, то в последующие годы основное внимание было переключено на исследование внешней архитектуры кургана, на ее устройстве. В настоящее время главная задача состоит в выяснении назначения памятника и поиске его погребальной камеры, если она есть: является ли курган погребальным сооружением или же он, как предположил в конце работ Люценко, памятник триумфальный.

Еще в первый год наших работ было обращено внимание на выброс материковых слоев в северо-восточной части кургана, ниже внешней крепиды. В состав выкида входили скальный щебень, рухляк, мергель и глина. По подсчетам А. И. Демченко, объем выброшенных материковых пород достигал здесь около 260 куб. м. Смущало то, что северный край выброса покоился на большом массиве переотложенного чернозема. Исследование линзы выкида, казалось бы связанного с древней выборкой в скалистом холме и с удалением примыкающих мягких пород, произведенное в 1969 г., показало, что эта линза в основной своей части залегает непосредственно на склонах скалы и лишь оползший ее северный край перекрыл, по-видимому, еще в древности сброшенный со скалы чернозем.

При зачистке северо-восточного склона были обнаружены отпечатки истлевших деревянных настилов, покрытых камышом, следы которых в одной из траншей отметил еще Люценко³¹. По предположению А. И. Демченко, эти настилы могли быть использованы для лучшего скольжения волокуш и «саней» при подъеме блоков камня и земли на вершину кургана. От настилов к скале вел неширокий пандус, который перешел затем в узкую штольню шириной в 1 м, вырубленную в рухляке и мергеле. У скалы штольня расширилась и была укреплена столбовыми креплениями, о которых можно судить по столбовой яме и остаткам сгнившего дерева. На отвесном уступе скалы под крепидой зарисовалась «арка» более 2 м высотой, заполненная натекшим грунтом (рис. 22,б). Мы начали расчистку входа и думали, что находимся на пороге важных открытий. Но «дромос» прошел скалой около 5 м, его строители наткнулись на выходы особо твердых пород. На стенках остались следы ударов кайла. Вырубка штольни на этом была прекращена.

Рис. 23. Кувшин, найденный в насыпи кургана Кара-Оба

³⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, 1861 г., д. 16, рапорт № 4, л. 129.

³¹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 10. Люценко пишет: «...слои курганной насыпи лежат здесь на каких-то истлевших подстилках вроде лубков, которые при растирании их превращаются в труху».

Следы второй, более широкой вырубки были обнаружены восточнее. Но и здесь строители наткнулись на выходы особо плотного известняка и вынуждены были прекратить работы. Следует заметить, что характер вырубок, их строгие геометрические формы и высота позволяют отнести их к античному времени. Мины Люценко и грабительские лазы в сечении имеют оваловидные очертания и по высоте значительно ниже.

Поиск дромоса и погребальной камеры на северо-восточном участке кургана, наиболее перспективном, имеющем значительный выброс материальных пород, необходимо продолжать.

Остается высказать несколько соображений о дате памятника. Найденный в насыпи материал, монета, бронзовые наконечники скифских стрел, обломки так называемых мегарских чаш и амфор, боспорский кувшин, относящийся по определению Т. Н. Книпович ко II в. до н. э. (рис. 23), наконец полное отсутствие в насыпи находок первых веков н. э., свидетельствует о принадлежности кургана к периоду позднего эллинизма. Скорее всего, он сооружен во II в. до н. э., судя по монете, может быть, даже во вторую половину века. Если это предположение исследованиями подтвердится, то Кара-Оба будет первым большим курганом, возможно царским, данного времени на территории европейского Боспора. На азиатском Боспоре курганы II в. до н. э. известны, например Артюховской³².

Для Боспора это период кризиса: экономического, социального и политического. Вместе с тем это время максимального подъема позднескифского государства. Отдельные признаки позволяют предположить скифское происхождение памятника. Греческих впускных погребений в нем не встречено. Зато скифские, сопутствующие, по-видимому, относящиеся ко времени сооружения кургана, есть. В 1968 г. на вершине скалистого останца обнаружено бедное скифское погребение, судя по черепу, по-видимому, женское, в соответствии с обычаями скифов ориентированное головой на запад. Правая рука — на груди, левая вытянута. Под головой обломки скифского лепного горшка. Погребение, очевидно, предшествовало насыпке курганной насыпи («впустить» его на глубину свыше 16 м было бы невозможно). Оно было, вероятно, одновременно началу сооружения памятника, так же как и соседнее коллективное, скорее всего, позднескифское захоронение, обнаруженное Люценко. В пользу скифского происхождения памятника говорят и крепиды. Они имеют варварский, позднескифский облик. Курган находится за пределами пантикапейского некрополя на выходе в открытую степь. Поблизости от него курганы Куль-Оба и Патиниотти.

Последующие раскопки, надо надеяться, покажут, насколько наши предположения, пока что ориентировочные, оправдаются, в особенности если курган, как мы полагаем, окажется погребальным и имеет камеру. Надо заметить, что ограбить вырубную камеру, если она есть, в кургане Кара-Оба, огражденном крепидами, труднее, чем в обычных земляных боспорских курганах. На неудачи предшествующих попыток грабителей указывал Люценко. Мины и лазы, которые мы встречали, также, по-видимому, не дали результатов. Можно надеяться, что курган не разграблен.

Но все же следует иметь в виду, что вопрос о назначении памятника, его дате и этнокультурном происхождении остается еще открытым. Необходимо продолжить поиски и дополнить археологические методы, являющиеся основными, бурением и геофизической разведкой, с применением чувствительного магнитометра, микросеймики и гравиразведки. Частично эти методы при исследовании кургана Кара-Оба были уже применены, но пока что не дали положительных результатов.

Есть все основания надеяться, что комплексное изучение, в том числе и методами точных наук, позволит успешно завершить многолетние и трудные раскопки уникального и весьма сложного кургана Кара-Оба.

³² М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 46—58; она же. Еще раз о дате Артюховского кургана. СА, 1967, № 2, стр. 240—242.

А. С. ГОЛЕНЦОВ

АНТИЧНЫЙ ПОЛИВНОЙ СОСУД ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КРЫМА

Летом 1966 г. при раскопках Южно-Донузлавского городища у с. Поповка (район Евпатории), которые ведутся здесь Донузлавской экспедицией Института археологии АН СССР и Евпаторийского музея¹, был найден поливной кубок почти полной сохранности. Среди массы находимой в Северном Причерноморье античной керамики поливные (глазурованные) сосуды насчитываются единицами. Поэтому находка целого экземпляра привлекает особое внимание.

Кубок (рис. 24) был найден в хозяйственной яме вместе с доньшком другого поливного сосуда чуть меньшего размера.

Кубок имеет форму неглубокого канфара, хорошо известную среди краснолаковой керамики² и, по всей вероятности, восходящую к металлическим образцам³. Кольцеобразные ручки канфара снабжены завитком снизу и характерным упором для большого пальца сверху. Высота сосуда 7 см, диаметр 8,5 см.

Нижняя часть сосуда украшена выполненным в рельефе растительным орнаментом. От каждой ручки отходят в противоположные стороны по два ряда дубовых листьев и желудей до середины сосуда, где эти ряды встречаются. На каждой половине сосуда находится, таким образом, по восемь желудей. Листья расположены как в верхнем, так и в нижнем рядах горизонтально, а желуди в верхнем ряду направлены наклонно кверху, а в нижнем ряду — книзу.

Сосуд сделан из хорошо отмученной светло-коричневой глины, в специальной форме из двух половинок. Ручки и кольцевой поддон изготовлены отдельно и прикреплены к сосуду. Желуди вылеплены из алебаstra и прикреплены к сосуду. Внутри и снаружи сосуд покрыт тонким плотным слоем желтовато-бурой глазури. Глазурь на желудях вследствие нанесения ее на белый материал имеет более яркий тон.

Технику изготовления рельефов из алебаstra можно проследить на поливных сосудах⁴, а также на краснолаковой рельефной керамике позднеэллинистического времени из Малой Азии⁵.

¹ О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО 1966 г. М., 1967, стр. 214.

² Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. АГСП, 1955, стр. 372.

³ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 253—254.

⁴ Э. Р. Штерн. Античная глазурованная посуда с юга России. ЗООИД, XXII, 1899, стр. 45; А. Н. Шварц. По поводу вазы с рельефным изображением, найденной в с. Парутине. «Древности», XV, 1894, стр. 15.

⁵ И. Г. Шургая. О производстве рельефной керамики на Боспоре. МАСП, IV, 1962, стр. 110; Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 117, рис. 11, б.

Рис. 24. Поливной сосуд с Южно-Донузлавского городища

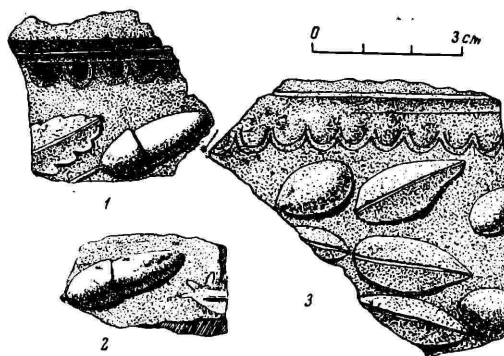

Рис. 25. Фрагменты поливных сосудов
1, 2 — Херсонес; 3 — Михайловка

Орнамент из желудей и дубовых листьев встречается в античной торговке неоднократно. В Италии он известен в конце VI в. до н. э.⁶ Среди находок из Гильдесгейма можно видеть канфаровидный серебряный кубок, украшенный гирляндой, в которую влетены желуди⁷. На золотой фиале из Панагюриштенского клада изображен орнаментальный круг в виде желудей⁸. Одним из мотивов рельефного растительного орнамента на пергамских сосудах II в. до н. э., покрытых матовым лаком, является дубовая ветка с желудями⁹.

Непривычная для нас форма дубового листа кажется на первый взгляд условной. На самом деле листья, изображенные на данном сосуде и на пергамских, выполнены вполне реалистично и принадлежат так называемому дубу лентному (*Quercus pedunculata*), который произрастает в основном в районах с теплым климатом¹⁰. Форма кубка аналогична опубликованному Э. Р. Штерном поливному сосуду из Керчи¹¹.

Можно выделить небольшую группу канфаров, покрытых зеленовато-коричневой поливой, общими для которых является своеобразная форма и орнаментация верхней части сосуда, где отгиснуты желобки и овы. В нижней части некоторые сосуды этой группы имеют сюжетный рельефный орнамент. Таковы, например, кубок из Варны¹² и кубок из Ольвии¹³.

Но еще более близки кубку сосуды с растительным орнаментом в нижней части. Они образуют особую подгруппу. К ней наряду с южнодонузлавским надо отнести и фрагмент поливного сосуда из раскопок городища у с. Михайловка близ Керчи, на котором сохранились в верхней части два горизонтальных желобка, ниже — ововый орнамент, под ним — рельефно исполненные листья и плоды лавра (рис. 25, 3)¹⁴.

Полную аналогию описываемому кубку представляют два фрагмента сосуда зеленовато-коричневой поливы из Херсонеса (рис. 25, 1, 2)¹⁵.

⁶ Н. А. Сидорова. Выставка «Золото и серебро» античной Италии. СА, 1963, № 3, стр. 300—301, рис. 6.

⁷ E. Pernice, F. Winter. Der Hildesheimer Silberfund. Berlin, 1961, стр. 33, табл. X.

⁸ И. Венедиков. Панагюриштенский клад. София, 1961, стр. 17, рис. 35—37.

⁹ F. Courby. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, стр. 404, рис. 88, 41.

¹⁰ Н. А. Монтеверде. Ботанический атлас. СПб., 1906, стр. 204, табл. 67, 2.

¹¹ Э. Р. Штерн. Указ. соч., стр. 52, табл. II, 2.

¹² «Варна. Археологический музей». София, 1965, стр. 135, рис. 48.

¹³ Э. Р. Штерн. Указ. соч., стр. 50, рис. 1.

¹⁴ Б. Г. Петерс. Отчет об археологических раскопках городища у с. Михайловка в 1963 г. Архив ИА АН СССР, р—I, № 2829, стр. 12, рис. 84. Автор глубоко благодарен Б. Г. Петерсу за любезное разрешение опубликовать находку из его раскопок.

¹⁵ Херсонесский археологический музей, инв. № 23948.

На большем из обломков сохранились два горизонтальных желобка, ни же — орнамент из ов, под которым расположены верхняя часть дубового листа и желудь (рис. 25, 1). Сравнение фрагмента с описываемым канфаром позволяет сказать, что для изготовления сосуда, от которого сохранились лишь два куска, использовалась форма, очень близкая форме, в которой был сделан описываемый сосуд. Говорить о единой форме нельзя, так как расстояние между овами и дубовым листом на сосудах различно.

Найденные в Керчи и Ольвии глазурованные кубки датируются I в. до н. э. — I в. н. э.¹⁶ Так же датируется и слой, в котором был найден фрагмент из раскопок у с. Михайловка¹⁷. Описываемый поливной канфар был найден в комплексе с краснолаковыми мисками, амфорами светлой и коричневой глины и другими сосудами, датируемыми рубежом нашей эры¹⁸.

Центрами производства канфаров этого типа считаются греческие города Малой Азии¹⁹, в частности Пергам. Ф. Курби отмечает, что сосуды с характерными кольцеобразными ручками, с завитком снизу, напоминающим своей формой язычок, производятся только в Пергаме²⁰. В пользу пергамского происхождения публикуемого сосуда говорит и использование пергамскими мастерами в рельефном орнаменте листьев дуба и желудей на керамике без глазури²¹.

Находка поливного канфара на Южно-Донузлавском городище дополняет наши сведения о пергамском импорте в Северо-Западный Крым и позволяет высказать предположение, что импорт в этот район на рубеже нашей эры шел через Херсонес.

¹⁶ Э. Р. Штерн. Указ. соч., стр. 24—25; А. Н. Шварц. Указ. соч., стр. 45.

¹⁷ Б. Г. Петерс. Указ. соч., стр. 12.

¹⁸ О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 214.

¹⁹ В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 88.

²⁰ F. Courby. Указ. соч., стр. 525, рис. 99. Ф. Курби называет эти сосуды скифосами.

²¹ Там же, стр. 404, рис. 88, 41.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

МЕШРЕПИТАХТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Мешрепитактинский могильник является одним из весьма немногих, подвергшихся исследованию памятников кочевого населения Северной Парфии античного периода. Он расположен в Ходжакалинской долине, в 4 км восточнее сел. Чукур, на ровной террасе (деште). В нем насчитывается 12 курганов с однотипными сильно размытыми земляными насыпями. Раскопано 10 из них¹.

Курган 1 (рис. 26). Насыпь округлая, диаметром до 7,5 м, высотой до 0,4 м. Под южной половиной ее располагалась четырехугольная расширяющаяся у обоих концов яма, $2,10 \times 0,50$ (0,65) м, глубиной 2,10 м, вытянутая с севера на юг². В нижней части южной стенки ямы лаз в вытянутую с севера на юг овальную катакомбу, $2,30 \times 1,75$ м, высотой до 1,80 м; катакомбы на 0,5 м ниже дна ямы. Около лаза в яме несколько плит — очевидно, закрывавшие его.

В катакомбе три скелета — на спине в вытянутом положении, головой на юг. У западной стенки — скелет женщины; кости правой руки смещены. Посередине — скелет мужчины, лежащий почти по диагонали, частично перекрывая кости ног скелета женщины. У восточной стенки — скелет девочки: правая рука согнута, кисти на нижней части таза. Под черепом и у шейных позвонков 14 бусин (11 стеклянных, удлиненно-цилиндрических, 1 сердоликовая, каплевидная).

Курган 2. Насыпь круглая, диаметром около 6 м, высотой до 0,12 м. Под южной половиной ее четырехугольная, расширяющаяся у концов яма, $2,55 \times 0,55$ (0,65) м, глубиной 2,40 м, вытянутая с севера на юг. В нижней части южной стенки ямы лаз в вытянутую с севера на юг овальную катакомбу — $2,60 \times 2,20$ м, высотой до 1,00 м; дно катакомбы на 0,40—0,50 м ниже дна ямы. Лаз прикрыт плитой.

В катакомбе у западной стенки лежала беспорядочная груда человеческих костей; среди них череп ребенка (девочки). Южнее его — обломок плиты.

Курган 3. Насыпь почти целиком размыта: вероятно, круглая, диаметром около 6 м. Под южной половиной ее четырехугольная, расширяющаяся у концов яма, $2,10 \times 0,50$ (0,70) м, глубиной 2,40 м, вытянутая с ССВ на ЮЮЗ. В юго-западной стенке ямы лаз в вытянутую с ССВ на ЮЮЗ четырехугольную катакомбу, $2,40 \times 1,80$ м, высотой до 0,80 м. Дно катакомбы на 0,35—0,40 м ниже дна ямы.

¹ Два кургана не были исследованы, так как один имеет явные признаки ограбления, а во втором имеется мусульманское погребение, отмеченное кайраком;

² Во всех курганах вокруг ямы на уровне древнего горизонта имелось неправильное «кольцо» галечного выкида.

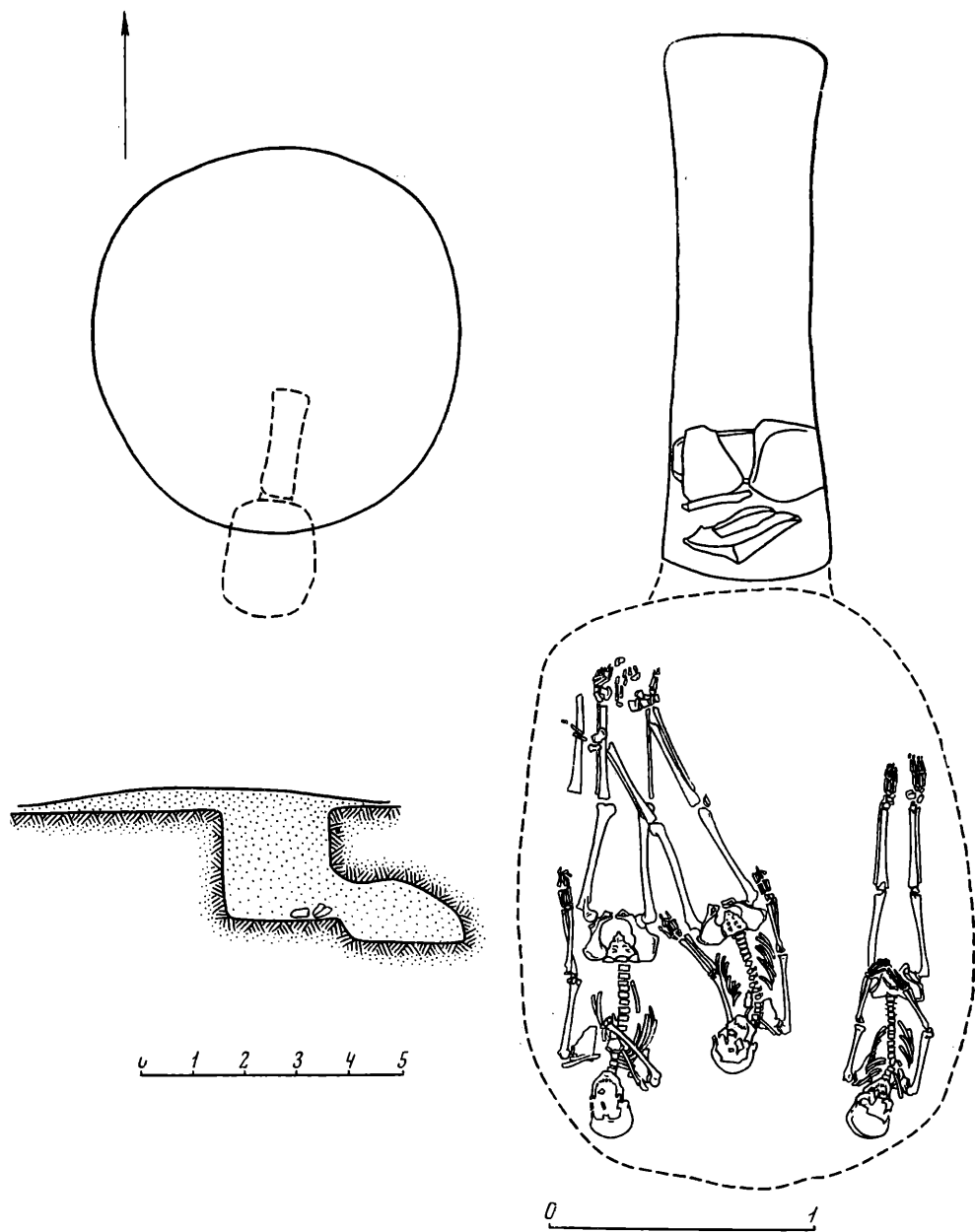

Рис. 26. Курган 1. Планы и разрез

В яме у лаза большая плита. В катакомбе у западной стенки сильно потревоженный скелет женщины: в анатомическом порядке только кости ног; череп у южной стенки. Около скелета обломок глиняного сосуда (форма не устанавливается).

Курган 4. Насыпь круглая, диаметром около 7,2 м, высотой до 0,20 м. Под южной половиной ее прямоугольная, расширяющаяся у концов яма, $2,60 \times 0,60$ (0,80) м, глубиной 2,05 м, вытянутая с ССВ на ЮЮЗ. В нижней части юго-западной стенки ямы лаз в вытянутую с ССВ на ЮЮЗ овальную катакомбу, $2,60 \times 2,10$ м, высотой до 1,0 м. Дно катакомбы на 0,50—0,60 м ниже дна ямы. В южной части ямы разбросаны плиты.

В катакомбе беспорядочное скопление костей трех (?) скелетов, в том числе детского: в южной части два черепа — мужчины и женщины. Среди костей мелкие обломки глиняной миски.

К у р г а н 5. Насыпь круглая, диаметром около 9 м, высотой до 0,25 м. Под южной половиной ее четырехугольная, расширяющаяся у концов яма, $2,00 \times 0,50$ (0,70) м, глубиной 2,40 м, вытянутая с севера на юг. Северный конец ее был перекрыт плитой. В южной стенке ямы лаз в вытянутую с севера на юг грушевидную катакомбу, $2,70 \times 2,10$ м, высотой до 1,00 м. Дно катакомбы на 0,15—0,25 м ниже дна ямы.

В яме почти полный скелет мужчины в вытянутом положении, ничком, головой на юг. Положение некоторых костей позволяет предположить, что грабители вытащили сюда еще не полностью разложившийся труп из катакомбы. В последней имеются лишь отдельные кости. У южной стенки три обломка плиты, на одном из них сажа.

К у р г а н 6. Насыпь сильно размыта, вероятно, круглая, диаметром не менее 6 м. Под южной половиной ее четырехугольная расширяющаяся у концов яма, $2,25 \times 0,50$ (0,70) м, глубиной 2,60 м, вытянутая с ССЗ на ЮЮВ. В юго-восточной стенке лаз в вытянутую с ССЗ на ЮЮВ овальную катакомбу, $2,50 \times 2,00$ м, высотой до 0,80 м. Дно катакомбы на 0,40—0,45 м ниже дна ямы.

В северной половине ямы два частично сохранивших анатомическое положение скелета в вытянутом положении, ничком. Нижний — женщины, верхний — мужчины. У обоих отсутствовали кости голеней и стоп, предплечий и кистей рук. Около черепа мужчины череп ребенка.

В катакомбе — очень мелкие обломки костей.

К у р г а н 7. Насыпь круглая, диаметром 7,5 м, высотой до 0,20 м. Под средней частью ее четырехугольная слегка расширяющаяся у концов яма, $2,00 \times 0,70$ (0,75) м и глубиной 2,00 м, вытянутая с ССВ на ЮЮЗ. В нижней части юго-западной стенки лаз в вытянутую с ССВ на ЮЮЗ овальную катакомбу, $2,20 \times 1,85$ м, высотой до 0,85 м. Дно катакомбы на 0,50—0,70 м ниже дна ямы.

В катакомбе два скелета в вытянутом положении на спине, головой на юг. У западной стенки — скелет женщины; он потревожен. В средней части — скелет мужчины.

К у р г а н 8. Насыпь круглая, диаметром до 9 м, высотой до 0,20 м. Под северной половиной ее четырехугольная, расширяющаяся у концов яма, $2,00 \times 0,55$ (0,70 м), глубиной 1,70 м, вытянутая с ССЗ на ЮЮВ. Южная часть ее перекрыта поперек тремя массивными плитами. В юго-восточной стенке ямы лаз в вытянутую с ССЗ на ЮЮВ четырехугольную катакомбу, $3,10 \times 2,75$ м, высотой до 1,50 м. Дно катакомбы на 0,70—0,80 м ниже дна ямы. В яме у западной стенки большая вертикально стоящая плита, около лаза — череп мужчины. В катакомбе около северо-восточного угла сильно потревоженный скелет женщины на спине, в вытянутом (?) положении, головой на ССЗ; левая рука согнута, кисть ее на средней части таза. Между скелетом и углом катакомбы скопление костей взрослого и ребенка.

К у р г а н 9. Насыпь округлая, диаметром до 9 м, высотой до 0,35 м. Под южной половиной ее четырехугольная, расширяющаяся у концов яма, $2,25 \times 0,75$ (1,00) м, глубиной 2,25 м, вытянутая с ССЗ на ЮЮВ. В юго-западной стенке ямы лаз в вытянутую с ССЗ на ЮЮВ катакомбу неправильной формы, $2,30 \times 2,20$ м, высотой до 0,80 м. Дно катакомбы на 0,40—0,70 м ниже дна ямы.

В яме около лаза четыре плиты, видимо, закрывавшие его, и куски деревянной палки³. В катакомбе два скопления человеческих костей. У западной стенки — в основном сильно смещенные кости ног трех скелетов,

³ Вероятно, она использовалась грабителями для отваливания плит.

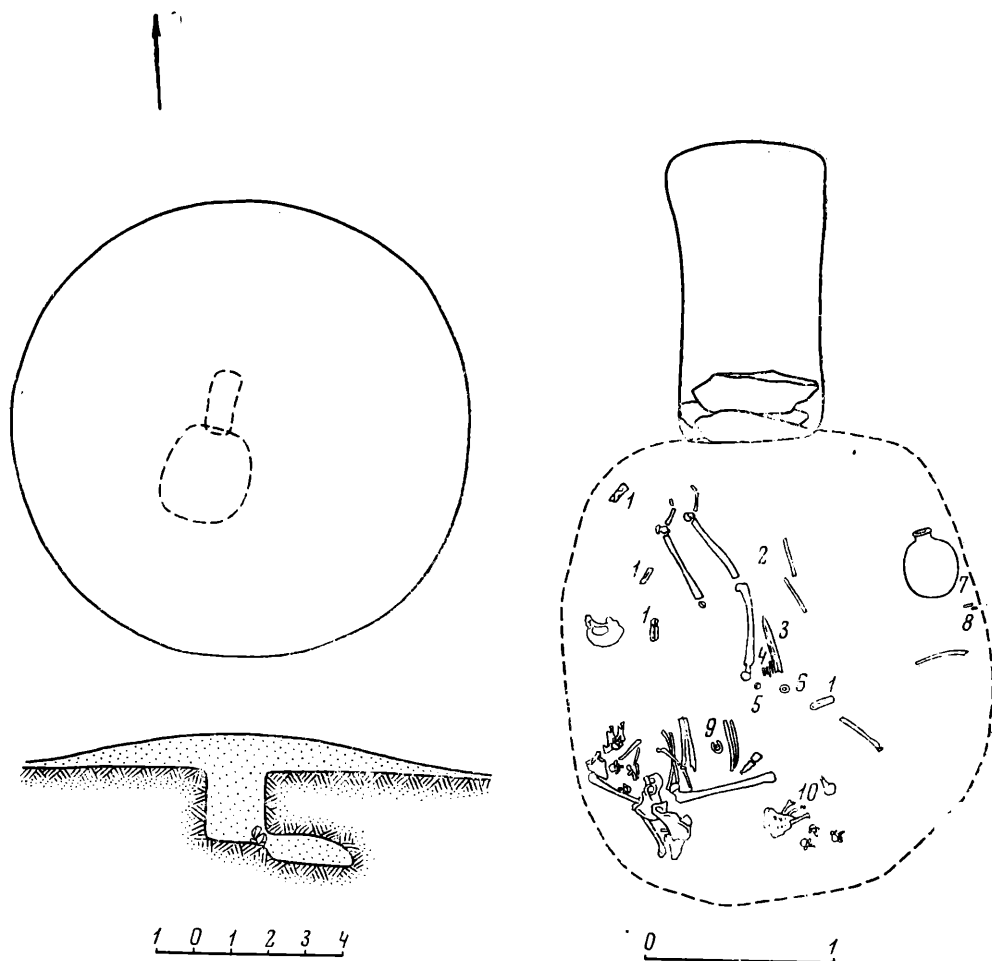

Рис. 27. Курган 10. Планы и разрез

вероятно, лежавших головой на юг; около них каменная бусина (рис. 29, 8) и обломок железной кольцевидной пряжки. Около восточной стенки — кости рук, ребра и др., в том числе три мужских черепа. Среди костей каменное пряслице (рис. 29, 6). Южнее их — обломок горловины фляги (рис. 28, 3).

Курган 10 (рис. 27). Насыпь круглая, диаметром более 12 м, высотой до 0,95 м. Под средней частью ее четырехугольная, расширяющаяся у концов яма, $1,60 \times 0,75$ (0,85) м, глубиной 2,05 м, вытянутая с ССВ на ЮЮЗ. В нижней части юго-западной стенки лаз в вытянутую с ССВ на ЮЮЗ овальную катакомбу, $2,55 \times 2,30$ м, высотой до 0,80 м. Дно катакомбы на 0,50—0,65 м ниже дна ямы. Лаз закрыт тремя плитами. Свод катакомбы в юго-западной части разрушен грабительским ходом.

В катакомбе разбросанные кости скелета мужчины; в анатомическом порядке только кости ног (в средней части катакомбы). Судя по ним, скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юг. У левой ноги и в центре катакомбы обломки длинного двулезвийного железного меча (рис. 28, 1); около правого колена пять железных трехлопастных наконечников стрел (рис. 29, 1—5). У правого бедра обломки железного кинжала с прямым перекрестьем (рис. 28, 2), каменное точило (рис. 29, 7) и две железные кольцевидные пряжки (рис. 29, 9—10). Среди костей в

юго-западной части катакомбы крупная каменная бусина (рис. 29, 11). У западной стенки — глиняная фляга (рис. 28, 4—5) и обломки железной скобочки со следами дерева (вероятно, от деревянного сосуда).

В целом могильник, судя по результатам раскопок, характеризуется явно выраженным единообразием курганов. Во всех случаях имеются: 1) округлые, низкие земляные насыпи, возможно, первоначально имевшие близкие размеры; 2) одинаковые по форме и близкие по размерам входные ямы с устойчиво повторяющейся особенностью — расширением у обоих концов; 3) овальные или близкие по форме сводчатые катакомбы, всегда вытянутые по продолжению длинной оси ямы; 4) узкие, часто сравнительно длинные лазы, ведущие из ямы в катакомбу и прикрытые снаружи плитами.

Обращают на себя внимание случаи, когда яма частично перекрыта уложенными поперек нее плитами. Весьма вероятно, что первоначально такое перекрытие имелось во всех курганах, но было снято грабителями. В таком случае можно предположить, что ямы не засыпались и тем самым облегчалась возможность последующих захоронений.

Обряд погребения, насколько его можно проследить, также единообразен: скелеты лежат на спине, в вытянутом положении, головой на юг. Число погребенных не превышает трех, причем в четырех случаях имеется сочетание погребений мужчины, женщины и ребенка. Это дает основание предполагать, что катакомба служила для погребения членов одной семьи. Несомненная одновременность и частично также последовательность захоронения прослеживается только в кургане I, но это не дает достаточных оснований для окончательных заключений. Наблюдения над расположением скелетов (где они оказались возможны) указывают на то, что в катакомбах погребениям женщин предназначалась западная часть, мужчин — средняя, а детей — восточная.

О составе сопровождающего инвентаря приходится судить лишь по остаткам его. Это, видимо, были предметы, относящиеся к обычным для среднеазиатских кочевнических погребений античного времени категориям: посуда, оружие, предметы, связанные с одеждой, и украшения.

Датировка Мешрепитахгинского могильника затруднена малочисленностью находок и фрагментарным их состоянием. Опорой в данном случае

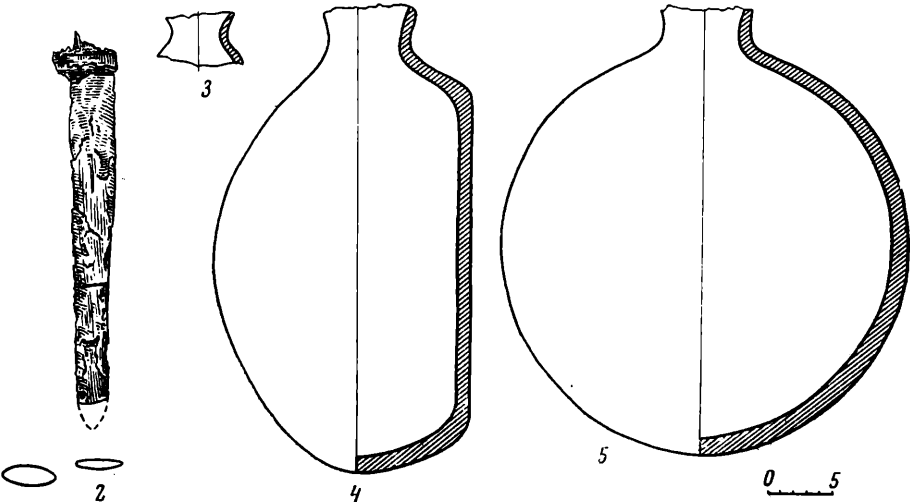

Рис. 28. Предметы вооружения и керамика
1, 2, 4, 5 — из кургана 10; 3 — из кургана 9

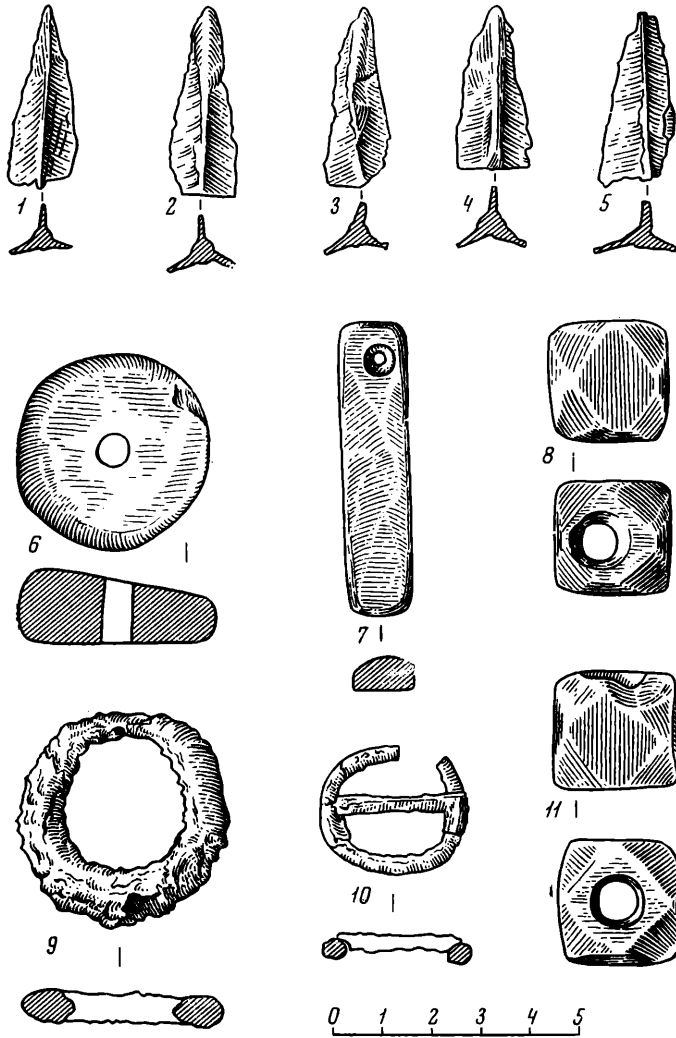

Рис. 29. Железные и каменные предметы
1—5, 7, 9—11 — из кургана 10; 6 — из кургана 9

могут служить лишь предметы вооружения: меч и кинжал с прямым перекрестьем (рукоятки не сохранились, вследствие чего неизвестно, имелись ли навершия и какова была их форма). Наличие перекрестья позволяет относить их ко времени во всяком случае ранее IV—V вв., когда бытуют мечи и кинжалы без перекрестья.

Очень важным дополнением является результат определения возраста обломков деревянного предмета из кургана 9, произведенного в лаборатории ЛОИА АН СССР: радиоуглеродная дата их 1660 ± 50 (290 н. э.)⁴. Судя по характеру предмета и условиям его находки, можно предположить, что вернее всего это соответствует времени ограбления кургана 9 (и, видимо, также всех остальных).

Ориентировочная датировка могильника, видимо, должна лежать в пределах последних веков до н. э. и первых веков н. э. Уточнение ее,

⁴ А. А. Семенцов, Е. И. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, № 1, стр. 260 (ЛЕ 716).

к сожалению, невозможно, так как большинство находок очень маловыразительно.

Что касается атрибуции этого памятника, то здесь существенное значение имеет его местоположение (так же, как и некоторых других могильников данного типа) в «глубинном» районе Северной Парфии. Сходные земляные курганы с аналогичными катакомбами были исследованы А. А. Марущенко в подгорной полосе Копет-дага⁵; известны они также у Больших Балхан. Территория распространения и топография указывают на то, что это памятники кочевой части населения, собственно, Парфии, а не их соседей. Соответственно есть основания предполагать, что Мешрепитахинский могильник принадлежит одному из племен самих парфян, сохранявших длительное время свой традиционный образ жизни.

⁵ А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. V, 1950. Следует отметить, что эти работы А. А. Марущенко были первыми в области изучения памятников кочевого населения Парфии.

Н. А. ОНАЙКО

БРОНЗОВЫЙ БЮСТ-ГИРЯ ИЗ РАСКОПОК
АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ШИРОКОЙ БАЛКЕ

В 1967 г. Новороссийский отряд Института археологии АН СССР начал раскопки античного поселения в Широкой балке в 14 км северо-западнее Новороссийска¹. Широкая балка хорошо известна в литературе в связи с находкой там еще в 1898 г. бронзовых изделий, среди которых главное место занимает бюст боспорской царицы Динамии, детально изученный и опубликованный М. И. Ростовцевым². Остальная бронза представлена фрагментами треножника, канделябра и ручкой сосуда с головой Силена³. Все эти вещи были случайно обнаружены в развалинах древней постройки при строительных работах на территории имения И. П. Кулешевича. М. И. Ростовцев высказал предположение о том, что это был небольшой греческий храм. Он установил также одновременность вещей, найденных в предполагаемом храме: они относятся к эпохе Августа. С бронзой был найден и фрагмент двустольной ручки светлоглиняной амфоры I в. до н. э.—I в. н. э.⁴ На территории этого имения тогда же были обнаружены италийская амфора II в. до н. э.—I в. н. э.⁵ и обычные для этого времени круглые ребристые бусы⁶. Они происходят, по-видимому, из разрытого при М. И. Кулешевиче могильника, расположенного неподалеку от античных развалин. Все эти, далеко не полные данные об обстоятельствах находок в Широкой балке имеются в деле Археологической комиссии за 1898 г., содержащем очень краткую переписку по этому поводу⁷. К сожалению, места находок не были доследованы и зафиксированы ни тогда, ни позднее.

В 1965 г. во время разведочных работ в районе Новороссийска нами была обследована и Широкая балка. Ее пологие, а чаще довольно крутые склоны покрыты виноградниками и зарослями крупного кустарника, в котором встречаются развалины помещичьих усадеб конца XIX в. Вдоль балки протекает небольшая горная р. Чухабль. По обоим склонам балки на протяжении 4—5 км от берега моря нами собраны обломки пифосов,

¹ Небольшие денежные средства на раскопки этого поселения были отпущены и Новороссийским историко-краеведческим музеем.

² М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст царицы и история Боспора в эпоху Августа. «Древности Московского археологического общества», т. 25. М., 1916, стр. 1, табл. I; он же. Медь Динамии и Аспурга. ИТУАК, № 54, 1918, стр. 47.

³ М. И. Ростовцев. Указ. соч., табл. IV, 1—6.

⁴ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XXVI, 61.

⁵ Там же, табл. XXVII, 63.

⁶ М. И. Ростовцев. Указ. соч.

⁷ Архив ЛОИА АН СССР, д. 250.

Рис. 30. Бронзовый бюст-гирия

а — в — бронзовый бюст-гирия от античных весов (уменьшено на $\frac{1}{3}$ от натур. вел.)

амфор, простой и краснолаковой посуды. Небольшая концентрация находок зафиксирована на землях И. П. Кулешевича и С. С. Белецкого, расположенных примерно в 1 км от моря по правому берегу реки. Керамика датируется концом IV в. до н. э.—началом IV в. н. э. Встречались обломки средневековых пифосов и простой посуды. В античных материалах доминирует керамика рубежа и первых веков нашей эры.

Раскоп 1967 г. мы разбили между виноградниками И. П. Кулешевича и С. С. Белецкого, где, по словам внука последнего ленинградского геолога Н. В. Попова, был найден бюст Динамии. Он помнит, как в его детские годы там стоял «курган» из больших камней, названный местными жителями «Владением царицы Динамии». Сообщение Н. В. Попова совпадает с упоминанием этого «кургана» в архивных записках работавшего в Новороссийске в 20—30-х годах краеведа Г. Ф. Чайковского⁸. Как видим, еще через много лет после находки бронзы можно было без труда найти развалины построек и доследовать их. В настоящее время от этого «кургана» ничего не осталось: его камни были разобраны и, возможно, увезены на строительство в ближайшие районы. Указанная Н. В. Поповым территория расположения так называемого кургана представляет довольно высокий холм, изрытый траншеями и блиндажами военного времени. На его поверхности, покрытой кустарником, встречается много беспорядочно разбросанного, а иногда и сосредоточенного в большом количестве рваного серого песчаника местного происхождения. Здесь же находятся развалины помещицких домов, поэтому очень трудно определить местоположение древних развалин, особенно после того как здесь произошло перемещение камней в связи с укреплением военных позиций. Все же раскопанный нами участок показал, что здесь находились постройки времени Динамии. Открыты остатки каменных стен двух строительных периодов рубежа нашей эры. Судя по находкам в этих помещениях (хозяйственные загородки, много битых пифосов, амфор, посуды), они имели, по-ви-

⁸ Научный архив Новороссийского историко-краеведческого музея, № НМ-771, 1412.

8

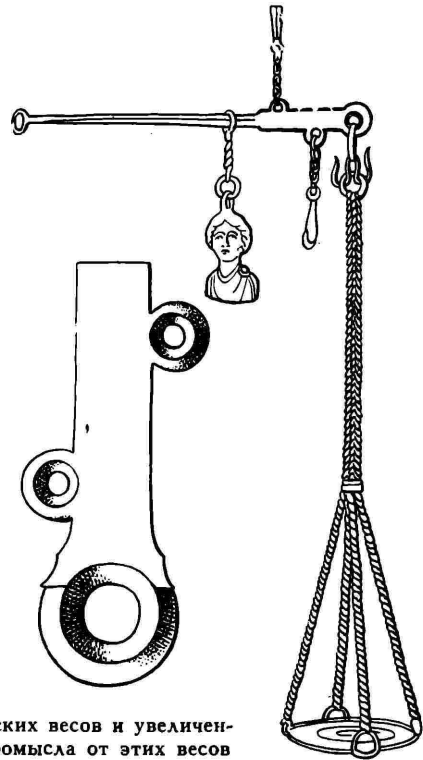

Рис. 31. Образец римских весов и увеличенный правый конец коромысла от этих весов

димому, хозяйственное назначение. Здания обоих строительных периодов погибли в результате каких-то больших катастроф, сопровождавшихся пожаром⁹. Из металлических вещей, обнаруженных над развалинами этих помещений, особого внимания заслуживает бронзовая гири в виде женского погрудного изображения, напоминающего скорее верхнюю часть герма, чем бюст (рис. 30, а, б; рис. 31). Подобные фигурные гири служили передвижным грузом для римских неравноплечих одночашковых весов¹⁰. Высота публикуемой гири 9,5 см, площадь основания бюста равна 7×4,8 см. Первоначальная форма гири была нарушена еще в древности: на голове бюста срезано ушко, с помощью которого гири подвешивалась к весам, а в горло бюста вбит обломок прямоугольного в сечении (1,5×1 см) бронзового стержня. Стержень прошел сквозь бюст и, частично вытеснив наружу свинцовое ядро гири, вышел со стороны спины. Этот его конец тогда же был срезан до круглых очертаний и закреплен металлическим жгутом, образовавшим незамкнутое кольцо. В результате ввода стержня в бюст последний дал довольно большую трещину на спине и в основании. Прослеживаемая в этих местах толщина бронзовой оболочки бюста равна 2—3 мм. Длина выступающей части стержня 5 см, общая длина его 9 см. На верхней плоскости стержня имеется неподвижное кольцо. Другое кольцо, расположенное в 2 см от первого, на противоположной стороне стержня, сохранилось неполностью; часть этого кольца упирается в грудь бюста. Описанный кусок стержня представляет часть коромысла весов (рис. 31); он обведен жирной линией и отдельно увеличен. Это расширенный конец коромысла, снабженный тремя кольцами. К крайнему из них прикреплялась чаша весов; к следующему кольцу подвешивался дополнительный крючок, и, наконец, третье кольцо, расположенное на противо-

⁹ Н. А. Онайко. Раскопки поселения в Широкой балке. АО 1967 г. М., 1968, стр. 82.

¹⁰ Carl Blümlein. Bilder aus dem Bömisch-Cermanischen Kulturleben. München — Berlin, 1926, стр. 92, рис. 290.

Шифр лаборатории	Наименование предмета шифр или инвентарный номер	Cu	Sn	Pb	Zn
7412	Бюст женщины (тулово)	Осн.	5,0	2,5	0,005
7413	» » (стержень)	»	4,0	2,0	0,02
7414	» » (проволочка стержня)	»	0,25	0,03	—
7415	» » (верхняя оболочка)	Есть	Есть	Осв.	—
7416	» » (внутренняя начинка-болванка)	1,0	Много	»	—

ложной стороне стержня, держало ручку весов. Подобная часть стержня в помпейских весах из Неаполитанского музея составляла треть коромысла весов¹¹. Судя по составу бронзы, бюст-гиря из Широкой балки и вбитый в него обломок стержня составляли разные части одних и тех же весов, поскольку они состоят из свинцово-оловянной бронзы с родственной характеристикой (см. результаты спектрального анализа). Жгут, которым закреплен задний конец стержня, изготовлен из меди, однако набор примесей ко всем трем отмеченным деталям также указывает на их единое происхождение. Ядро бюста изготовлено из обычного свинца, служившего болванкой для отливки фигурных изображений и увеличения тяжести гири. На выступающем из горла бюста конце стержня хорошо видны следы облома, позволяющие судить о ромбовидной в сечении форме остальной части коромысел весов, по которой ходил контргруз-гиря в виде женского изображения. Общий вес гири в настоящем виде 1,110 г. Если отбросить вес вбитого в бюст стержня и жгута — примерно 145 г — и учесть потери веса гири, что составит не более 60 г (срезанное на голове бюста ушко, частично вырезанная бронзовая оболочка для введения в бюст стержня и какое-то количество потерянного при этом свинца от ядра бюста), то первоначальный вес гири мог иметь три римских либра-фунта по 327,45 г¹². В основе веса многих бронзовых фигурных гирь, в том числе и хранящихся в коллекциях наших музеев, также лежит римский либр-фунт, который имел хождение до IV в. н. э. включительно. В Причерноморье, как и в других областях древнего мира, римская весовая система была официально принята уже во второй половине I в. до н. э., хотя в первые века здесь еще применялись и старые греческие нормативы¹³.

Если не считать повреждений, нанесенных бюсту из Широкой балки последующими к нему добавлениями, то можно отметить в общем хорошую его сохранность. Бюст изготовлен по восковой модели, доработке чеканом подверглись волосы, лицо и костюм. Глазное яблоко посеребренное, зрачки были инкрустированы. Бюст отличается довольно тщательной моделировкой и представляет художественное произведение мелкой пластики. Среди самых различных форм фигурных гирь от римских весов гири в виде бюстов обрабатывались наиболее тщательно, особенно если они изображали императоров, членов их семейств или какое-нибудь божество. Изображение молодой женщины передано с повернутой влево головой. Овал лица округлый со слегка заостренным подбородком, губы припухлые, лоб низкий, переходящий в прямую переносицу, глаза широко

¹¹ Л. И. Чустова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. АИБ, II. Симферополь, 1952, табл. 69, 31.

¹² RE, XIII, 116.

¹³ Л. И. Чустова. Указ. соч., стр. 140.

Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
0,001	0,01	0,06	0,015	0,04	0,007	—	0,01	0,001	—
0,002	0,015	0,07	0,05	0,1	0,009	0,003	0,01	0,001	—
0,001	0,02	0,03	0,3	0,06	0,025	0,001	0,01	0,001	—
Есть	Есть	Есть	—	Есть	—	Есть	Есть	—	—
»	»	»	?	»	—	»	»	Мало	—

раскрыты, высоко поставленные зрачки расположены у чуть опущенных верхних век. Ушные мочки слегка намечены; спускающиеся перед ними с висков короткие завитки волос моделированы более тщательно. Женщина одета в легкую тунику, скрепленную на плечах круглыми фибулами. Драпировка туники на спине лишь слегка обозначена, спереди передана более подробно: мягкие короткие складки вдоль опущенных книзу рук и округлые частично пересекающиеся на груди. Форма небольшого бюста, включающего верхнюю часть груди, обобщенные черты лица со строгой прической, напоминающей прически Ливии и ее современниц¹⁴, наконец, в целом идеализированный тип молодой женщины, подражающий греческим классическим образцам,— все свидетельствует о том, что публикуемая гиря была изготовлена в конце I в. до н. э. или в первые десятилетия I в. н. э., когда в римском искусстве господствовал так называемый августовский классицизм, нашедший отражение и в произведениях художественного ремесла. Позднее в портретном искусстве зарождается новый стиль, характеризующийся пышным, живописным исполнением женских изображений с меньшей пластической обобщенностью в трактовке лиц и вычурными прическами. Судя по наличию италийских гирь и других изделий в Северном Причерноморье, возможно, что и гиря из Широкой балки принадлежит этому центру. Тем более, что состав ее бронзы очень близок к бронзе широко распространенной на нашей территории италийской посуды¹⁵. Эта гиря является первой документальной находкой подобного рода в Северном Причерноморье (хранящиеся в наших музеях фигурные гири принадлежат к случайным приобретениям), хотя простые свинцовые гири и отдельные части от античных весов засвидетельствованы в находках неоднократно¹⁶.

¹⁴ K. Kluge. Die Antike Grossbronzen, т. II. Berlin, 1927, стр. 21, рис. 2; а также стр. 103, рис. 1; стр. 106, рис. 1; Anton Hekler. Die Bildmiskunst der Griechen und Römer, табл. 203; табл. 208 а, б; табл. 209.

¹⁵ Например, к бронзовой посуде, найденной в погребении начала нашей эры в Львовской области, о чем сообщил нам Е. М. Черных («Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области». СА, 1957, № 1, стр. 239, табл. I, 1—5). Библиографию о находках италийской посуды в Северном Причерноморье см.: Д. Б. Шелов. Италийские и западногерманские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. «Acta archaeologica hungarica», XVII, 1965, стр. 251.

¹⁶ Л. И. Чуистова. Указ. соч., стр. 28 сл.

М. М. КУБЛАНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЯ ИЛУРАТА

В 1947 г. археологический отряд Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена под руководством автора статьи проводил разведки и раскопки в районе дер. Ивановки, в 18 км к юго-западу от Керчи. Этими работами было положено начало раскопок Илурата и его некрополя. В последующие годы В. Ф. Гайдукевич главным образом копал территорию города. Некрополь изучался менее систематически. В 1968 г. археологический отряд Музея истории религии и атеизма (под руководством автора статьи), входящий в состав Боспорской экспедиции Института археологии АН СССР, возобновил эти работы.

Первое упоминание об исследуемом некрополе содержится в описании городища Кермеш-Келечик, сделанном Дюбрюксом в конце 20-х годов XIX в. Он отмечает, что «могилы высечены горизонтально в скалах» и представляют собой своего рода гроты. Местоположение могильника по отношению к городищу и расстояния, указанные Дюбрюксом, верны. Действительно, примерно в 700 м к ЮЮВ от Илурата (с правой стороны верховьев балки, впадающей в ручей) находится несколько камер, вырубленных в скале и заплывших частично землей.

Раскопки одной из таких камер (5-Н, см. рис. 32), предпринятые нами в 1947 г., дали материалы для характеристики некрополя¹. Камера (будем условно именовать их катакомбами) была вырублена в скальном массиве. Площадь ее около 9 кв. м, высота 1,80 м. Углы стен и переход от стен к потолку округлены. Внутри по стенам — три лежанки. Длинный, более 3 м, открытый дромос, вырубленный в скале, завершался у входа двумя ступенями. Вход ориентирован на запад. Погребения в камере оказались ограбленными; кости валялись на полу. Среди находок — обломки лепного сосуда, тонкостенного стеклянного сосуда, римской краснолаковой тарелочки, обломки железного меча, несколько бус, значительный обрывок золотой фольги. В дромосе сохранилось нетронутое захоронение лошади с пробойной на черепе без инвентаря. Найденный материал позволил датировать эту катакомбу первыми веками н. э.

Разведками 1947 г. были выявлены некоторые новые участки некрополя, неизвестные Дюбрюксу, и новые типы погребальных сооружений.

В 350 м к северу от района катакомб, с левой стороны той же балки, был открыт каменный склеп с дромосом (1-Н), сложенные насухо из больших хорошо отесанных и подогнанных друг к другу блоков из известняка. Камера в плане близка к квадрату; ее площадь около 4,5 кв. м.

¹ М. М. Кубланов. Археологические изыскания в районе дер. Ивановки (Керченский полуостров) в 1947 г. Предварительный отчет. «Уч. зап. Педагогического института им. А. И. Герцена», т. 68, стр. 27—51.

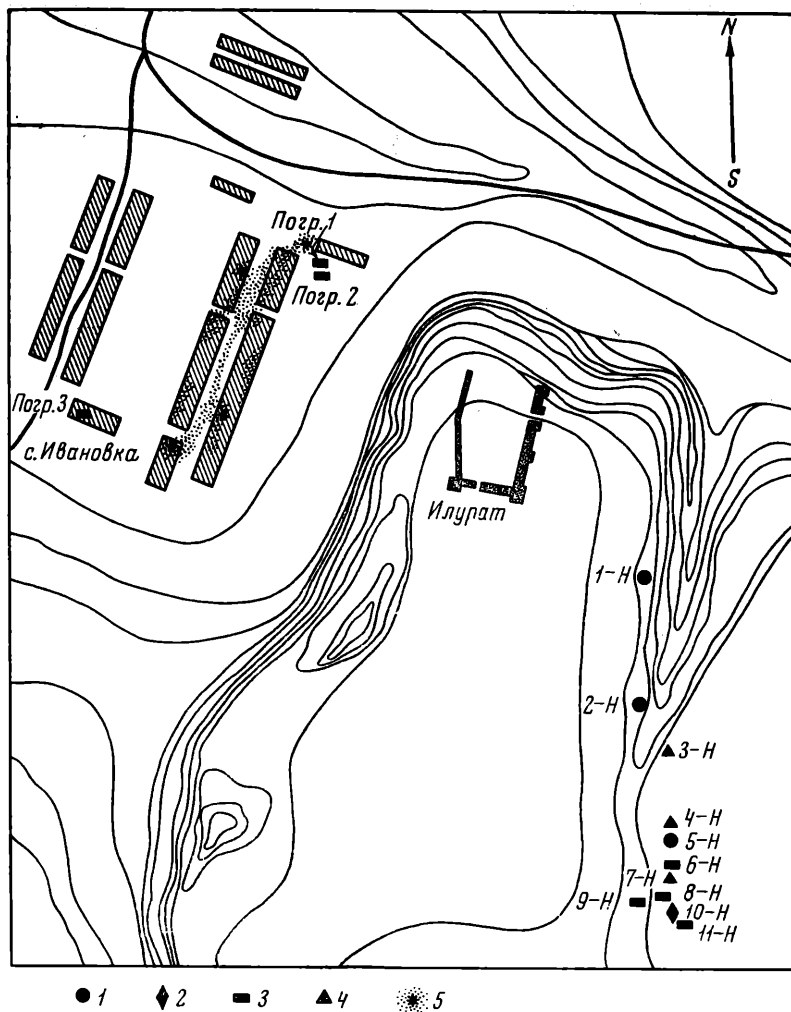

Рис. 32. Схематический план некрополя Илурата

1 — раскопки 1947 г.; 2 — раскопки 1950 г.; 3 — раскопки 1968 г.; 4 — нераскопанные памятники;
5 — погребения, разрушенные при строительных работах

Длина дромоса 2,3 м. В западной стене — квадратная ниша. Пол земляной. Свод не сохранился, но представление о нем дает кривизна сохранившегося верхнего ряда кладки стен. Склеп оказался разграбленным. Единичные фрагменты керамики (обломок краснолаковой чашечки с пальметкой, венчик другой чашки) могут быть датированы I в. н. э. Вход ориентирован на юг.

В том же году, в 200 м к югу от склепа 1-Н (по ту же сторону балки) был обнаружен частично разрушенный каменный ящик (2-Н), залегавший совсем близко от поверхности. Его стенки составляли хорошо обработанные цельные плиты. На продольной северо-восточной стене длиной в 2,20 м имеется неглубокая овальная ниша. Площадь этого сооружения более 2 кв. м, высота 1,25 м. Погребение разграблено. Среди находок — несколько фрагментов лепных сосудов, горлышко небольшой узкогорлой амфоры, венчики краснолаковых чашек. Ориентирован ящик с юго-востока на северо-запад.

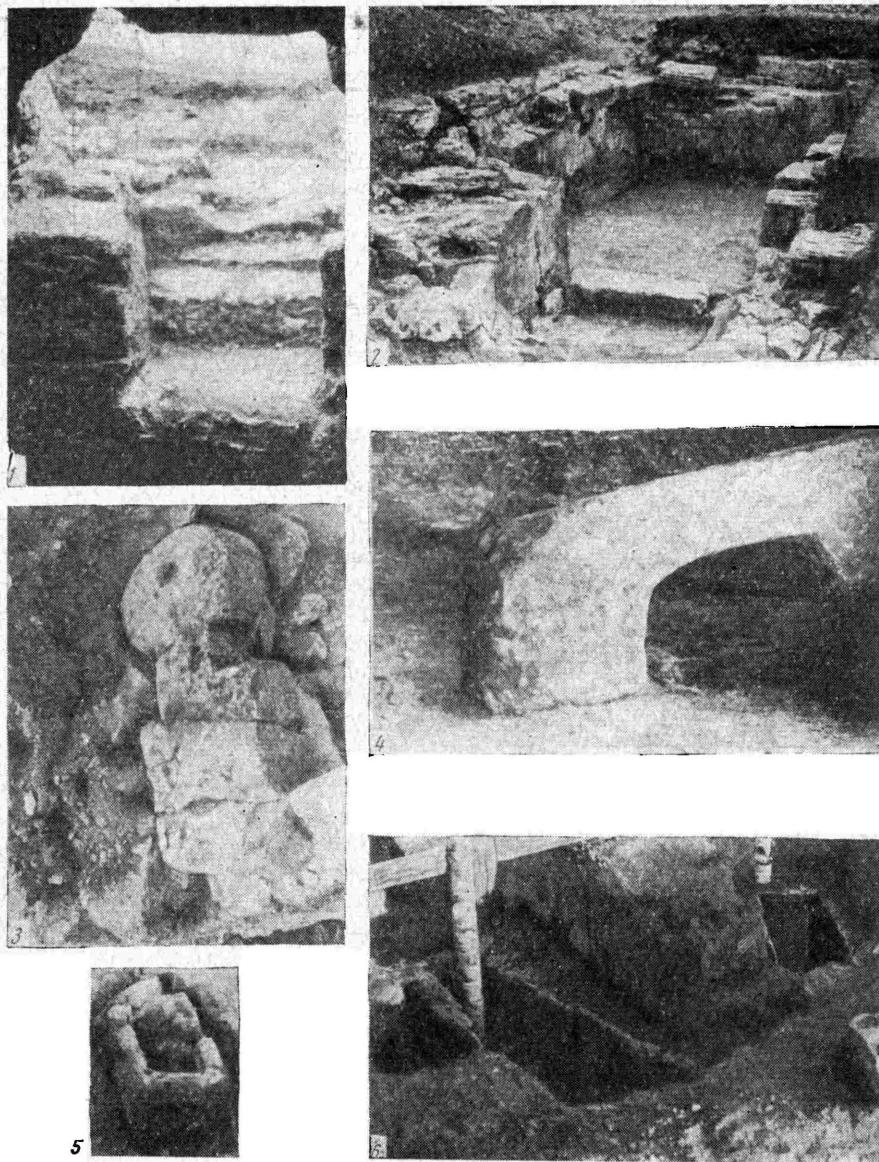

Рис. 33. Погребальные сооружения некрополя Илурата

1 — катакомба 6-Н. Вид на дромос; 2 — склеп 11-Н; 3 — антропоморфная стела в верхнем ряду кладки юго-восточной башни Илурата; 4 — культовый столик из катакомбы 9-Н; 5 — детский саркофаг из погребения 3. Ивановка; 6 — плитовые могилы 1, 2. Ивановка

В 1950 г. В. Ф. Гайдукевич раскопал в районе катакомб небольшую вырубленную в скале камеру² с открытым дромосом (10-Н). Площадь камеры 2,5 кв. м, высота 1,20 м. Длина дромоса 1,65 м. Углы стен и переход от стен к потолку грубо округлены. На углах юго-западной стены камеры — две небрежно вырубленные ниши. Лежанок нет. На полу — остатки детского костяка и незначительные обломки керамики II—III вв.

² В. Ф. Гайдукевич. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. МИА, № 85, стр. 140.

н. э. Вход закрывался закладной плитой. Ориентирован он на юго-запад.

Таковы сведения о некрополе Илурата, имевшиеся к началу работ 1968 г. В этом году отряд Музея истории религии и атеизма вскрыл еще четыре катакомбы.

Катакомба 6-Н. Она расположена рядом с катакомбой 1947 г. в 7 м к югу от нее. Вход в камеру издавна открыт. Во время Великой Отечественной войны она использовалась в качестве жилья, что обусловило нарушение стратиграфии.

Камера представляет большое помещение, вырубленное в скальном массиве и имеющее в плане форму, близкую к квадрату. Площадь ее 10,5 кв. м, высота 2 м. Стены (особенно южная) сравнительно плавно переходят в свод. В отличие от соседней катакомбы (5-Н) здесь нет лежанок. Пол камеры на 0,6 м ниже уровня входа, который в свою очередь расположен на 0,8 м ниже верхней площадки дромоса, которая, можно думать, более или менее соответствовала уровню дневной поверхности во времена строительства катакомбы. Сейчас этот уровень повысился на 0,6—1,0 м.

Особенностью западной стенки камеры (через которую прорублен вход) является то, что она на 0,7 м ниже уровня свода (рис. 33, 1). Кроме того, в самом скальном своде над входом сделана глубокая выемка. В результате этого, хотя вход в нижней части закрывался закладной плитой (точно соответствующей проему), камера в верхней части оставалась, по-видимому, открытой.

Специфические черты отличают и дромос. В нем нет захоронения лошади, что, по-видимому, и предопределило его устройство. Дромос здесь состоит из двух площадок, расположенных на разных уровнях: нижней — перед входом длиной в 1,15 м и верхней длиной в 2 м. Между собой площадки соединены ступенькой, вырубленной в скале. Верхняя площадка имеет еще и невысокое скальное ограждение, каменный бордюр, в некоторых местах дополненный отдельными блоками известняка. За верхней площадкой оказалась засыпь мелкого чистого щебня, в которой близ юго-западного угла площадки найдены обломки амфоры. Общая длина дромоса 3,5 м. Интересен своеобразный очаг в дромосе, образованный юго-западным углом ступени и пристроенными двумя стенками из мелкого камня и глины. Однако этот очажок (доверху заполненный чистой золой) явно не вписывается в начальную конструкцию дромоса и сооружен позднее, но разница во времени вряд ли была значительной, поскольку рельеф местности (как это видно по раскопанным здесь ранее дромосам) способствует их сравнительно быстрому занесению землей.

Находки немногочисленны. Среди них фрагмент горла и ручек амфоры (рис. 34,1), фрагмент большого красноглиняного кувшина (рис. 34,2), обломки амфорных стенок с желобками, днища поздне римских амфор, обломки лепных сосудов, венчики краснолаковых римских чашек. Эти материалы в совокупности дают основание для датировки катакомбы II—III вв. н. э. Подобраны здесь также и кости людей и животных.

Из находок следует выделить стенку амфоры, покрытую желтым ангобом и украшенную двумя поясами с мелким рифлением (рис. 34,3); амфора относится к VIII—X вв. н. э.; она свидетельствует, что в это время камера была открыта и посещалась.

Катакомба 9-Н. Она расположена к ЮЮЗ от описанной выше, по ту же сторону балки. К моменту раскопок она была заполнена землей. Расслаивающийся песчаник, в котором она вырублена, неоднократно обваливался, в результате чего на разных уровнях встречено множество отслоившихся от потолка больших и малых плит. Камера в плане имеет конфигурацию широкого овала. Площадь ее около 5,5 кв. м. Современная высота 1,5—1,7 м. Вход огражден невысоким порогом. Ориентирован на запад. Костяные остатки сильно истлели, но все же можно за-

метить, что здесь было не одно погребение. Возможно также, что при последующих погребениях старые нарушались; так, человеческие кости оказались засунутыми в естественные ниши и щели в стенах камеры. Представляет интерес находка на полу лошадиной челюсти. Интересен также своеобразный каменный столик, приставленный к южной стене (рис. 33, 4). Он, видимо, принесен сюда из разрушенной постройки, где первоначально служил для перекрытия дверного или оконного проема. В катаcombe же он приобрел какое-то культовое назначение.

Дромос отличается примитивностью конструкции. Это открытая, овальная в плане яма, частично выкопанная в смешанном здесь грунте, частично вырубленная. Длина ее около 2 м. Никаких находок здесь не оказалось.

В камере же найдены горлышко красноглиняного кувшинчика с горизонтальными кольцевыми желобками (рис. 34,7), стилизованная зооморфная лепная ручка (рис. 34, 4), двуствольная амфорная ручка, венчики краснолаковых римских чашек, венчик узкогорлой римской амфоры, рассыпавшаяся бусина из пасты. Погребения в камере можно датировать II—III вв. н. э.

Из этой группы существенно выделяется находка грубо вылепленного и плохо обожженного обломка стенки сосуда эпохи бронзы. Объяснить его нахождение здесь пока затруднительно.

Склеп 8-Н. Сооружение представляет собой вырубленную в скале длинную прямоугольную камеру, почти правильной геометрической формы, существенно отличающуюся от описанных катакомб. Площадь основной камеры 11 кв. м. Высота у восточной стены 1,5 м. Уплощенный, по-видимому, свод был вырублен в скале. Вход ориентирован на запад. На полу найдены разбросанные человеческие кости, зубы, обломки черепных крышек, вероятно от нескольких погребенных. Находки немногочисленны: бо-спорский сероглиняный светильник с вытянутым носиком, ребристые амфорные ручки, фрагмент буролоковой тарелки, часть серебряного перстенька (рис. 34, 5), обломок бронзовой фибулы, железный ножичек, обломки тонкостенного стеклянного сосуда, обломок фигурного сосуда из цветного стекла, черные бусы в форме бочонков (рис. 34,6). Все это дает возможность датировать склеп II—III вв. н. э.

Конструктивной загадкой является характер опор свода с северной и южной сторон камеры. В ходе раскопок здесь выявлены большие осыпи чистого щебня (отходы при вырубке камер). Под щебнем оказались горизонтальные площадки, лишь на 0,5 м приподнятые над уровнем пола. На площадках никаких следов погребений не найдено. Неясно, что поддерживало свод, если с северной и южной сторон он не имел скальных опор, неясно также, каково назначение самих площадок.

Другой загадкой оказалась находка в северо-западном углу раскопа, в земляном борту, на 0,5 м выше уровня площадки, стеклянного бальзама-рия (рис. 34,8) и краснолаковой чаши (рис. 34,9), лежавших друг на друге. и, по-видимому, не имеющих отношения к склепу. Раскопки на этом участке должны быть продолжены.

Склеп 11-Н. Это самый значительный из раскопанных в 1968 г. памятников илуратского некрополя. Склеп состоит из широкой прямоугольной камеры площадью около 10 кв. м. Максимальная сохранившаяся высота стены 1,52 м. Специфика его архитектуры состоит в том, что здесь как бы синтезированы техника строительства усыпальниц, целиком (вместе со сводом) вырубленных в скале, с техникой кладки склепов. До определенной высоты стены склепа, как и других сооружений илуратского некрополя, вырублены в скальном массиве. На этом основании возведен из крупных блоков свод, кривизна которого благодаря сохранившемуся первому ряду кладки может быть вычислена (рис. 33,2).

Рис. 34. Вещи из некрополя Илурата

1 — фрагмент амфоры. Катакомба 6-Н; 2 — фрагмент красноглазненного кувшина. Катакомба 6-Н; 3 — стенки амфоры VIII—IX вв. Катакомба 6-Н; 4 — ручка лепного сосуди. Катакомба 9-Н; 5 — фрагмент серебряного перстенька. Склеп 8-Н; 6 — бусы. Склеп 8-Н; 7 — горлышко красноглазненного кувшинчика. Катакомба 9-Н; 8 — стеклянный бальзамарий. У склепа 8-Н; 9 — краснолаковая чашка. У склепа 8-Н; 10 — горлышко амфоры. Склеп 11-Н; 11 — венчик красноглазненного кувшинчика. Склеп 11-Н; 12 — золотая подвеска. Склеп 11-Н; 13 — набор бус, Погребение 1. Ивановка

За камерой следует вырубной дромос длиной в 1,90 м; возможно, он был открытым. На полу между ним и камерой сохранилась большая (длина 1,45 м, ширина 0,4 м) плита, профилировка которой дает возможность реконструировать вход в камеру. Ориентирован вход на запад.

В непосредственной близости к данному склепу (на расстоянии около 1,5 м) расположена катакомба 10-Н, раскопанная в 1950 г. В. Ф. Гайдукевичем. Взаимоположение этих усыпальниц наводит на мысль, что строитель склепа знал о существовании катакомбы и несколько сдвинул свой дромос, чтобы не задеть ее. Если наши наблюдения верны, они могут послужить указанием на относительную хронологию: катакомба 10-Н оказалась бы старше склепа 11-Н.

Существенной особенностью раскопанного памятника является штукатурка стен и роспись, разрушенные, к сожалению, атмосферной влагой и корнями растений. Однако в осыпи, у основания юго-восточной стены удалось обнаружить несколько кусочков штукатурки с полихромной росписью красно-оранжевого, желтовато-охристого и зеленовато-синего цвета.

Склеп начисто ограблен. Свод упал. Обвалившиеся блоки довершили разрушение погребений — непосредственно под ними найдены раздавленные черепные крышки. Кости разбросаны по всему пространству. В дромосе обнаружено скопление костей лошади. Среди находок обломок узкогорлой римской амфоры (рис. 34, 10), реберчатые амфорные ручки, венчики краснолаковых римских чашек, фрагмент небольшого краснолакового кубка, плоскодонный лепной горшочек, обломки буролаковой чашечки, лощеного сосуда, красноглиняного кувшинчика (рис. 34, 11), толстостенного стеклянного флакончика, тонкостенного стеклянного сосуда, железного ножа, серебряной (?) накладки от шкатулки, наконец, золотая подвеска, инкрустированная светло-зеленой пастой (рис. 34, 12), являвшаяся, видимо, частью ожерелья. Архитектура, роспись, остатки погребального инвентаря в известной мере обрисовывают социальный облик владельцев этого склепа. Они, несомненно, относились к верхушечным слоям илуратского общества.

К северо-западу от Илурата за глубоким руслом ручья расположена дер. Ивановка, стоящая непосредственно на древнем могильнике, что уже отмечалось в литературе. Подворный опрос, проведенный в восточной части деревни в 1968 г., несколько конкретизирует картину. Нами зарегистрировано 18 погребений, разрытых жителями при различных работах на усадьбах. Кроме того, во время прокладки водопровода несколько лет назад в восточной части села на протяжении 150 м было разрушено много других могил. В 1968 г. здесь было раскопано три погребения.

Погребение 1. Оно расположено на северо-восточном краю дер. Ивановки. Могила плитовая. Глубина до верхнего края 0,65 м. Стены могилы сложены из больших плит известняка. Сверху перекрыты плитами, частично обрушенными. Пол земляной. Длина могилы 1,90 м, глубина 0,90 м. Особенностью погребения является непараллельность продольных стен: у изголовья ширина 0,70 м, у ног — 0,45 м. Костяк сильно разрушен и, возможно, потревожен. Ориентирован на запад. Инвентарь состоял из разбитого тонкостенного бальзамария, фрагментированной бронзовой фибулы и 17 бус: 10 — из стеклянной пасты, 2 — из сердолика и халцедона, 5 (2 в обломках) — в виде миниатюрных сидящих фигур с высокими прическами (рис. 34, 13). Изготовлены, вероятно, из пасты. Керамики нет.

Погребение 2. Расположено рядом с первым. Но отличается по ориентировке — на северо-запад и по форме — продольные и поперечные стенки параллельны. Погребение потревожено. Кости в значительной мере разрушены. Найдены здесь тонкостенная плоская стеклянная чаша в обломках, железный меч, обломки фибулы, ножа. Следует отметить, что в верхних слоях грунта найден кремневый вкладыш неолитического облика.

Погребение 3. Было разрушено при рытье ямы на противоположном юго-западном углу деревни. При расчистке здесь оказался пустой

детский грубо обработанный саркофаг из известняка. По рассказам, в нем кроме костей, находилась красноглиняная чашечка.

Таким образом, в районе Илурата выявлены два некрополя. Один — на плато, где расположен сам город. Для характеристики этого некрополя кроме перечисленных памятников следует привлечь и антропоморфную стелу, которая хорошо видна в верхнем ряду кладки юго-восточной башни Илурата (рис. 33,3). Аналогичные стелы как будто просматриваются и на других участках стены. Сюда же относится и вторично использованное в постройке Илурата надгробие второй половины II в. н. э.³ Принадлежность этого некрополя городу едва ли может вызвать сомнения. Принадлежность могильника в дер. Ивановке Илурату не столь несомненна. Естественно-географическая и фортификационная отчлененность древнего города от другого берега, а также размеры второго кладбища (в несколько раз превышающие площадь самого Илурата) не позволяют решать этот вопрос априорно. Возможно, что некрополь в дер. Ивановка принадлежал другому, существовавшему на этом берегу и еще не разведанному крупному поселению.

На данном этапе изучения некрополя — этапе накопления материала — широкие обобщения преждевременны. Однако частная систематизация отдельных наблюдений и постановка вопросов возможны. В этом отношении уже сейчас бросается в глаза ориентировка на запад большинства зафиксированных погребальных сооружений на илуратском плато. Следует отметить, что все они относятся к группе помещений, вырубленных в скальном массиве. С другой стороны, единственный пока склеп иной строительной техники — техники сухой кладки из больших притесанных плит — ориентирован на юг. Не отражают ли эти различия в архитектуре и ориентировке этнорелигиозные отличия?

Далее, своеобразным и все более отчетливо проступающим штрихом погребального обряда этого некрополя является сопутствующее захоронение лошади.

Обращает на себя внимание большая плотность застройки района катакомб. Выявленные памятники расположены в 7,5 и даже 1,5 м друг от друга (10-Н и 11-Н).

Характер и размеры погребальных сооружений этого района выдвигают ряд более общих вопросов как относительно социального положения владельцев катакомб и склепов, так и в отношении уровня развития здесь своеобразного строительного мастерства.

³ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 90.

В. Н. КОРПУСОВА

НЕКРОПОЛЬ У С. ЗОЛОТОЕ

В 1969 г. автором исследовался некрополь боспорского сельского поселения у с. Золотое Ленинского района Крымской области¹, открытый И. Т. Кругликовой в 1953 г. во время разведочных работ². Некрополь расположен за пределами поселения, на соседнем юго-западном холме, спускающемся к Азовскому морю. Холм имеет две задернованные террасы, из которых верхняя никогда не распаивалась, но юго-восточная часть ее потревожена глинищами, а нижняя — до недавнего времени была занята под огороды. По словам старожилов, на огородах обнаруживались могилы, в основном детские, обложенные каменными плитами.

Нами исследовалась верхняя терраса. Было заложено два раскопа — на северо-восточной и западной ее окраине. На вскрытой площади в 190 кв. м обнаружено 33 погребения двух хронологических групп. I группа относится к I в. до н. э. — II—III вв. н. э., II группа — к раннехристианскому времени. Кроме того, некоторые могилы условно выделяются в III группу, датировка которой пока еще неясна.

На обоих раскопах имеются погребения всех групп. В двух случаях погребения I группы перекрывались погребениями II группы.

I группа представлена 14 погребениями в земляных ямах и одним погребением в земляном склепе. Земляные ямы вырыты в материке, в плане имеют узкую четырехугольную форму; перекрыты каменными плитами, за исключением одного погребения. Размеры ям: длина от 0,9 до 2,4 м, ширина 0,22—0,5 м, глубина 0,7—1,66 м. Земляной склеп имеет входную яму размерами 1,55×0,9×1,9 м, к югу от которой находится погребальная камера (1,9×0,95×2,2 м). Входное отверстие в камеру было закрыто каменной плитой. Все погребенные в могилах I группы лежали на спине, с протянутыми вдоль туловища руками. Ноги вытянуты, в трех случаях — перекрещены в голенях. Преобладает северо-восточная ориентировка погребенных, встречено по одному погребению с восточной и западной ориентировкой. В двух могилах погребенные лежали головами на юго-восток, в двух других — на север.

Большинство могил использовалось в качестве семейных усыпальниц: в одной могиле находилось от одного до четырех погребенных. Умерших хоронили без гробов. Дно некоторых могил (29, 31) было обильно посыпано морскими ракушками (слой ракушек до 10 см). В большинстве погребений в засыпке найдено небольшое количество ракушек, вероятно, символи-

¹ Раскопки проводились отрядом ИА АН УССР (начальник В. Н. Корпусова, чертежник-фотограф Р. С. Орлов) в составе Анапско-Керченской экспедиции ИА АН СССР (начальник И. Т. Кругликова).

² И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 245, рис. 6, 1.

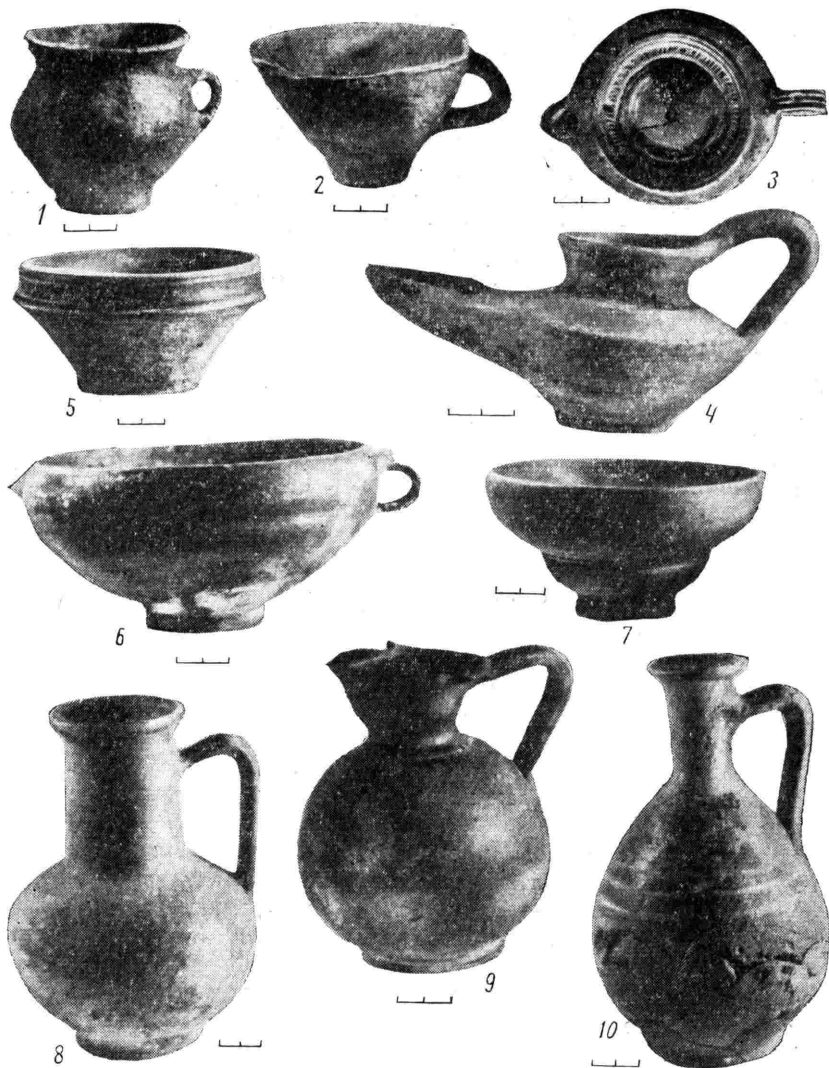

Рис. 35. Сосуды из погребений у с. Золотое

1 и 2 — лепные кружки (погребения 9 и 20); 3 и 4 — красноглиняные светильники (погребения 3 и 14); 5 и 7 — краснолаковые чашки (погребения 15 и 19); 6 — краснолаковая миска (погребение 3); 8 — красноглиняный кувшин (погребение 20); 9 — краснолаковая ойнохоя (погребение 30); 10 — краснолаковый кувшин с росписью белой краской (погребение 3)

зирующих эту же подсыпку. В единичных случаях на дне могил прослежена подсыпка золистого характера (14) и растительная подстилка (15).

В засыпке погребений встречались древесные угольки, кусочки мела, румяна. Особо следует отметить наличие на дне могил пяти детских захоронений, обгоревших зерен злаков, встречающихся в погребениях впервые. Остатки напутственной пищи в виде костей крупного рогатого скота найдены в четырех могилах.

Погребальный инвентарь делится на приношения (рис. 35, 1—10) и предметы личного убора (рис. 36, 1—10). Приношения представлены глиняной посудой (кувшины в сочетании с чашками или мисками, иногда — с кружками), светильниками (в склепе 14 в светильнике сохранился обугленный фитиль, сделанный из скрученных нитей), ножами, чаще лежащими вместе с костями животных в миске, бусами (в засыпке входной ямы склепа 14).

В детском погребении 29 найдены астрагалы и пряслице из необожженной глины, очевидно, изготовленное специально для похорон.

Предметы личного убора составляют ожерелья бус, серьги, браслеты, перстни, фибулы, найденные на груди. На запястьях рук и на плечевых костях найдены бронзовые колокольчики, возможно, игравшие роль амулетов. Оберегами служили также разнообразные подвески из египетской пасты, раковины, просверленные зубы человека (рис. 36, б) и жвачных животных, которые входили в состав ожерелий из бус.

В двух погребениях обнаружены вторично использованные монеты с пробитыми отверстиями³ (рис. 36, 7). Эти подвески-монеты не играли роль «обола Харона», а служили украшениями. Совершенно отсутствует стеклянная посуда, распространенная в синхронных античных акрополях (Ново-Отрадное)⁴; нет в наборе инвентаря предметов туалета (зеркал и т. д.).

Среди глиняной посуды количественно преобладают краснолаковые сосуды (12 экз.). Они представлены привозными малоазиатскими чашечками, мисками, кувшинами (рис. 35, 5, 6, 9). Наиболее ранними являются узкогорлые кувшины с росписью белой краской (рис. 35, 10). Аналогичные им найдены в комплексах I в. до н. э.—первых десятилетий I в. н. э. в некрополях Фанагории, Тиритаки, Керчи⁵. Среди краснолаковых сосудов имеется также чашечка со сложнопрофилированными стенками (рис. 35, 7). Она является продукцией западносредиземноморских центров, довольно редко встречающейся в Северном Причерноморье. Аналогичные чашечки найдены в погребении первой половины I в. н. э. в Танаисе⁶ и в сарматском погребении Калантаевского могильника⁷. Возможно, некоторые из кувшинов происходят из местных боспорских мастерских (рис. 35, 8).

Лепные сосуды (7 экз.) представлены одноручными кувшинами, кружками, миниатюрной мисочкой. Все сосуды изготовлены из глины с большой примесью толченой ракушки, поверхность некоторых подлощена (рис. 35, 2).

Светильники боспорского производства. Одни кувшинчикового типа⁸ (рис. 35, 4), известного на Боспоре с позднеэллинистического времени до III—IV вв. н. э.⁹ Второй — со щитком и насечками по кругу с закрытым вместителем, с небольшим округлым рожком, изготовленный из тонкоотмученной глины розового цвета.

Фибулы трех типов: подвязные лучковые, пружинные с выпуклой спинной и с украшенным завитком приемником (рис. 36, 10) — все I в. н. э.¹⁰ Среди них выделяется фибула-брошь с накладным рельефным медальоном, покрытым тонкой золотой пластинкой с изображением свернувшегося в кольцо льва (рис. 36, 9). Пружинные фибулы-броши известны в античных городах и в Северном Приазовье во II в. до н. э.—I в. н. э.¹¹ Изображение на щитке является уникальным для римского времени. Сти-

³ В погребении 14 найдена монета IV в. до н. э., в погребении 25 — асс Митридата III, 39—45 гг. н. э. (см.: *А. Н. Зограф*. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XL, 9, 11 и XLVI, 6.

⁴ *Т. М. Арсеньева*. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. СА, 1963, № 1, рис. 8, стр. 198.

⁵ *А. К. Коровина*. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 131, рис. 50, 1; *В. Ф. Гайдукевич*. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 217, рис. 83, 3; *В. В. Шкопил*. Отчет об археологических раскопках в Керчи и ее окрестностях. ИАК, вып. 9, 1904, стр. 149—150, рис. 46

⁶ *Д. Б. Шелов*. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 67, табл. XXVIII, 3.

⁷ *Э. Ф. Покровська, Г. Т. Ковпаненко*. Могильник біля с. Колантаєво. «Археологія», т. XII, 1961, стр. 140, рис. 6, 2.

⁸ *О. Вальдгауер*. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 26, табл. VIII, 81, 84

⁹ *И. Б. Зеест*. Пантикалейская керамика сарматского времени. МИА, № 56, 1957, стр. 156—157.

¹⁰ Аналогии см.: *А. К. Амброс*. Фибулы Юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1-30, 1966, табл. 9, 1—5; табл. 5, 12, 13, 15—17.

¹¹ *А. К. Амброс*. Указ. соч., стр. 31.

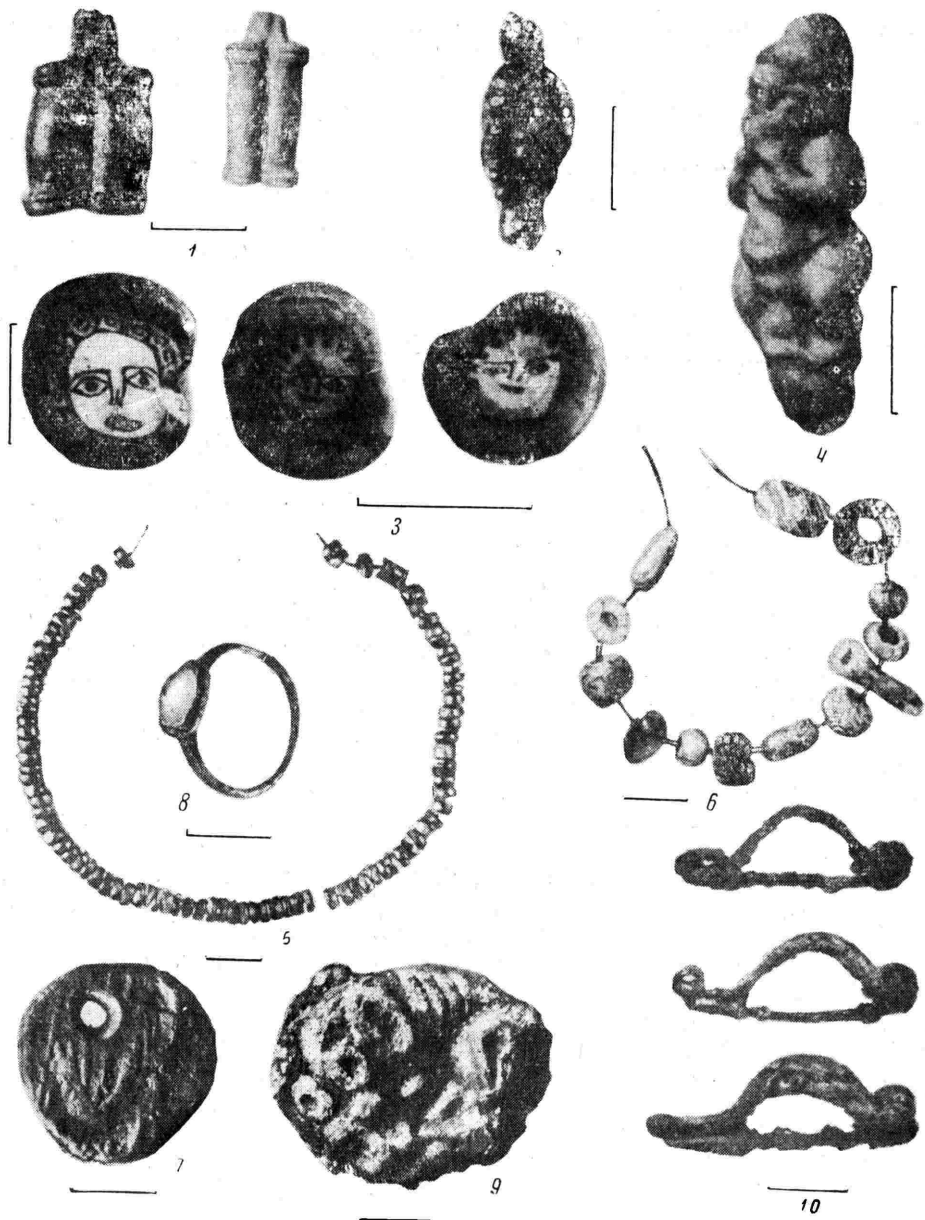

Рис. 36. Украшения из некрополя у с. Золотое

1 — подвески из голубой пасты (погребение 9); 2 — стеклянная подвеска в виде головки негра (погребение 14); 3 — полихромные мозаичные бусы (погребение 9); 4 — антропоморфная подвеска из египетской пасты (погребение 9); 5 — гешировый бисер (погребение 9); 6 — бусы (погребение 9); 7 — подвеска из просверленной монеты (погребение 25); 8 — перстень (погребение 3); 9 — фибула-брошь с изображением свернувшегося в кольцо льва (погребение 9); 10 — фибулы (погребение 9)

листочески оно относится к кругу вещей сарматского звериного стиля, представленных находками Новочеркасского клада¹².

Вся площадь медальона занимает изображение свернувшегося в кольцо хищника из семейства кошачьих (льва?). Этот архаический мотив восточного происхождения был широко распространен в Северном и Северо-Во-

¹² Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, вып. 3, стр. 137—138, рис. 156—159.

сточном Причерноморье¹³ в классическое и эллинистическое время. Наиболее близок нашему изображению свернувшийся лев на золотой пластинке из скифского кургана у с. Шульговка под Мелитополем¹⁴. По мнению многих исследователей, подобные изображения выполнялись для скифов греческими мастерами, в том числе и в Пантикапее¹⁵.

Бусы очень разнообразны, изготовлены из стекла (рис. 36, 6), гешира (рис. 36, 5), сердолика, янтаря, кости. Наиболее редки плоские мозаичные полихромные бусы египетского производства с изображением с обеих сторон человеческого лица, заключенного в круг (рис. 36, 3). Аналогичные бусы, имеющие апотропеическое значение, обнаружены в могилах I в. до н. э.—I в. н. э. в Неаполе скифском¹⁶. Египетским импортом являются, вероятно, и четыре стеклянные штампованные подвески черного цвета в виде головы молодого негра (рис. 36, 2). Аналогичная подвеска найдена в Тире, в насыпке помещения эллинистического времени¹⁷. Изображение головок негров (терракоты, геммы) известны в Северном Причерноморье и в первые века н. э.¹⁸ Из Египта были привезены также и различные подвески из голубой стеклянной пасты в виде амфорисков, скарабея, виноградной лозы, плакеток с изображением льва, соединенных цилиндров (рис. 36, 1), фигурки египетского божества (рис. 36, 4). Аналогичные подвески широко распространены в римское время на территории Боспора¹⁹.

Перстни — простые, из цветного металла, железа, некоторые со вставками из полудрагоценных камней (рис. 36, 8) с резными изображениями (алтарь с полумесяцем, трезубец), один — литик с изображением мужской головы влево. Литики часто встречались в Пантикапейском некрополе²⁰. Литик из некрополя у с. Золотое отличается от них тем, что изображение было позолочено. Этот перстень был рассчитан явно на вкусы негреческого населения, для которого подобная имитация геммы могла служить не печаткой, а только украшением.

Серьги — серебряные и бронзовые, проволочные, с петелькой в виде замочка.

Браслеты — бронзовые, из круглой в сечении проволоки, с шишечками на концах, аналогичные браслетам из Семеновки, Ново-Отрадного²¹. Один браслет изготовлен из железа, сильно фрагментирован.

Найдены всего пряжки две — бронзовая, кольцевая, с утолщенной спинкой (II—III в. н. э.) и обломки железной.

Колокольчики — бронзовые, гладкие, с подвесным язычком, аналогичные колокольчикам из некрополей Семеновки и Ново-Отрадного²².

¹³ Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 186, рис. 4.

¹⁴ ОАК за 1890 г., стр. 14, № 6.

¹⁵ И. Д. Марченко. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. КСИА, вып. 89, 1962, стр. 51; В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1, стр. 93.

¹⁶ Э. А. Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского. СА, 1961, № 1, стр. 272—273, рис. 2.

¹⁷ А. И. Фурманская. Отчет о раскопках в Тире в 1962 г. Архив ИА АН УССР, д. 4041, табл. VIII, 1.

¹⁸ Э. А. Сымонович. Две геммы из Николаевского могильника на Нижнем Днепре. ВДИ, 1967, № 2, стр. 198—200, рис. 1; гемма найдена в могильнике I в. н. э.; К. И. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, рис. 27.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 24—25.

²⁰ М. И. Максимова. Резные камни. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 439.

²¹ И. Т. Круликова. Некрополь поселения у дер. Семеновка. СА, 1969, № 1, стр. 114, рис. 7, 6, 8, 15.

²² Там же, стр. 103, рис. 5, 6; Т. М. Арсеньева. Указ. соч., стр. 203.

Таким образом, на основании анализа погребального инвентаря наиболее ранние погребения этой группы относятся к рубежу н. э. (погребения 3, 9, 14, 28). Большинство могил — к I в. н. э. Погребения II—III вв. н. э. единичны.

Ко II группе погребений относятся 11 могил. Все они плитовые, в плане в виде удлинненного прямоугольника, иногда сужающегося к ногам, с земляным дном и каменным перекрытием. Длина их колеблется от 0,75 до 2,2 м, ширина 0,4—0,5 м, глубина от современной дневной поверхности 0,5—1,3 м, высота стенок 0,4—0,5 м. Погребения расположены правильными рядами с юго-востока на северо-запад. Ориентировка погребенных в этой группе устойчивая — юго-западная. Скелеты лежали на спине с вытянутыми ногами, руки согнуты в локтях, чаще одна рука лежит на плече, другая — на животе. Реже — обе руки положены на живот, лишь в одном случае у погребенного руки были вытянуты. Некоторые могилы использовались по два раза. Встречаются совместные погребения взрослых и детей.

Особенностью погребального обряда этой группы является отсутствие сопровождающего инвентаря. В засыпке погребений, как и в погребениях I группы, встречаются морские ракушки, угольки, обломки керамики.

Расположены плитовые могилы правильными рядами; их устройство, отсутствие сопровождающего инвентаря и положение рук погребенных позволяют отнести эту группу погребений к раннехристианскому времени. Эта датировка подтверждается находкой известняковой плиты с высеченным четырехконечным крестом с расширяющимися перекрестиями и буквами ТϞΧΜΙ Κσ (рис. 37). На Боспоре, где к концу III в. н. э. уже существовала христианская община²³, известны кресты подобного типа IV—VI вв. н. э.²⁴

Отметим, что жители соседнего поселения у дер. Ново-Отрадное были знакомы с христианством уже в середине III в. н. э.²⁵

К III группе относятся восемь погребений в земляных ямах и плитовых могилах. Положение скелетов здесь аналогично погребениям II группы. Ориентировка погребенных на северо-запад, северо-восток, юго-запад. Некоторые погребения без инвентаря, в других найдены бусы, простые проволочные серьги, лепной горшок сарматской формы с маленькой примитивной зооморфной ручкой. В засыпке погребений также встречаются ракушки, угли, обломки керамики, а на дне погребения 24 была подсыпка из морских ракушек.

На основании анализа обряда погребения и инвентаря некрополя у с. Золотое представляется возмож-

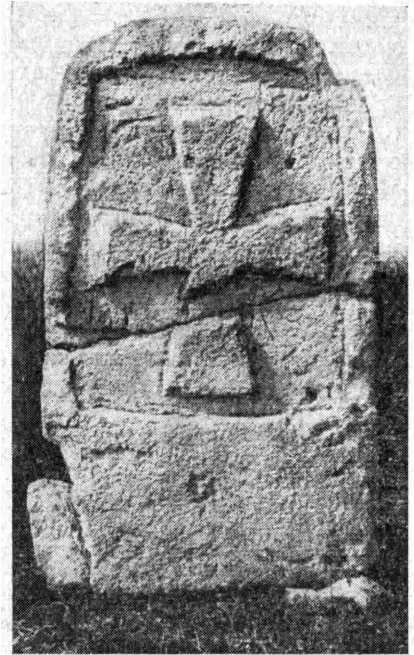

Рис. 37. Известковая раннехристианская плита (погребение 4)

²³ Ю. Ю. Марти. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. ЗООИД, т. XXXI, 1913; стр. 19.

²⁴ Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР, вып. 6, 1891.

²⁵ Т. М. Арсеньева. Указ. соч., стр. 194—195.

ным сделать некоторые выводы: погребения I группы относятся к памятникам позднеантичного Боспора. Земляные могилы с каменными перекрытиями известны в синхронных боспорских некрополях (Ново-Отрадном, Кыз-Ауле, Семеновке)²⁶ и в более поздних некрополях (Фронтное²⁷, Заморское²⁸). Однако в перечисленных некрополях они не составляют подавляющего большинства могил, как в Золотом. Погребения в земляных склепах изредка встречаются в некрополях сельских поселений (Заморское) и городов (Тирамба²⁹) Боспора. Ориентировка погребенных на северо-восток характерна для могильников юго-западного Крыма (Чернореченского, Инкерманского)³⁰, тогда как в некрополях европейской части Боспора преобладает восточная и юго-восточная ориентировка скелетов³¹. Обычай использования одной могилы в течение длительного времени существовал у боспорского сельского населения еще в V—IV вв. до н. э. (Фронтное)³². В I—II вв. н. э. какая-то часть боспорского населения по традиции пользовалась этим обычаем (Кыз-Аул, Семеновка, Ново-Отрадное, Сюрташ). Для этих погребений характерна и подсыпка морского песка, чего не наблюдается в некрополях II—IV вв. н. э. у сел Фронтное и Заморское.

Кроме того, в погребальном обряде некрополя у с. Золотое имеются и другие отличительные черты от погребального обряда некрополей более позднего времени у сел. Фронтное и Заморское: применение в погребениях монет в качестве подвесок, а не «абола Харона», применение гемм в качестве украшений, а не печатей, отсутствие стеклянной посуды и пр. Нам представляется, что объяснение этого различия обусловлено как хронологическими, так и этническими факторами, которые позволяют считать население, оставившее некрополь у с. Золотое, варварским, хотя и сильно эллинизированным. Возможно, это потомки населения, обитавшего на периферии европейского Боспора еще в V в. до н. э., которое известно нам по памятникам типа некрополя у с. Фронтное V—IV вв. до н. э.³³

Материалы некрополя дали новые представления об идеологии сельского населения. Имеются в виду находки обгоревших зерен злаков. Повидимому, земледельческие культы, связанные с идеей возрождения и плодородия, были широко распространены как среди греческого, так и негреческого населения Северного Причерноморья. Не исключено, что обычай бросать в могилу зерна как символ возрождения, как очистительную жертву связан с большой детской смертностью. Скорлупа яиц, найденная в детском погребении 9, возможно, связана с этой же идеей плодородия. Находки яичной скорлупы засвидетельствованы как в некрополях материковой Греции³⁴, так и в северопричерноморских некрополях³⁵, в том числе и в некрополях римского времени (Фронтное).

Некрополь у с. Золотое существовал в римское время и в эпоху раннего средневековья. Анализ погребального обряда свидетельствует о генетической преемственности населения, оставившего погребения этих двух периодов. Дальнейшие раскопки некрополя решат вопрос о его непрерывном функционировании и уточнят хронологию трех групп его погребений.

²⁶ И. Т. Круликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 101.

²⁷ В. Н. Корпусова. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное. «Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг.», вып. I. Киев, 1967, стр. 41.

²⁸ В. Н. Корпусова. Могильник III—IV вв. н. э. у с. Заморское. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.», вып. II. Киев, 1968, стр. 16.

²⁹ А. К. Коровина. Раскопки некрополя Тирамбы. АО 1968 г. М., 1969, стр. 114.

³⁰ И. И. Гушина. О сарматах в Юго-Западном Крыму. СА, 1967, № 1, стр. 44.

³¹ И. Т. Круликова. Боспор в позднеантичное время, стр. 101; Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. МИА, № 69, 1959, стр. 259; Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 92.

³² В. Н. Корпусова. Скифский грунтовой могильник на Боспоре. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966, стр. 63—64.

³³ Там же.

³⁴ Е. Г. Кастанаян. Указ. соч.; на стр. 267 указана литература по этому вопросу.

³⁵ Там же.

И. Т. КРУГЛИКОВА

БРОНЗОВЫЙ БЮСТ ИЗИДЫ ИЗ ГОРГИППИИ

В 1967 г. в Анапе при расчистке одного из подвальных помещений дома, разрушенного в III в. н. э., был найден небольшой бронзовый бюст (высотой 9,1 см), воспроизводящий богиню в хитоне с накинутым на левое плечо плащом, край которого утолщен, напоминая валик (рис. 38). На голове богини над забранными назад и стянутыми в пучок волосами прикреплен полумесяц и три колоса, верхние концы которых отломаны. Своеобразная подставка в виде шара, опирающегося на плоскую лепешку, соединена с лицевой стороной бюста, тогда как сзади спина срезана немного ниже плеч. Нижняя часть бюста, начиная от шеи, полая (рис. 38).

Головной убор в виде трех колосьев или перьев часто встречается на изображениях египетских божеств: Изиды¹ и Беса². На бронзовых бюстах Изиды из Берлинского музея³ кроме колосьев имеются также другие характерные атрибуты Изиды — рога коровы⁴ и круглый диск луны между ними⁵. Оба эти атрибута у горгиппийского бюста отсутствуют. Однако полумесяц над лбом богини можно рассматривать как стилизованное изображение рогов, которые уже во времена Апулея (II в. н. э.) воспринимались как две тянущиеся вверх змеи⁶. Рядом с круглым светящимся диском надо лбом Изиды Апулей помещает также и хлебные колосья. Он подробно описывает плащ, накинутый на левое плечо богини, что соответствует положению плаща и у горгиппийской статуэтки. Круглый шар, на который опирается горгиппийский бюст богини, имеется и у других ее изображений, найденных в Египте. Так, у одного из бюстов Изиды из Берлинского музея шар стоит на круглой подставке⁷.

Очень близок к горгиппийскому бронзовый бюст, найденный П. Дюбрюксом в 1817 г. в одном из склепов пантикапейского некрополя⁸. В дневнике П. Дюбрюкса⁹ он определен как «бюст Дианы на круглом пьедестале,

¹ C. Roeder. Ägyptische Bronzefiguren. Berlin, 1956, табл. 38; R. Fleischer. Antike bronze Statuetten aus Carnuntum. «Römische Forschungen in Niederösterreich», т. IV. Graz—Köln. 1966, рис. 37 и 38.

² W. Weber. Die ägyptisch-griechischen terrakotten. Berlin, 1914, табл. 25, 252, 257.

³ C. Roeder. Указ соч. Инв. № 2528 и 16789.

⁴ Herod., II, 41.

⁵ W. Weber. Указ. соч., табл. 2, 23; Apul. Metamorphos., XI, 3.

⁶ Apul. Metamorphos. XI, 3.

⁷ C. Roeder. Указ. соч., табл. 38, e (инв. № 16789).

⁸ О. И. Бич. Первые раскопки некрополя Пантикапея. МИА, № 69, М.—Л., 1959, стр. 311, рис. 8, 2, стр. 312.

⁹ В. В. Латышев. Неизданные раскопки Дюбрюкса. Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 гг. ЗООИД, т. XV, стр. 128.

Рис. 38. Бронзовый бюст Изиды

голова украшена позади полумесяца тремя перьями, повязка колчана на левом плече и волосы завязаны позади головы». Высота этого бюста определена различно: 4 дюйма и 6 линий (вместе с пьедесталом)¹⁰ и шесть дюймов¹¹, т. е. около 12 или 15 см. За вычетом высоты пьедестала размеры горгиппийской и пантикапейской статуэток, по-видимому, совпадали или были близки. К сожалению, судьба пантикапейской статуэтки неизвестна. Она была подарена царем принцу гессен-гамбургскому во время его пребывания в Керчи¹².

Определение этой статуэтки как Дианы вряд ли правомерно. Ее атрибуты аналогичны атрибутам горгиппийской статуэтки, а то, что П. Дюбрюкс принял за перевязь колчана, является изображением бахромы, прикрепленной к краю плаща. О ней пишет Апулей. Можно предположить, что пантикапейский и горгиппийский бюсты были привезены на Боспор из одного центра, возможно из Александрии египетской, где были найдены близкие изображения.

Горгиппийская Изида хорошо датируется совместными находками: обломками реберчатых амфор и монетами конца II — начала III в. н. э. Она была привезена в Горгиппию до катастрофы, в которой погиб город

¹⁰ О. И. Бич. Указ. соч., стр. 312.

¹¹ В. В. Латышев. Указ соч., стр. 128.

¹² О. И. Бич. Указ. соч., стр. 312, прим. 89.

Горгиппия или во всяком случае исследуемый квартал ее (раскоп «Город»), т. е. до 40-х годов III в. н. э. Время изготовления бюста определяется формой прически. Тип пучка в виде уплощенного валика близок женским портретам времени Гелиогабала (218—222 гг.). Однако валик на монетах Юлии Павлы, Юлии Аквилы, Аннии Фаустины очень плоский¹³. Пучок в виде узла в сочетании с мягкими прядями волос, заложенными назад, изображен на монетах Фаустины Младшей¹⁴ и Луциллы¹⁵. На александрийских монетах Антонина Пия, Отацилии Северы и Салонины¹⁶ изображен бюст Изиды с аналогичной прической, но там пучок меньше и имеют-ся локоны, спускающиеся на шею, которых на Горгиппийской головке нет. Известны александрийские монеты, на которых Сабина, Фаустина младшая и Юлия Мамея изображены с прической Изиды, что, по-видимому, было модно в это время. Таким образом, судя по прическе, время изготовления статуэтки, по-видимому, следует отнести ко второй половине II или началу III в. н. э.

Культ Изиды во II в. н. э. был широко распространен на всей территории Римской империи. В Риме ей были посвящены многочисленные храмы, которые богато украшались императорами¹⁷. Об огромном количестве ее изображений, за счет которых «живут живописцы», писал Ювенал¹⁸.

Изида была любимой богиней моряков и купцов, покровительницей торговли и мореплавания. Еще в IV в. до н. э. народное собрание Афин разрешило египетским купцам построить храм Изиды в Пирее. В Риме при Сулле образовалась коллегия последователей культа Изиды. Апулей называет Изиду матерью природы, госпожой всех стихий, высшей из божеств, владычицей душ усопших, первой среди небожителей. Сама Изида у Аппиана говорит, что ее под разными именами чтит вся Вселенная. Фригийцы зовут ее Пессинунтской матерью богов, аттические греки Минервой Кекропической, киприяне — Пафийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктинской, сицилийцы — Стигийской Презерпиной, а элевсинцы — Церерой¹⁹. Действительно, по представлениям древних жителей Средиземноморья, она сочетала в себе функции различных богов. Она всегда оставалась олицетворением жизненного начала в природе, была богиней плодородия²⁰. Именно поэтому ее культ получил такое большое распространение в эпоху, когда господствовали синкретические культы, когда восточные влияния прочно вторгались в религиозные представления римлян. В это время, по словам Лукиана, восточные боги потеснили олимпийских, и «на пиру богов теперь тесно от беспорядочной толпы, сброда, болтающего на разных языках», что, «самовольно вытолкав древних и истинных богов, эти пришельцы, вопреки всем нравам и обычаям, потребовали для себя мест в первых рядах и хотят, чтобы их больше, чем других, чтит на земле»²¹.

Самым популярным из восточных божеств была Изида. Ее изображения находят в различных концах Римской империи. В самом Риме ей было посвящено большое количество храмов, в том числе великое святилище Изиды и Сераписа, воздвигнутое Каракаллой вблизи Колизея.

¹³ *Mattingly*. Coins of the Roman Empire in the British Museum, т. V. London, 1950, табл. 88, 20; 89, 1, 2; 92, 11—14; 93, 2—3; 96, 2, 8; 97, 1, 7.

¹⁴ *J. Vabalon*. Le portrait dans l'antiquité d'après les monnaies. Paris, 1942, табл. XX, 5; *Mattingly*. Указ. соч., т. IV, табл. 67, 19, и 87, 1.

¹⁵ *Mattingly*. Указ. соч., т. IV, табл. 58, 16—20.

¹⁶ *R. S. Poole*. Catalogue of the coins of Alexandria and the Nowes. London, 1892, табл. XVI, 988, 2029, 2268.

¹⁷ *Ж. Ревилль*. Религия в Риме при Северах. М., 1898, стр. 58.

¹⁸ *Ювенал*. Сатиры, XII, 28. М.—Л., 1937, стр. 93.

¹⁹ *Apul*. Metamorphos, XI, 5.

²⁰ *Ж. Ревилль*. Указ. соч., стр. 59.

²¹ *Лукиан*. Совет богов, 14; он же. Избранные атеистические произведения. М., 1955, стр. 115.

Императоры конца II и III в. н. э. охотно принимали участие в священных процессиях Изиды, сооружали ей храмы и украшали ее святилища²². По всему побережью Средиземного моря Изида была любимой богиней моряков и купцов, покровительницей торговли и мореплавания. Павсаний упоминает о двух святилищах Изиды в Коринфе, одно из которых было посвящено Изиде Пелагийской (Морской), другое Изиде Египетской²³. Морская Изида упоминается во многих посвячительных надписях. О почитании Изиды моряками и о приносимых ей вотивных изображениях спасшимися от кораблекрушения пишет Ювенал²⁴. Один из главных праздников в честь Изиды справлялся весной при открытии навигации. Его описание сохранилось у Апулея, который красочно описывает, как длинная блестящая процессия направлялась к морю, чтобы посвятить богине священный корабль. Первый из жрецов несет в руках золотую лампу в виде лодки²⁵. Популярность Изиды у моряков делает вероятным предположение о том, что в Горгииппии, где эпиграфические памятники зафиксировали существование храмов Афродиты Навархиды и Посейдона²⁶, во второй половине II и начале III в. н. э. распространился и культ Изиды. Он мог быть туда принесен моряками из Средиземноморья, а возможно, как и само изображение, из Александрии Египетской. Связи Горгииппии с Александрией прослеживаются по различным материалам. В Горгииппии находили скульптуру, по стилю близкую к александрийской школе скульпторов²⁷, многочисленные амулеты из египетской стеклянной пасты, глиняный рельеф, воспроизводящий фигуру девушки с поднятым подолом (так называемую невесту умерших), — тип, получивший распространение среди терракот Александрии²⁸. Возможно, что из Александрии в Горгииппию попали глиняный египетского типа светильник и чаши из мозаичного стекла. Горгииппия была крупным морским портом. Не случайно именно там была найдена надпись, в которой упоминается фиас навклеров — судовладельцев²⁹, среди которых названы важнейшие должностные лица города.

²² *Script. Hist. Aug. Lampr. Comm.* IX, 4; *Al Sev.*, XXVI, 8; *Spartian. Pescinn. Nig.*, VI, 9; *Carac.*, IX, 10; *G. Lafaye. Cultes des divinités d'Alexandrie.* Paris, 1884, стр. 200 сл.;

Ж. Ревилье. Указ. соч., стр. 58.

²³ *Pausan.* II, 4, 6.

²⁴ *Juvenal. Sat.*, XII, 28.

²⁵ *Apul. Metamorphos.* XI, 10.

²⁶ КБН, № 1115 и 1134.

²⁷ *Н. А. Грач.* Мраморная скульптура из Горгииппии, СА, 1970, № 1, стр. 245 сл.

²⁸ «Expedition Ernest Sieglin». «Ausgrabungen in Alexandria», т. II, 2; табл. XLIII, XLIV;

«Die Griechisch-ägyptische Sammlung Ernest Sieglin». Leipzig, 1913, табл. XLIII, XLIV.

²⁹ КБН, № 1134.

Ю. В. КУХАРЕНКО

МОГИЛЬНИК II—IV ВВ. Н. Э. В Г. ЛЮБОМЛЕ

Бескурганый могильник в г. Любомле Волынской области находится на территории усадьбы районной ветеринарной лечебницы (урочище Ксендзово поле). Расположен на пологом склоне песчаной возвышенности. Могильник открыт случайно в 1962 г. во время земляных работ, когда на месте теперешнего гаража лечебницы было разрушено погребение с трупосожжением. В 1963 г. на этом могильнике производили раскопки сотрудники Львовского института общественных наук АН УССР (В. Д. Баран, И. К. Свешников, В. Н. Цыгелик). Ими был вскрыт участок общей площадью около 400 кв. м, на котором обнаружено восемь погребений с трупосожжением и более десяти ям, заполненных золой. Материалы раскопок не опубликованы.

В 1967 и 1968 гг. небольшие раскопки на могильнике произведены мной совместно с В. Б. Никитиной и Д. А. Остапуком. Вскрыт участок площадью 210 кв. м. Обнаружены два погребения с трупосожжением (погребения 9 и 10), шестнадцать ям, заполненных золой, и небольшая каменная вымостка¹.

Погребение 9. Захоронение произведено в яме неправильно округлой в плане формы диаметром около 0,90 м. Глубина ямы 1,30 м от уровня современной поверхности. Контуры ямы прослеживались с глубины 0,45 м. Начиная от этого уровня и до дна яма заполнена песком, перемешанным с золой. На дне ямы в компактной кучке лежали обломки глиняной миски, фрагмент бронзовой фибулы, сплавившаяся стеклянная бусина и небольшое количество мелких обломков пережженных человеческих костей. Все вещи повреждены огнем.

Миска лепная, со сглаженной поверхностью коричневого цвета (рис. 40, 1). Фибула арбалетовидная, с декоративным колечком на основании спинки (рис. 39, 1). Бусина рифленая, светло-зеленого цвета (рис. 39, 2).

Погребение 10. Находилось примерно в 5 м к юго-юго-западу от предыдущего. Контуры погребальной ямы не прослеживались. В толще чистого песка на глубине 0,50 м от уровня современной поверхности стояли рядом два глиняных сосуда: небольшой кувшин (рис. 40, 2) и горшок (рис. 40, 4). И тот и другой сосуд примерно на две трети вместимости

¹ Предварительное сообщение о раскопках опубликовано мной в сборнике «Археологические открытия 1967 года» (М., 1968, стр. 247—248). К сожалению, в публикации допущена неточность: вскрыто не четыре, а два погребения. В этой же публикации могильник, открытый нами в с. Гуше Любомльского района, ошибочно отнесен к тому же времени, что и могильник в Любомле. Во время раскопок, произведенных на этом могильнике позже, оказалось, что он более древний и относится к поморской культуре (группа подклешевых погребений).

были заполнены обломками пережженных человеческих костей. Кости тщательно очищены от остатков погребального костра. Среди костей, находившихся в кувшине, были бронзовая фибула (рис. 39, 3) и два глиняных пряслица: цилиндрическое (рис. 39, 4) и биконическое (рис. 39, 5). Обломки же костей, находившиеся в горшке, прикрыты сверху небольшой глиняной мисочкой, опрокинутой вверх дном (рис. 40, 3). Все вещи, за исключением самих урн, повреждены огнем.

Сосуды лепные, коричневого цвета. Поверхность кувшина и мисочки тщательно выглажена, поверхность горшка выглажена в верхней части и у дна и хруповатая по тулову. У мисочки имеется небольшое псевдоушко. Плечики кувшина украшены группами косо проложенных

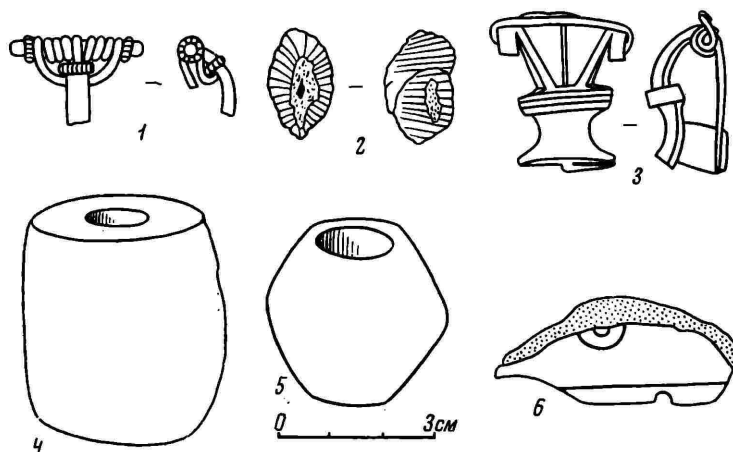

Рис. 39. Любомль

1—2 — обломок бронзовой фибулы и стеклянная бусина из погребения 9; 3—5 — бронзовая фибула и глиняные пряслица из погребения 10; 6 — обломок костяного гребня, найденный вне погребений

Рис. 40. Любомль. Глиняные сосуды

1 — из погребения 9; 2—4 — из погребения 10

бороздок, выше которых между двумя горизонтальными бороздками расположен рельефный валик, покрытый точечными вдавлениями. На спинке фибулы имеется характерный поперечный гребень.

В толще песка вне погребений в разных местах и на разной глубине изредка попадались обломки глиняных сосудов того же типа, что и сосуды из погребений. Вне погребений найден также обломок спинки костяного составного гребня (рис. 39, 6).

На вскрытом нами участке площади могильника были обнаружены также небольшая каменная вымостка и шестнадцать ям, заполненных золой. Вымостка залегала на глубине 0,80 м от уровня современной поверхности, состояла из небольших камней-валунов, уложенных в один слой и образующих округлую площадку диаметром около 0,80 м. Среди камней находилась зола, но сами камни не обожжены. Никаких вещевых находок в пределах вымостки не обнаружено. Все ямы неправильно округлой в плане формы, диаметром до 1,50 м и глубиной до 1,70 м. На площади раскопа ямы располагались без видимого порядка. Заполнены золой, точнее песком, перемешанным с золой. Контуры ям прослеживались начиная с глубины 0,50 м от уровня современной поверхности. В большинстве ям никаких вещевых находок не было. И только в шести ямах, кроме золы, находилось по несколько камней-валунов и отдельные маловыразительные обломки глиняных лепных сосудов. В одной из таких ям, кроме того, обнаружен кремневый листовидный наконечник стрелы, в двух — по несколько небольших обломков пережженных костей животных и в одной — необожженные кости овцы и мелкого грызуна.

Таковы результаты наших раскопок на могильнике в г. Любомле. По особенностям погребального обряда и характеру вещей, найденных в погребениях, могильник в г. Любомле совершенно подобен могильнику, исследованному нами в Бресте-Тришине. Судя по фибуле, найденной в погребении 10, время возникновения этого могильника — II в. н. э. Функционировал он еще в III, а может быть и IV вв. н. э., о чем свидетельствует фибула из погребения 9. В культурно-историческом плане могильник в Любомле относится к так называемой Волинской группе полей погребения, которую я считаю в основном готско-гепидской по своей этнической принадлежности.

Ю. Н. ВОРОНОВ, В. А. ЮШИН

ПОГРЕБЕНИЕ VII В. Н. Э. ИЗ С. ЦЕБЕЛЬДА В АБХАЗИИ

Село Цебельда расположено в горной долине в 30 км к северо-востоку от г. Сухуми в Абхазской АССР. Название села происходит от крепости Тзибила (Тибелия), упоминающейся в византийских источниках Юстиниановой поры¹. Однако памятники, относящиеся к этому периоду византийско-персидских войн VI в., игравшему важную роль в жизни местного племени апсиллов, до сих пор практически не получали отражения в литературе. Отдельные предметы, указывающие на возможность существования здесь погребений VI в., были известны из позднеантичного могильника, расположенного к юго-западу от Цебельды у крепости Шапка². Однако материалы исследований, проводившихся М. М. Трапшем, не позволили ему выделить на этом могильнике горизонт позднее конца V в. н. э.³

Весной 1967 г. при обследовании состояния этого разрушаемого пахотой и эрозией могильника нами было доследовано погребение. На поверхности были подняты фрагменты кухонного горшка, фаланги пальцев ног и бронзовые обломки от двух обувных застежек. Слой грунта над погребением не превышал 0,1—0,15 м.

Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на север (рис. 41, 1). У головы справа находился стеклянный сосуд, у левого плеча — железные наконечник копья и топор лезвием вниз. Среди обломков черепа между челюстями находилась золотая монета, а на груди еще две серебряные монеты. На правой руке, согнутой под прямым углом в локте и положенной на живот, находились бронзовые браслет и перстень. Выше руки найдены обломки костяной орнаментированной пластинки. На тазе лежало значительное число серебряных деталей поясного набора, тяготевавших в основном к левому боку, бронзовый пинцет, железный кинжал с остатками деревянных ножен в серебряной обкладке и железный нож. На левом плече находилась серебряная фибула, на шее — бронзовая фибула.

Наиболее яркую группу погребального инвентаря составляет поясной набор. Большая поясная пряжка (рис. 42, 2) имела полые снизу овальное кольцо и шип и прикреплялась к ремню шпеньками с высокими полыми шляпками. Пряжки с овальным щитком встречаются в погребениях V в. н. э. в Цебельде⁴. Малая пряжка невысокая, массивная, литая, плоская снизу, с неподвижным щитком, разделенным желобком на две равные продольные

¹ Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950, стр. 430, 432 (VIII, 10, 1; 17, 10); Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 118 (IV, 15).

² Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 93—94.

³ М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг., ТАИЯЛИ, т. XXXIII—XXXIV, 1963, стр. 276

⁴ М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 272, рис. 8, 10.

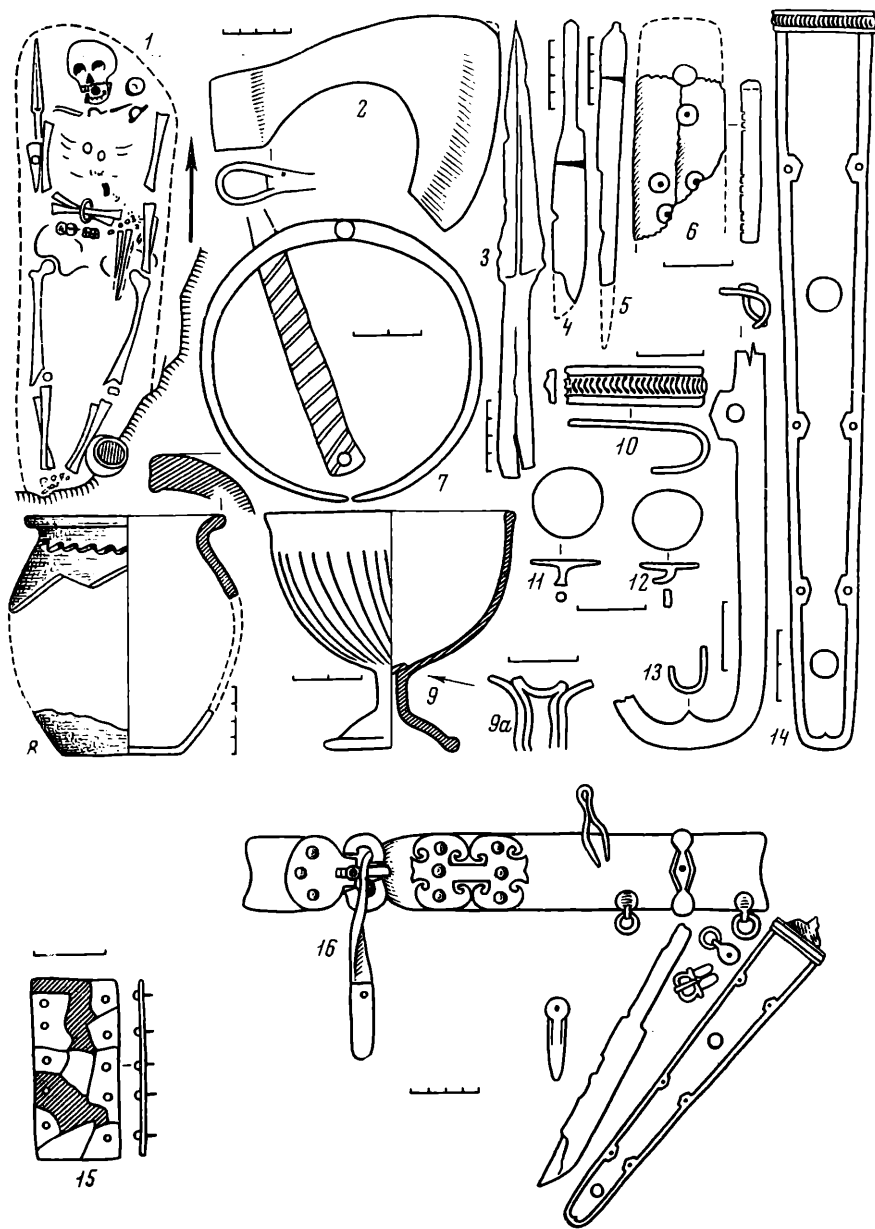

Рис. 41. Погребение (1) из с. Цебельда и сопровождавший его инвентарь (2—16)

части (рис. 42,3). По-видимому, для добавочного ремешка. Она сходна с пряжками VI—VII вв. н. э. с Северного Кавказа⁵. Узкий наконечник ремня (рис. 42,7) сделан из трех пластинок — двух параллельных и одной узкой, обнимающей их по краям. Трудно установить назначение двух фигурных пластинок (толщиною 1,2—1,5 мм), имеющих по одному шпеньку (рис. 42,8—9). На обеих имеются следы окиси железа, указывающие на близость к ножу или кинжалу. Вероятно, к поясу принадлежали три серебряных колечка со щитками на заклепках (рис. 42, 4—6). Края одного на-

⁵ В. Б. Деоник (Ковалевская). Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, № 114, 1963, стр. 125—126, рис. 1, 3.

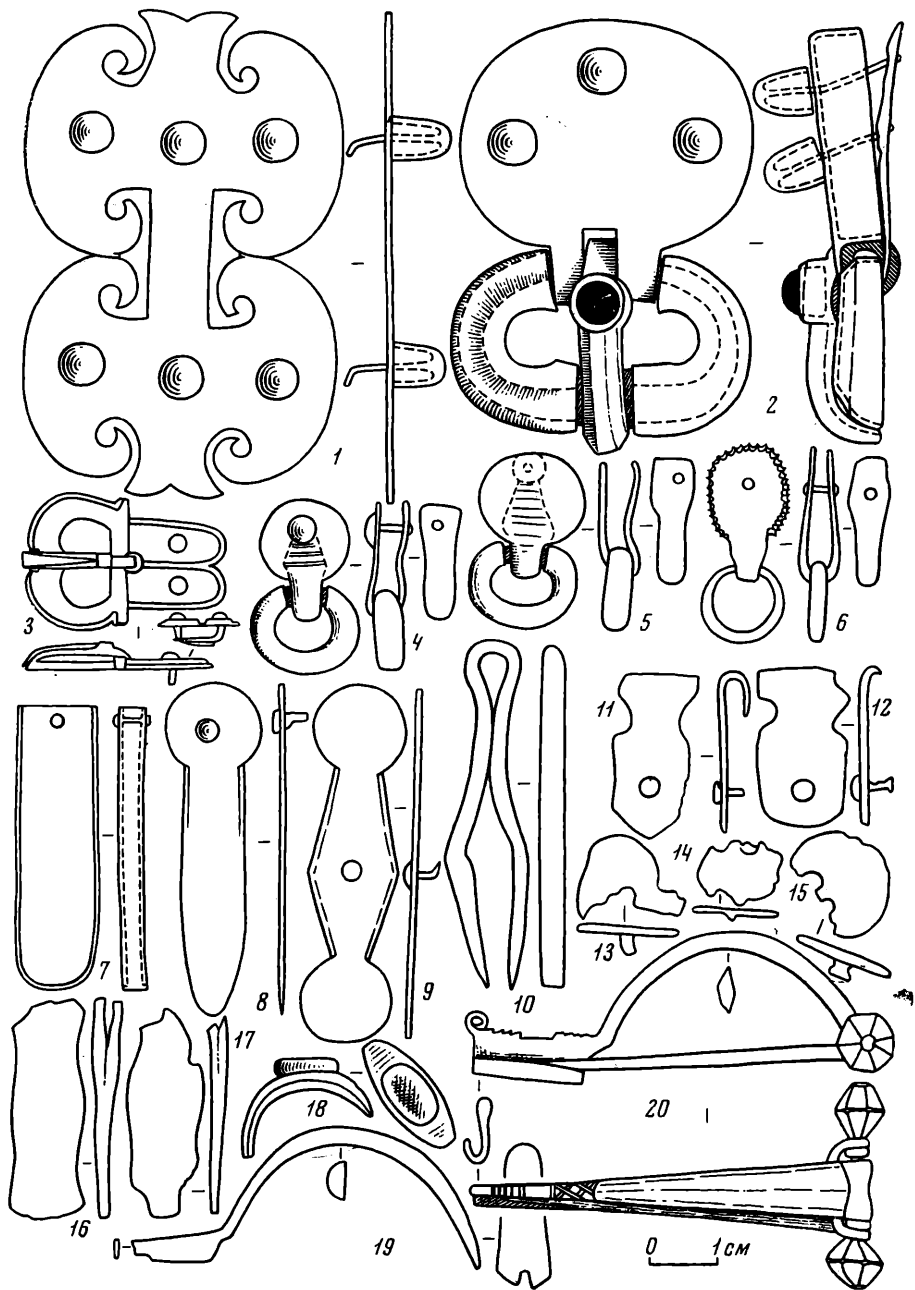

Рис. 42. Инвентарь погребения из с. Цебельда

1—10 — поясной набор; 11—17 — детали обувной застежки; 18 — перстень; 19—20 — фибулы

ружного щитка выделены зубчиками, а его кольцо носит следыковки (рис. 42,6). Судя по щитку большой пряжки и декоративной ажурной пластине, украшенной также крупными полыми шляпками (рис. 42, 1), ширина пояса равнялась 4,5 см. Однако, судя по величине отверстия рамки и наконечнику, пояс резко сужался за ажурной пластиной, свешиваясь после продевания сквозь рамку пряжки и не заслоняя декоративные шляпки шпеньков на щитке пряжки (предположительная реконструкция — рис. 41,16).

Рис. 43. Монеты из погребения из с. Цебельда
1 — золото; 2 и 3 — серебро

Лицевая часть ножен кинжала (рис. 41, 13—14) выделена фигурными выступами на обкладке, служившими для крепления серебряными гвоздиками двух деревянных створок, составляющих корпус ножен, и двумя кнопковидными бляшками (рис. 41, 11—12). Верхний край ножен был обрамлен узкой серебряной орнаментированной пластинкой (рис. 41, 10). Здесь же лежала сильно фрагментированная прямоугольная серебряная пластинка с множеством мелких гвоздиков по краям (рис. 41, 15).

Бронзовый пинцет (рис. 42, 10) восходит по форме к простейшим античным образцам⁶.

⁶ С. И. Финогенова, Античные медицинские инструменты, СА, 1967, № 1, стр. 154.

Обувь, судя по пергаментовидным, пропитанным окисью меди обрывкам, изготовлялась из кожи. К сожалению, бронзовые части застежек сильно попорчены. В комплект каждой застежки входили щиток со шпеньком с выступающей на лицевой части шляпкой (рис. 42, 11—12), пластинка, сближающаяся с наконечниками ремней (рис. 42, 16—17), и две кнопкообразные бляшки (рис. 42, 13—15), вероятно находившиеся по обеим сторонам застежки.

Серебряная двучленная фибула с пластинчатым приемником, украшенным завитком, с дуговидной спинкой (рис. 42, 20) по оформлению головки сближается с раннесредневековыми фибулами из того же могильника⁷ и с фибулой VII в. из с. Веселого⁸. Бронзовая фибула — близкого типа, но с несколько другим строением головки (рис. 42, 19).

Железный топор (рис. 41, 2) относится к позднеантичным топорам цебельдинского типа⁹, зафиксированным в последнее время в ряде пунктов Черноморского побережья Кавказа¹⁰. От местных еще позднеантичных форм мало отличаются и железный нож (рис. 41, 4)¹¹, кинжал (рис. 41, 5), наконечник копья (рис. 41, 3)¹², бронзовый цельнолитой перстень (рис. 42, 18), бронзовый браслет (рис. 41, 7). Глиняный кухонный горшок, повторяющий ранние формы¹³, имеет, однако, уже признак, указывающий на переход к средневековым типам — слегка свисающий круговой выступ в нижней части края венчика (рис. 41, 8). Рюмкообразный стеклянный сосуд (рис. 41, 9) по основным признакам (включая даже стандартный диаметр ножки — 4 см) относится к типу сосудов, имевшему распространение в IV—V вв. н. э. в Причерноморье¹⁴. Стенки сосуда слегка ребристые, стекло прозрачное с блекло-зеленоватым оттенком.

Все три византийские монеты (золотой солид и серебряные милиарисии) чеканены в правление императора Юстиниана I (527—565 гг.). Круговая легенда и изображения на них повторяются. Надпись на лицевой стороне вокруг изображения императора гласит: «Господин наш Юстиниан вечный Август». На обороте под чертой — знак монетного двора (Константинополь); круговые легенды: на золотой — «Победа Августов», на серебряных — «Слава римлян» (рис. 43).

Ряд признаков — форма большой пряжки, фибулы, перстень, стеклянный сосуд, топор — указывает на возможность захоронения описываемого погребения не раньше первой половины — середины VII в. н. э.

Особый интерес представляет обряд погребения. В литературе для района Цебельды отмечено в II—V вв. н. э. три погребальных обряда — ингумации головой на запад¹⁵, головой на юг¹⁶ и кремация¹⁷. Нами были зафиксированы случаи северной ориентировки в Цибилуимском, Ларском и Апуштинском позднеантичных могильниках, выявленных в последнее время в районе Цебельды. Впервые в Абхазии встречена монета во рту покойного; как известно, это характеризует греческий обряд более раннего

⁷ Б. А. Куфтин. Указ. соч., табл. VII, 1.

⁸ А. А. Спицын. Могильник V в. в Причерноморье. ИАК, вып. 23, 1907, рис. 2; А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1-30. М., 1966, стр. 55, табл. 9, 21.

⁹ М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 265—266, рис. 5, 3.

¹⁰ Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА, 1965, № 2, стр. 265.

¹¹ Г. К. Шамба. Фибулы из некрополя Ахаччархва. МАА, 1967, табл. II, 11.

¹² М. М. Трапш. Указ. соч., рис. Б, 4—5.

¹³ Там же, рис. 3, 5.

¹⁴ Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 148—150.

¹⁵ М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 259.

¹⁶ Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения..., стр. 263—264, рис. 1, 1.

¹⁷ Там же, стр. 265.

периода¹⁸. Таким образом, еще в середине VI в. н. э. в районе Цebelды бытовал характерный языческий обряд погребения даже среди привилегированной части населения, к которой, без сомнения, должен быть отнесен покойный. Этот факт противоречит выводам о проникновении христианства в среду местного населения Цebelды еще в позднюю античность (конец III—IV в.)¹⁹, а также свидетельствам византийских источников VI в. о христианстве у апсилос²⁰. В противоречии с последним стоит другое сведение того же Прокопия Кесарийского, что родственные апсилам абазги, находившиеся гораздо ближе первых к Пицунде, где уже в IV в. действовала епископская кафедра, в первой половине VI в. еще были язычниками, поклоняясь рощам и деревьям, и приняли христианство лишь при Юстиниане²¹.

Находка вышеописанного погребения позволяет впервые реконструировать до некоторой степени внешний облик знатного апсильского воина VII в., свидетельствует, что в VII в. н. э. христианство еще не играло серьезной роли в мировоззрении населявших Цebelду апсилос, уточняет верхнюю дату функционирования могильников цebelдинской позднеантичной культуры.

¹⁸ В. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 98.

¹⁹ М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 272—273; Г. К. Шамба. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (автореф. канд. дисс.). Тбилиси, 1966, стр. 18—19; Э. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, стр. 227—229.

²⁰ Прокопий Кесарийский. Указ. соч., стр. 380 (VIII, 2, 33).

²¹ Там же, стр. 382 (VIII, 3, 14—15).

В. П. ДАРКЕВИЧ, В. Ф. ЧЕРНИКОВ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ТОРЕВТИКИ
(АФАНАСЬЕВСКИЙ КЛАД)

Для истории культуры раннефеодального Ирана и смежных с ним областей Средней Азии и Закавказья большой интерес представляет изучение произведений торевтики. Случайность находок сасанидской и постсасанидской серебряной утвари вдалеке от мест ее изготовления (главным образом в Приуралье) затрудняет локализацию и датировку памятников. Многие из них были изготовлены за пределами государственных границ сасанидского Ирана, в иной культурно-этнической среде. «Сасанидская империя... представляла собой не монолит, а конгломерат культур и разнородных племенных народов, каждый из которых в той или иной области вносил нечто свое в то сложное историческое явление, которое называется «сасанидским искусством»¹. Необходимость более четкой территориальной и хронологической дифференциации обширной категории сасанидского серебра давно осознавалась исследователями². Археологические открытия в Средней Азии (в особенности монументальной живописи в Хорезме, Бухарском оазисе и Согде) дали обильный сравнительный материал, позволивший начать работу по определению изделий хорезмийских³ и согдийских⁴ торевтов. Параллельно уточнялась хронология. Многие серебряные сосуды, исполненные в сасанидских традициях, были отнесены к мусульманскому времени (VII—X вв.). К их числу следует отнести публикуемый нами клад из Прикамья.

В июне 1932 г. в 7 км от дер. Афанасьево Зюздинского района Нижегородского края (ныне Кировская область), на берегу р. Камы, на пашне был найден клад из семи серебряных сосудов⁵. В его состав входили:

1. Ведро цилиндрическое с округлым дном (рис. 44, 1). Диаметр 18 см, высота 15 см, толщина стенок 0,3 см. Ручка с крючками на концах соединялась с краем ведра пальметтовыми пластинками (сохранилась одна из пальметт). Орнамент гравирован. Фон изображений заполнен пунсонными кружками. Край ведра украшен орнаментальным бордюром — волнистым побегом с тяжелыми пальметтами между двух каемок (рис. 44, 2). Гладкое тулово сосуда разбито четырьмя прямоуглыми, в которых че-

¹ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 324.

² И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.

³ А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. «Искусство», 1939, № 2; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 192—194.

⁴ А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях. «Труды Отдела Востока Эрмитажа», т. II, 1940, стр. 47—48; М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 134—139.

⁵ Клад хранится в Горьковском историко-археологическом музее.

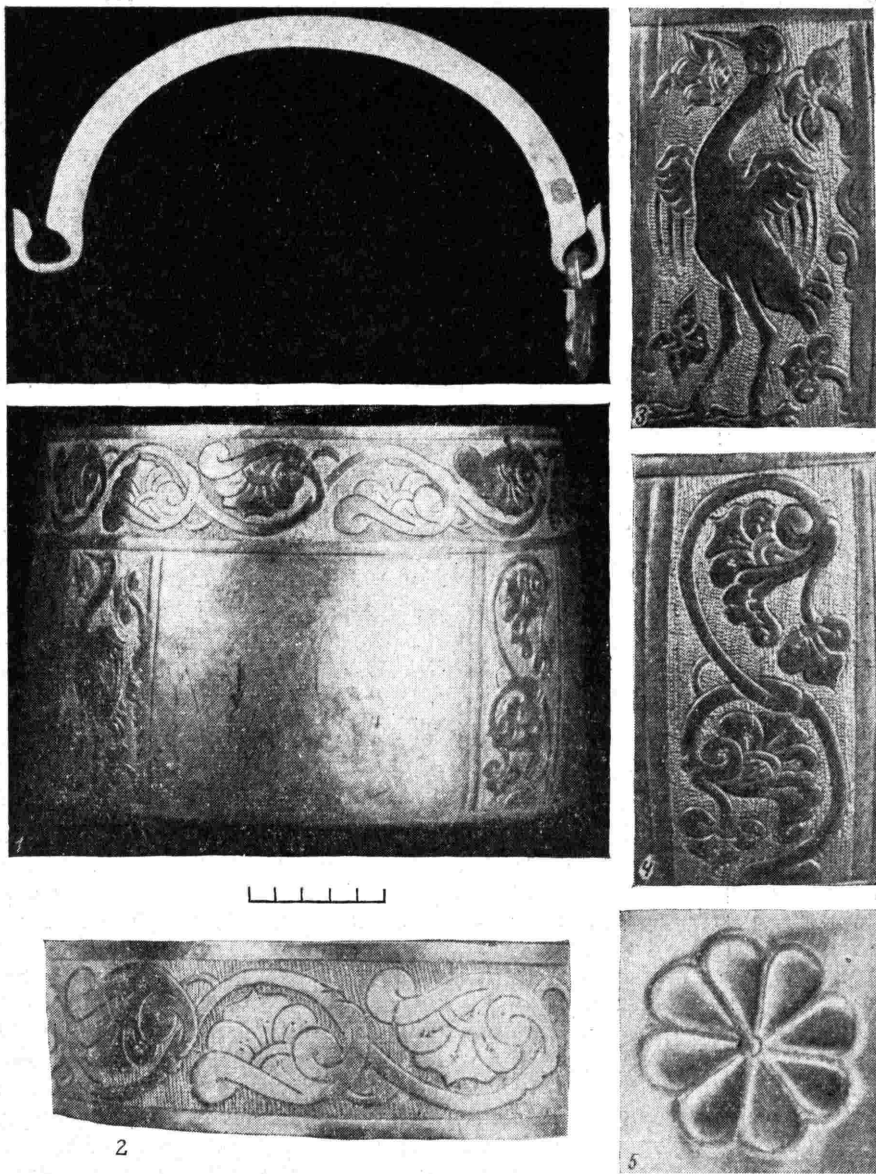

Рис. 44. Серебряное ведро и детали его орнамента
1 — общий вид ведра; 2—5 — орнамент

редуются журавли (рис. 44,3; 45,1) и S-видные побеги (рис. 44,4; 45,4). Похожие журавли изображены на серебряном кувшине, приобретенном на Нижегородской ярмарке (прежде в собрании Боткина) ⁶ и на серебряном кувшине из Дагестана (Эрмитаж) ⁷.

Растительный орнамент в прямоугольниках идентичен бордюру верхнего края, но построен вертикально. На дне ведра в технике незамаскированного чекана (выпуклыми линиями внутрь) выбита восьмилучевая розетка (рис. 44, 5) ⁸.

⁶ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. V, 89.

⁷ Я. И. Смирнов. Там же, табл. СХV, 288; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 40.

⁸ Такая же розетка помещена на дне серебряного блюда из района р. Томыз

Ведро из Афанасьева аналогично серебряному ведру из с. Широковско-го бывшей Пермской губ. (Эрмитаж)⁹. Его диаметр 21,4 см, высота 19,3 см. Фон гравированных изображений пунсонный. По краю идет кайма из пальметт, соединенных внизу гирляндами. Ниже, под рельефным валиком, три ряда гравированных лепестков. Вместо журавлей в двух прямоуголь-никах олени, в двух других S-видные ветки с тяжелыми пальметтами. На дне чеканная розетка.

Серебряное неорнаментированное ведро, слегка расширяющееся квер-ху, с похожей ручкой и розеткой на дне найдено у дер. Климова быв-шей Пермской губ.¹⁰

2. Кружка массивная, литая, с округлым туловом и припаянной коль-цевой ножкой (рис. 46 и 47). Диаметр 11,6 см, высота 4,5 см, толщина стенок 0,2 см. Орнамент отделен от гладкого венчика кругом перлов. Он выполнен при литье в плоском рельефе и дополнен гравировкой. Фон позо-лочен.

На тулове кружки изображены четыре джейрана-самца по сторонам четырех растений (рис. 45,2—3; 47,2). Животные изображены в позе по-коя — с подогнутыми ногами и повернутой назад головой¹¹. Морды узкие, уши длинные, острые. У двух особей рога лировидные с кольцеобразными утолщениями. У другой пары только по одному рогу странной формы, с тре-мя отверстиями (?) на конце (рис. 45,3). Скобки на боках и бедрах животных, очевидно, разграничивают оттенки окраски их тел. Спина и бо-ка джейрана обычно рыжевато-серые, живот белый, на задней части туло-вища небольшое белое пятно. Джейраны распространены в Средней Азии, Иране, Закаспии и Туркестане.

Пышные растения — пальметты сами образованы тремя парами паль-метт с перехватом у основания (рис. 45,7; 47,3). Они соединяются внизу побегом с промежуточными трехлепестковыми пальметками.

В кольцевой ободок поддона вписана мужская голова в профиль (рис. 47,4). Лицо европеоидного типа, продолговатое, с резкими чертами; силь-но выступающий прямой нос, маленький рот с пухлыми губами, длинные усы, густая борода клином, волнистые волосы, завитые у шеи, уши с от-тянутыми мочками. Большой глаз с припухлыми веками и зрачком посере-дине дан en face. По своему типу лицо сближается с хотанскими террако-товыми мужскими головками (терракоты Хотана суммарно датируют от ру-бежа н. э. по VII—VIII вв.)¹².

К верхней части кружки примыкает ручка. Она состоит из массивного вертикального кольца и плоской треугольной пластины, помещенной гори-зонтально над кольцом. Верх пластины оформлен в виде головы лысого старца с двумя головами слонов по сторонам (рис. 47,5; 48,1). У старика округлая широкая борода, усы, короткий нос, оттопыренные заостренные уши. Рельефное изображение того же персонажа, пьющего из ритона, кото-рого, применяя греческую терминологию, можно условно назвать «силеном», находим на подобных ручках двух серебряных чаш из Эрмитажа. Одна най-дена у дер. Гутова бывшей Пермской губ.¹³, вторая — на р. Томыз быв-

(Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XI, XII, 103; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 34) и на дне серебряной чаши, найденной около дер. Большой Пальник. Техника незамаскированного чекана, нехарактерная для раннесасанидского времени, позволила издателям отнести чашу к VII—VIII вв. (В. Ю. Лещенко, В. А. Оборин. Новые находки восточного серебра в Прикамье. СА, 1966, № 3, стр. 241—243, рис. 1).

⁹ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XXV, XXVI, XXX, 134; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 51.

¹⁰ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. СХХII, 312.

¹¹ Ср. позу оленей на сасанидской ложчатой чаше из Эрмитажа (И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 58).

¹² Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности. Л., 1960, табл. 26.

¹³ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XIV, 109; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 53.

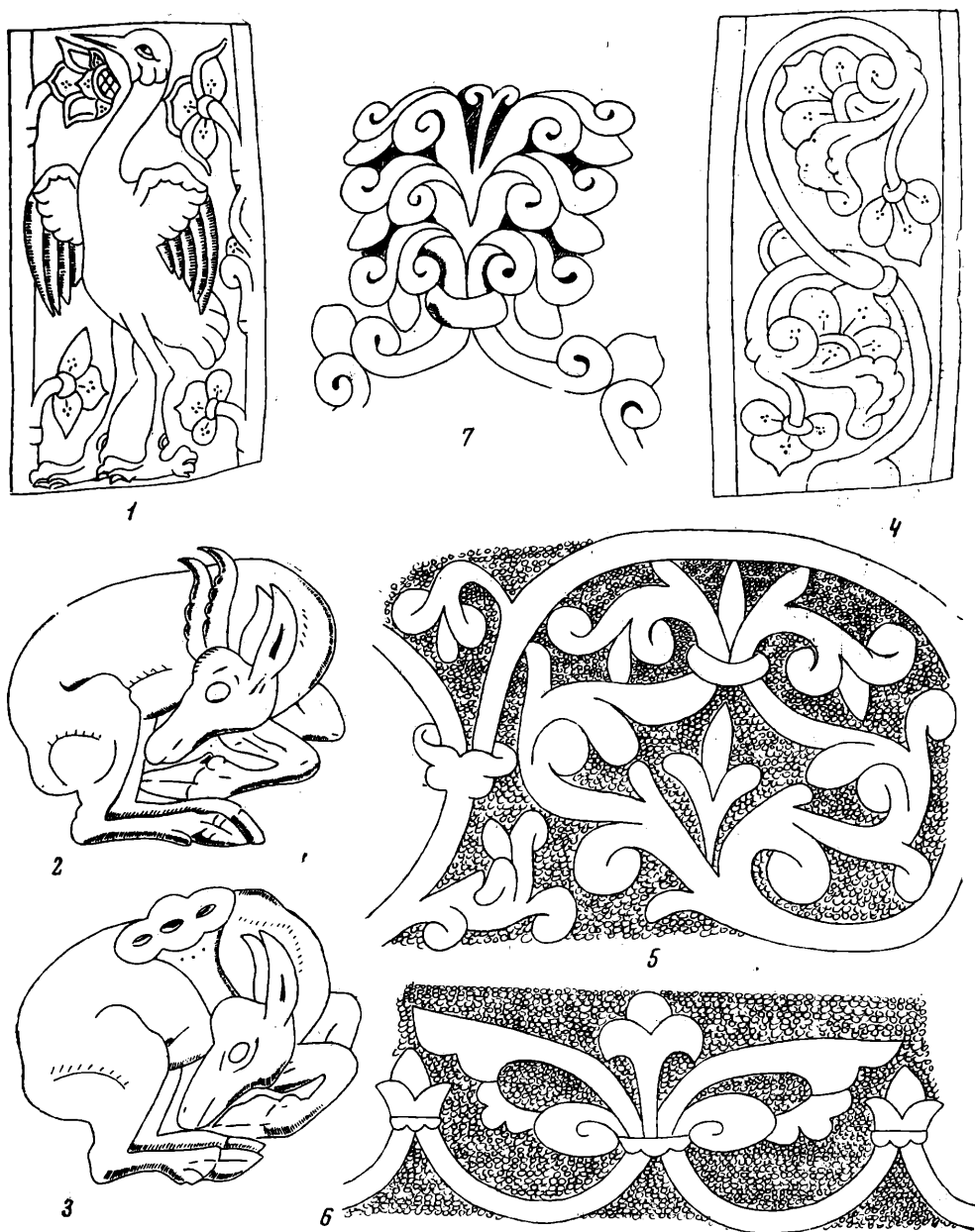

Рис. 45. Мотивы орнамента на сосудах Афанасьевского клада
1 — журавль; 2—3 — джейраны; 4—7 — растительные мотивы

шей Вятской губ.¹⁴ Запястья и плечи силена украшены браслетами. В левой руке он держит какой-то предмет, похожий на плеть (тирс?). Ручка третьей серебряной кружки из Эрмитажа (найдена у Суксунского завода бывшей Пермской губ.) сверху украшена двумя головами лысых стариков, лицами в разные стороны¹⁵. У них высокий лоб, приплюснутый нос, заостренные снизу уши, длинные усы и большая борода. Такое же двуликое

¹⁴ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XV, 110; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ соч., табл. 53.

¹⁵ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XVII, 114; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 56.

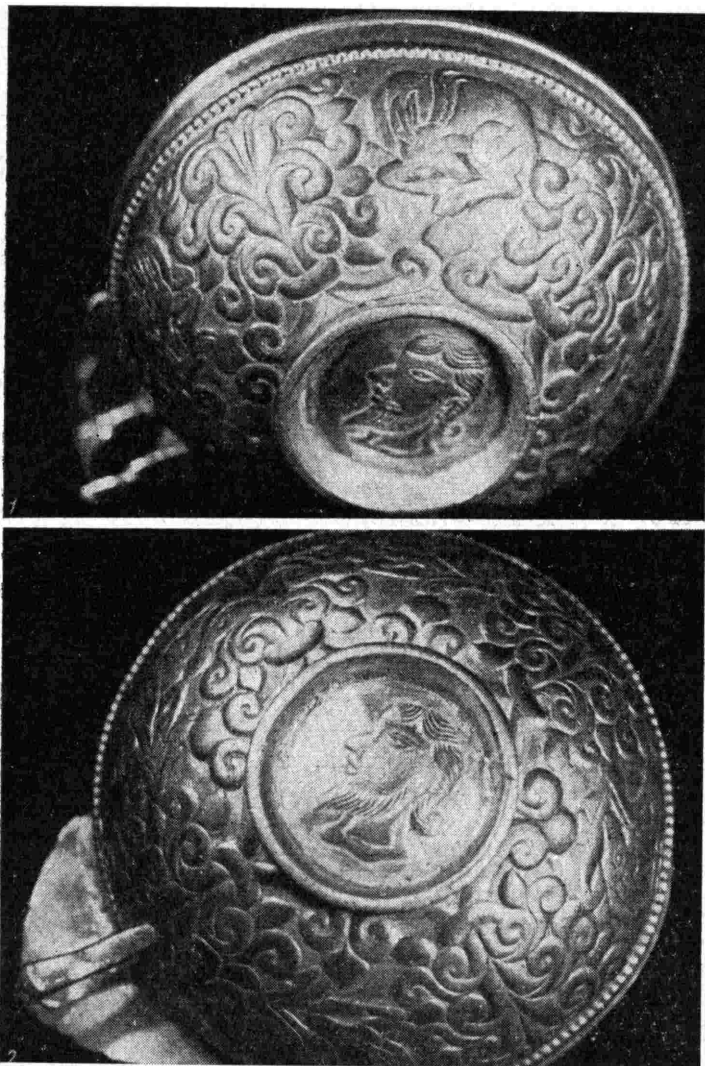

Рис. 46. Серебряная кружка

1 — вид сбоку; 2 — вид снизу

изображение встречено на ручке серебряной кружки из кургана в верховьях Енисея. Рисунок ее помещен в альбоме Мессершмидта¹⁶.

Мотив силена известен в домусульманском искусстве Согда. Среди афрасиабских терракот VI—VIII вв. встречены головы лысых старцев с усами и широкой бородой¹⁷. На городище Кафир-кала под Самаркандом (VI—VII вв.) найдены обломки сосуда с оттиснутым изображением лица этого персонажа¹⁸. Образ пьяного и веселого лысого старика был популярен в Восточном Туркестане (Хотан). В эрмитажной коллекции хотанских терракотовых изделий собрано около 70 налепов от сосудов в виде его масок¹⁹. Из Хотана происходит глиняный кувшин позднесасанидского времени со штампованными изображениями (хранился в Берлинском музее).

¹⁶ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XVII, 115.

¹⁷ С. Trever. Terracottas from Afrasiab. Moscow — Leningrad, 1934, табл. III, 44; XIII, 194.

¹⁸ Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 98, рис. 46, 1.

¹⁹ Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Указ. соч., табл. 16.

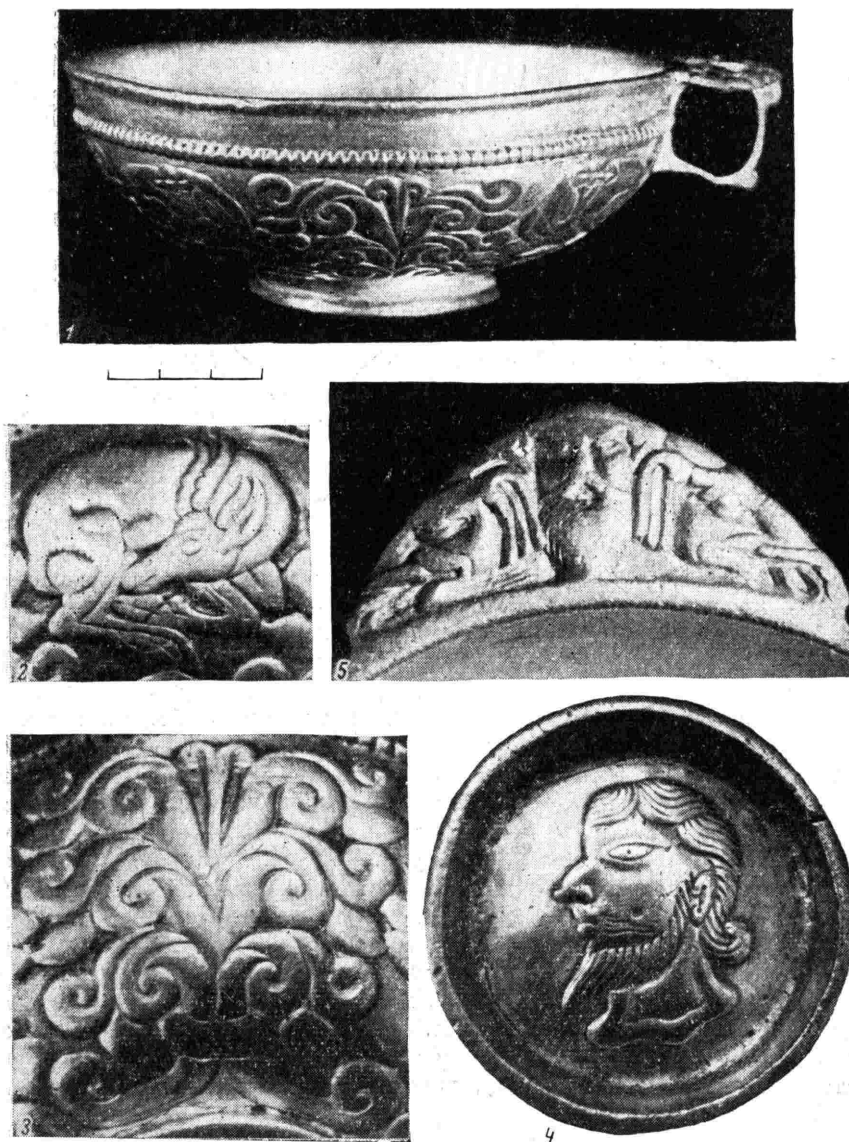

Рис. 47. Серебряная кружка и детали ее орнамента (№2)

1 — общий вид; 2—5 — детали орнамента

В медальоне на тулове представлен толстый, как винный мех, лысый старик с головой в нимбе. В правой руке демон держит ритон в виде рогатой головы быка, в левой — пиршественную чашу²⁰. Его сходство с персонажами на ручках эрмитажных серебряных кружек позволило И. А. Орбели отнести последние к произведениям хотанских мастеров²¹. Спутниками вакхического божества выступают слоны. Симметричные головы слонов подчинены форме треугольной пластины. Короткий хобот загнут вниз, так что видны наружные носовые отверстия. Из верхней челюсти выходят прямые, торчащие вперед бивни. Они тоже слишком коротки. Глазки маленькие, с тяжелыми веками. Макушка покрыта матерчатым чепраком. Для иранской

²⁰ SPA, 4, 1938, табл. 186, В; Г. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 101, рис. 48.

²¹ J. Orbeli. Sasanian and Early Islamic Metalwork. SPA, I, 1938, стр. 757.

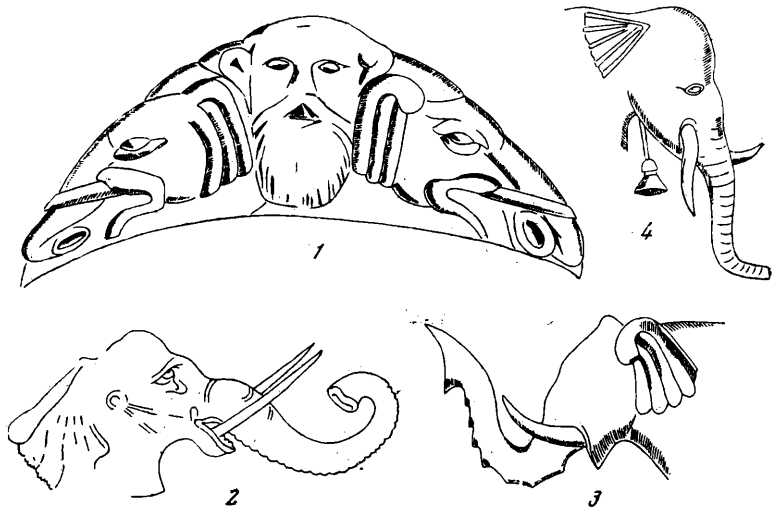

Рис. 48. Изображение слоновьих голов на ручке серебряной кружки и аналогии к ним
 1 — изображение лысого старика со слонами (ручка); 2—4 — трактовка головы слона в искусстве Средней Азии
 и Ирана; 2 — в живописи Варахши, VII в.; 3 — на серебряной статуэтке слона из Приуралья; 4 — на бактрий-
 ском серебряном фаларе, II в. до н. э.

и среднеазиатской иконографии характерна трактовка больших висячих ушей слона. Начинаясь наверху завитком (загнутый внутрь верхний край уха), они спускаются вниз тремя продольными лопастями с закруглениями на концах. Так же переданы уши боевых слонов на двух бактрийских серебряных фаларах II в. до н. э. (рис. 48,4)²², в живописи Пянджикента (VII—VIII вв.)²³ и Варахши (VII в.; рис. 48, 2)²⁴. Такими же фестончатыми складками разделены уши животного на серебряной статуэтке слона сасанидского и постсасанидского времени из остяцкого святилища на о. Сосьве (рис. 48, 3)²⁵, на каменной сасанидской статуэтке слона из собрания Герфельда²⁶, на глиняном сосуде в форме слона из Хотана²⁷.

Образ пирующего лысого старика, хотя внешне и напоминает воспитателя и наставника Диониса — Силена, очевидно, связан с местными домусульманскими верованиями. Появление слонов в качестве его атрибутов (вместо осла или пантеры-силена), возможно, объясняется влиянием буддийской мифологии.

3. Кружка массивная, литая, цилиндрическая, со слегка вогнутыми стенками (рис. 49). Диаметр 8,7 см, высота 6 см, толщина стенок 0,15 см. Кольцевой поддон с окаймлением из перлов припаян. Вся поверхность снаружи покрыта гравированным узором. Сочный волнистый стебель с ответвлениями из пальметт и полупальметт стилистически близок раститель-

²² К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 45—48, табл. 1—2. Ср. изображения слонов на греко-бактрийских монетах Деметрия (189—167 гг. до н. э.). Этот правитель носил головной убор в виде головы слона, подчеркивающий его господство над Индией (там же, стр. 123—125, табл. 36).

²³ «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, табл. XII.

²⁴ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, таблицы I, VII, X.

²⁵ Д. Анучин. Древний серебряный остяцкий идол, изображающий слона. «Археологические известия и заметки», т. I, № 3—4, М., 1893, стр. 93—101, рис. 8; Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XVIII, рис. 16. По мнению Д. Анучина, художник показал искусственные надрезы на ушах слона. Уши подрезались у боевых слонов, чтобы уменьшить возможность поражения этой чувствительной части тела животного (Д. Анучин. Указ. соч., стр. 96). Он же отметил, что уши прирученных слонов могли подрезаться и в декоративных целях.

²⁶ SPA, 4, 1938, табл. 169, В.

²⁷ Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Указ. соч., табл. 2, 40.

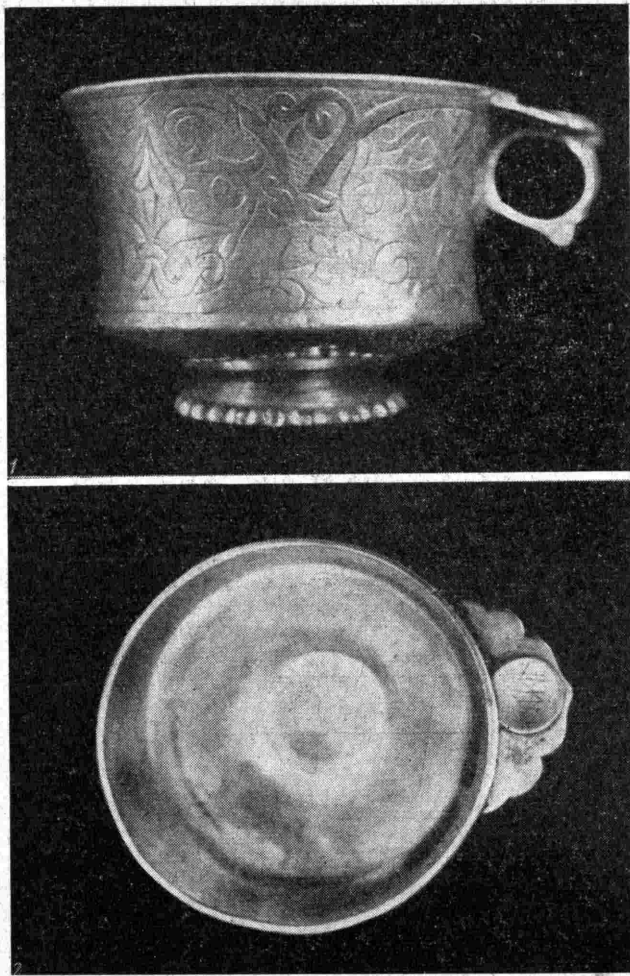

Рис. 49. Серебряная кружка

ным мотивам на сосудах 1 и 2 (рис. 45, 5). Фон покрыт пунсонными кружками. Перстнеобразная ручка имеет наверху плоскую фигурную накладку. Сверху на накладке рельефно выделен круглый позолоченный медальон, на котором нацарапаны неразборчивые знаки²⁸. На дне прорезь надписи, снаружи нацарапана восточная надпись:

М Ш > X ≈

Две аналогичные кружки хранятся в Эрмитаже. Одна с гравированными на пунсонном фоне павлинами найдена на р. Томыз²⁹, вторая — у дер. Вихарева бывшей Вятской губ. По ее стенкам выгравирован стилистически близкий узору кружки из Афанасьева растительный орнамент. Фон гладкий³⁰. Важна для датировки Афанасьевского клада кружка с похожими растительными мотивами из богатого погребения могильника близ г. Стер-

²⁸ Похожую ручку имеет серебряная кружка из Эрмитажа, найденная на р. Томыз. В рельефном медальоне выгравирована птица (Я. И. Смирнов: Указ. соч., табл. XV, 113).

²⁹ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XVII, 116; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 57.

³⁰ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XVII, 117; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 56.

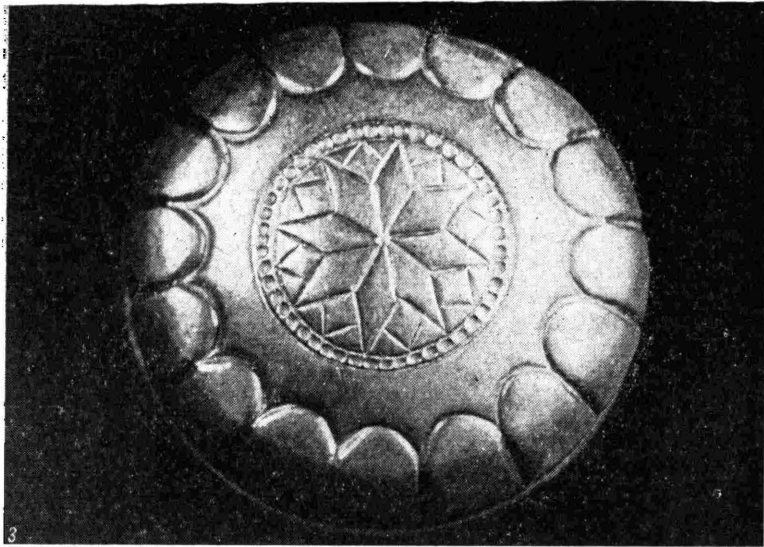
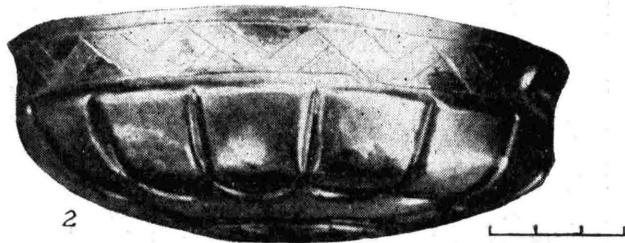
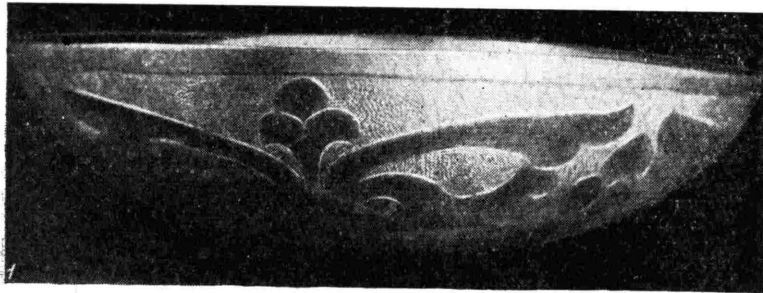

Рис. 50. Две серебряные чашки

1 — чашка с гравированным орнаментом; 2 — чашка с чеканными лопастями, вид сбоку; 3 — она же, вид снизу

литамака (Башкирская АССР)³¹. По арабским монетам могильник датируется от VIII до середины IX в.

Б. И. Маршак относит подобные серебряные кружки к VIII в., сближая их с формами тюрко-согдийской керамики³².

4. Чашечка полусферическая (рис. 50, 1). Диаметр 16,8 см, высота 4,7 см, толщина стенок 0,2 см. Снаружи покрыта сплошным гравированным узором. Фон пунсонный. На дне снаружи выгравирована восьмилучевая розетка в круглом ободке. Стенки украшает фриз из четырех больших пальметт на стебле с четырьмя промежуточными маленькими пальметками

³¹ Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака, СА, XXII, 1955, стр. 162, табл. II 1.

³² Б. И. Маршак. Влияние тюркетики на согдийскую керамику VII—VIII вв. «Труды Государственного Эрмитажа», т. V, 1961, стр. 197, 199.

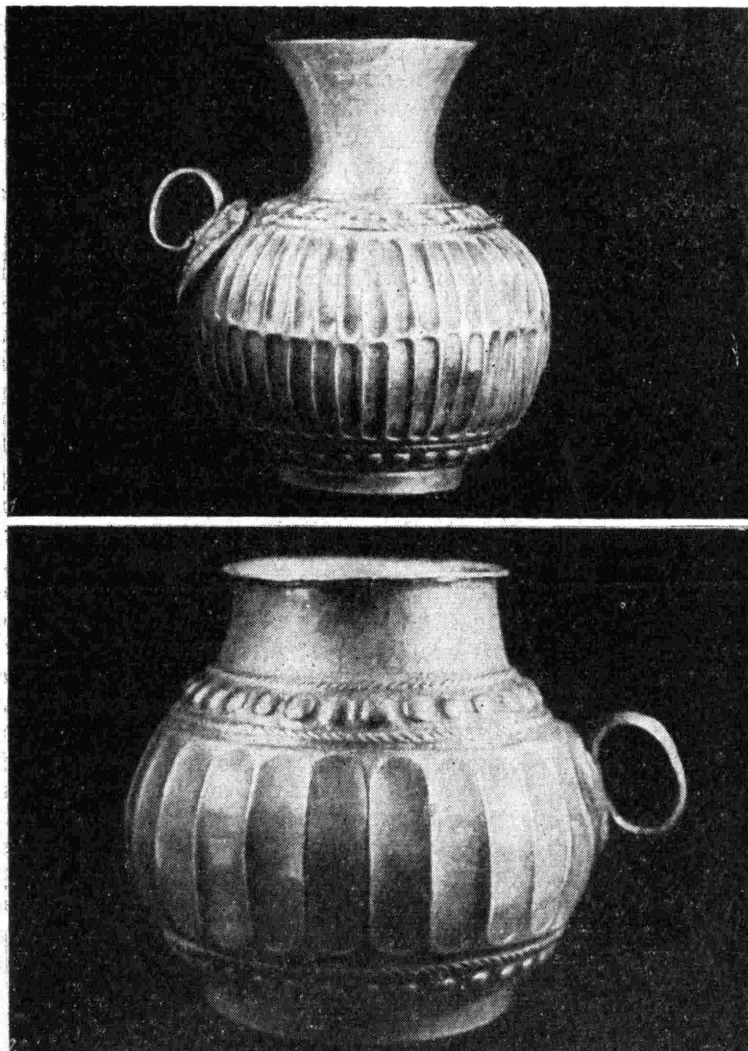

Рис. 51. Два серебряных кувшина

1 — кувшин с двумя рядами вдавлений по тулову; 2 — кувшин с одним рядом вдавлений

(рис. 45, 6). Близок орнамент на горлышке чаши с ручкой из Гугова³³, на тулове чаши с р. Томыз³⁴ и на кружке из Вихарева³⁵.

5. Чашечка полусферическая (рис. 50, 2—3). Диаметр 11,5 см, высота 3,8 см, толщина стенок 0,2 см. Почти вертикальный, чуть загнутый наружу венчик украшен гравированной полосой из треугольников. Треугольники и боковые каемки позолочены³⁶. Стенки чаши чеканными линиями разделены на 16 лопастей-фестонов. Внутри сосуда позолоченные лопасти чередуются с оставленными в серебре. На дне выбита 16-лучевая розетка в круге перлов. Внутри чаши она позолочена.

³³ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XIV, 109; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 52.

³⁴ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. LXV, 110; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 53.

³⁵ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. LXVII, 117; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 56.

³⁶ Кайма из треугольников украшает верхний край кружки, найденной на р. Томыз (Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл., LXV, 113).

6. Кувшин с шаровидным туловом, вытянутым, расширяющимся кверху горлом, на невысоком поддоне (рис. 51, 1). Высота 14 см, диаметр горла 6,3 см. Тулово украшено двумя рядами продолговатых вдавлений. Сверху и снизу оно ограничено орнаментальными поясками (рельефные кружки и косые насечки по сторонам). Кольцевидная ручка помещена на сердцевидной пластинке с выпуклыми кружками по краю.

7. Кувшин, похожий на предыдущий, но приземистый, с низким цилиндрическим горлом (рис. 51, 2). Высота 10 см, диаметр горла 6 см. Тулово украшено овальным вдавлением.

Оба кувшина пока уникальны. Сходные формы и декоративные приемы можно найти в керамике. Например, среди изделий гончаров Хотана встречаем кувшины с яйцевидным корпусом и невысоким поддоном. Весь корпус украшают фестоны из врезных линий³⁷. Иногда тулово, ограниченное поясками выпуклых кружков, покрывали каннелюрами³⁸. Налепы от сосудов в виде пятилепестковой пальметты³⁹ по форме напоминают петлю от ручки ведра из клада.

Все сосуды клада по технике и стилю орнамента составляют цельный комплекс. Они относятся к большой группе постсасанидской торевтики⁴⁰, единство которой отмечено И. А. Орбели⁴¹. Вместе с тем сосуды из Афанасьева дают ряд новых форм (кувшины с вдавлениями по тулову) и оригинальных изобразительных мотивов (джейраны, старик со слонами). Группа торевтики, которую дополняет Афанасьевский клад, отличается рядом специфических признаков. Ей присущи: 1) характерные формы посуды (ведерки, кружки и чаши с кольцевидными ручками). В керамике аналогичные формы кружек были широко распространены в Средней Азии и к востоку от нее⁴²; 2) индивидуальный стиль растительного орнамента, гравированного на фоне из пунсонных кружков, реже чеканного. Мясистые плавно закругляющиеся стебли несут массивные пальметтовидные цветы; 3) сохранение сасанидских традиций в фигурах людей и животных, в которых натурализм сочетается с элементами условности. Культовый характер сюжетов (крылатый верблюд, сенмурв, олени и козероги с шарфами на шее). На дне или на ручке сосуда они могли служить апотропеями, охраняя содержимое от злых духов (например, бородастая мужская голова, солярные розетки, силен — олицетворение сущности сосуда для питья пьянящего сока).

Рассматриваемая группа торевтики VII—IX вв. (VIII в.?) связана с определенной территорией, возможно, включавшей восточные районы Средней Азии, в частности Семиречье⁴³. Предполагают, что творцами этой серии изделий были среднеазиатские мастера согдийского или тюркского происхождения⁴⁴. И. А. Орбели локализовал ее в Хотанском оазисе в Восточном Туркестане⁴⁵. Здесь скрещивались элементы культур Ирана, Дальнего Востока, Средней Азии и Индии, что отразилось в орнаментации хотанской керамики⁴⁶. Сопоставление сосудов Афанасьевского клада с терракотами и керамикой Хотана как будто подтверждает эту гипотезу.

³⁷ Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Указ. соч., табл. 3, 5.

³⁸ С. С. Сорокин. Керамика древнего Хотана. «Государственный Эрмитаж. Археологический сборник», вып. 3. Л., 1961, рис. 5.

³⁹ Там же, рис. 4, 3.

⁴⁰ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. LXIV, LXV, LXVII, LXXV, LXXVI, LXXVIII; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 49, 51—57.

⁴¹ J. Orbeli. Указ. соч., стр. 757, 758, 761.

⁴² Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 180 и сл.; табл. 2—6.

⁴³ Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 199 (со ссылкой на Н. В. Дьяконову).

⁴⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 151—152.

⁴⁵ И. А. Орбели указал на сходство фигур каменных козлов на эрмитажных серебряных сосудах и на ткани из области Хотана (J. Orbeli. Указ. соч., стр. 757).

⁴⁶ С. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 206.

Р. Ф. ВОРОНИНА

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
КРЮКОВО-КУЖНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Одним из детально исследованных мордовских могильников второй половины I тыс. является Крюково-Кужновский могильник. Он расположен на правом берегу р. Цны к востоку от с. Крюково Моршанского района Тамбовской области. Этот могильник был открыт случайно при земляных работах в 1928 г. и с 1928 по 1936 г. систематически исследовался директором Моршанского краеведческого музея П. П. Ивановым, вскрывшим большую часть площади могильника¹. В 1958 г. исследования могильника были продолжены сотрудницей ГИМ Т. Б. Поповой, а в 1968 г. в связи с разрушением могильника — автором.

Уже при ближайшем знакомстве с дневниками П. П. Иванова обращает на себя внимание крайняя разнохарактерность ориентировки погребений (см. табл. I). Как видно из таблицы, количество погребений с восточной и южной ориентировкой почти одинаково (чуть уступают им по количеству погребения с юго-восточной ориентировкой). Однако характерной особенностью Крюково-Кужновского могильника можно все же считать преобладание восточной ориентировки (значительное количество погребений с юго-восточной ориентировкой имеет отклонение к востоку).

Подобное соотношение ориентировки погребенных сближает этот могильник с более древним Кошибеевским могильником (I—IV вв. н. э.), расположенным ниже по течению р. Цны. Пестрота ориентировок и вообще погребального обряда (88,8% составляют труположения, 11,2% — трупосожжения) выделяет Крюково-Кужновский могильник из ряда могильников того же времени, расположенных на р. Цне, но лежащих несколько южнее, таких, как Лядинский, Томниковский, имеющих довольно устойчивую южную ориентировку погребенных.

Изучение погребального обряда Крюково-Кужновского могильника по дневникам П. П. Иванова дает возможность выделить на плане могильника группы погребений с одинаковой ориентировкой и с одинаковыми чертами погребального обряда, возможно, принадлежащие отдельным семьям.

Так, например, погребения с северной и северо-восточной ориентировкой локализуются лишь в южной части могильника и ни разу не были встречены на мысу.

Вскрытая в 1968 г. группа погребений отличалась преобладанием восточной ориентировки захоронений и наличием мощных кострищ над погребениями, с восточной и юго-восточной ориентировкой, содержащими труположения.

¹ П. П. Иванов. Крюково-Кужновский могильник. «Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.». Моршанск, 1952, стр. 11.

Эти кострища покрывают все погребение (как, например, погребения 3 и 4) или лишь его часть, располагаясь в ногах или в головах костяка, но кости скелетов не имели следов огня. Кострища располагаются как над мужскими, так и над женскими погребениями и очень часто содержат фрагменты керамики, обгорелые кости лошади или коровы, а также поставленные иногда на краю целые лепные сосуды. Кострища над мужскими погребениями, кроме того, нередко содержат оружие или конскую сбрую (погребения 4 из раскопок 1968 г.).

Погребения с кострищами составляли на раскопе 1968 г. 20%. Для захоронений, исследованных П. П. Ивановым, на ранее вскрытой площади кострища совсем не характерны — они отмечены лишь в погребениях, составляющих 1% раскопанных, к тому же в дневниках П. П. Иванова речь идет не о кострищах, а лишь о наличии угля и золы в засыпке могильных ям. В связи с этим можно предположить, что вскрытые раскопками 1968 г. погребения составляют одну группу, возможно принадлежащую какой-то отдельной семье.

Анализируя материал Кошибеевского могильника, Н. И. Трубникова пришла к выводу о существовании на кладбище семейной планировки и связала ее с более ранней планировкой у сармат². Возможно, в планировке Крюково-Кужновского могильника еще сохраняется эта древняя традиция, но группы теперь становятся уже менее четкими.

В Крюково-Кужновском могильнике трупосожжения характерны как для мужских, так и для женских погребений. Как правило, над погребениями с трупосожжениями отсутствуют кострища. Выявлено два типа трупосожжений. Для обоих типов характерно, что сжигание всегда производилось на стороне: сожженные кости ссыпаны кучей в гробовину или могильную яму и на них положен инвентарь и украшения; сожженные и тщательно выбранные кости разложены в гробовине или могильной яме в анатомическом порядке, в таком же порядке положены на кости украшения и инвентарь. Количество тех и других погребений почти одинаково.

В большинстве мужских погребений (как с трупосожжением, так и с труположением) имеется оружие, представленное наконечниками копий, боевыми топорами, наконечниками стрел, мечами. Кроме того, почти все они содержат и украшения. Среди мужских погребений с оружием несколько выделяются по количеству и набору вещей захоронения с конской сбруей, вероятно принадлежащие конным воинам. В частности, подобные погребения выделяются количеством украшений, особенно кольцевидных застёжек с усами и браслетов (порой на костях рук скелетов находится по четыре и более браслетов). Выделяются они и богатством поясных наборов, кожаных поясов, украшенных бронзовыми или серебряными накладками.

В этих погребениях довольно часто содержится несколько наконечников копий, из которых одно принадлежит метательному копьё или дротику с жаловидным пером (погребения 4 и 18 из раскопок 1968 г.). Легкие метательные копья, по всей вероятности, наряду с луком и стрелами являлись довольно распространенным оружием конного воина. Характерной особенностью Крюково-Кужновского могильника является также наличие во многих мужских погребениях женских украшений, нередко целых женских костюмов вплоть до обуви с бронзовыми накладными бляшками и головных уборов, положенных в могилу мужа, по-видимому, вдовой. Этот обычай отмечен в мужских погребениях с самой различной ориентировкой (как с оружием, так и без него) и существовал в течение IX—XI вв.

Однако не всегда в мужское погребение кладется полный набор женских украшений. В ряде случаев в погребении находятся лишь отдельные женские украшения. Так, например, в погребении из раскопок 1968 г. на

² Н. И. Трубникова. К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника. «Труды ГИМ», вып. 40, 1966.

грудь костяка был положен пулокерь — накосник, состоящий из пряди волос, заключенной в лубяной футляр и затем часто обмотанной ремешком и плотно, виток к витку, бронзовой проволокой. Пулокерь здесь лишен еще бронзовой обмотки и, возможно, является ранним, судя по сопровождающим вещам, относящимся к X в.

Обычай класть женские украшения в мужские погребения, как мне любезно сообщила А. Е. Алихова, довольно часто отмечался и в других цвинских могильниках того же времени, таких, как Пановский, Елизавет-Михайловский, однако не встречен ни в Лядинском, ни в Томниковском могильниках. По всей вероятности, этот обычай является характерной особенностью моршанских могильников. На существование единичных случаев подобного обряда в Подболотьевском могильнике есть указание у В. А. Городцова³. По словам Т. И. Кравченко, встречаются единичные случаи того же ритуала и в Шатрищенском могильнике.

Все женские погребения так же, как и мужские, содержат лепные сосуды. Очень часто в засыпке могилы имеются фрагменты лепной керамики, порой от одного сосуда. Вероятно, это следы тризны. В одной из народных мордовских песен есть описание тризны, возможно, отголосок какого-то древнего обряда:

Тризну празднуют там, в родной избе,
по родной душе, ой, да с плачем.
Видит батюшку — он налил себе
В ковщик розовый кровь горячую.
Видит матушку — и в ее руках,
Ой, пуре в ковше, пуре красное...⁴

Очевидно, пуре — какой-то особый напиток, который, судя по легендам и песням, пили перед обрядом жертвоприношения по случаю начала сева, на поминках; этот же напиток приносили и в жертву богу.

Под березой ключ-колодец,
Он покрыт пиленным тесом,
Тонким тесом, горбылями.
Скатерть белая на тесе,
Чаша медная на белой,
В чаше — пуре золотое,
В пуре — медный ковш опущен...⁵

В ряде наиболее богатых погребений Крюково-Кужновского могильника, возможно принадлежащих социальной верхушке, встречаются металлические сосуды, плоскодонные котлы с дужками, наподобие ведер. Очень часто в них находят остатки деревянных ковшей с серебряной оковкой по краю. Возможно, эти котлы так же, как и сосуды, содержали ритуальный напиток, может быть, даже легендарный пуре.

Почти для всех женских погребений характерно большое количество украшений: пластинчатые и круглопроволочные гривны, браслеты, кольца, височные привески, ожерелья из бус и металлических шумящих привесок и т. д. В ряде случаев сохранялись детали женской одежды с вышивкой зловянским бисером ворота, отдельные типы головных уборов.

Интересно и наличие в женских погребениях обор, ножного украшения, представляющего собой кожаный ремень с бронзовыми обоймицами, который обычно обматывал ногу от щиколотки до колена. Подобная деталь весьма характерна для женского костюма соседних муромских племен, а

³ В. А. Городцова. Археологические исследования в окрестностях г. Муром. «Древности», т. 24, 1914, стр. 68.

⁴ «Сборник мордовских народных песен», стр. 36—37.

⁵ Там же, стр. 40.

наличие ее в ряде погребений Крюково-Кужновского могильника дает возможность говорить и о связях с этими племенами, а возможно, и о проникновении отдельных представителей их в мордовскую среду. Как в мужских, так и в женских погребениях исследуемого памятника постоянно встречаются южные, салтовские вещи — серьги в виде незамкнутого кольца с шишечкой наверху и со стержнем внизу из нескольких шариков, поясные наборы, перстни, бусы и другие вещи. Это дает возможность говорить и о довольно тесном контакте мордовского населения со степью.

Таким образом, Крюково-Кужновский могильник имеет следующие характерные черты погребального обряда:

1. Разнообразии ориентировки погребенных при преобладании восточной ориентировки.
  2. Широкое распространение обычая класть в мужские погребения женские украшения, возможно, символизирующее как бы захоронение жены с мужем.
  3. Наличие среди женских украшений предметов, характерных для соседних муромских племен.
  4. Групповая, семейная планировка могильника, связывающая его с древними цининскими памятниками, такими, как Кошибеевский могильник.
- Все это дает возможность предположить, что Крюково-Кужновский могильник оставлен особой моршанской группой мордовских племен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	Античные города Северного Причерноморья	МАЭ	Музей антропологии и этнографии
АДЖ	Античная декоративная живопись	МГУ	Московский государственный университет
АИБ	Археология и история Боспора	МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
АО	Археологические открытия	МЭН	Музей этнографии народов СССР
ВАУ	Вопросы археологии Урала	НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ВДИ	Вестник древней истории	ОАК	Отчеты Археологической комиссии
ВМУ	Вестник Московского университета	ОИПКГЭ	Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ГИМ	Государственный исторический музей	РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ДБК	Древности Боспора Киммерийского	СА	Советская археология
«Древности»	«Древности. Труды Московского археологического общества»	САИ	Свод археологических источников
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей	СЭ	Советская этнография
ИА	Институт археологии АН СССР	ТАИЯЛИ	Труды Абхазского института языка, литературы и истории
ИАК	Известия Археологической комиссии	ХНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры	АЖА	American Journal of Archaeology
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии	АМ	Jahrbuch des Deutschen Archäol Instituts Athenische Mitteilungen
КБН	Корпус боспорских надписей	JHSF	Journal of Egyptian Archaeology
ҚСИА	Краткие сообщения Института археологии	RE	Pauly — Wissowa — Kroll. Real — Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft
КСИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры	SPA	Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии		
МАО	Материалы по археологии Абхазии		
МАР	Материалы по археологии Северного Причерноморья		

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и доклады

Ю. А. Краснов. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры	3
Э. А. Рикман. Прядение и ткачество у племен черняховской культуры днестровско-прутского междуречья	12
<u>В. И. Цехмистренко</u> . О характере керамического клеймения в античную эпоху	15
И. Д. Марченко. Об античных глазурированных сосудах из музеев СССР	21
Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни таштыкских могильников	33
В. С. Патрушев. Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение	37

Публикации и сообщения

<u>Г. И. Андреев</u> . Памятники I тысячелетия до н. э. на Подкаменной Тунгуске	44
В. А. Могильников. Сперановское городище	48
Ю. С. Гришин. Об одной писанице на плите тагарского кургана из Минусинской котловины	53
П. Н. Шульц. Курган Кара-оба близ Керчи (раскопки 1967—1969 гг.)	55
А. С. Голенцов. Античный поливной сосуд из Северо-Западного Крыма	63
А. М. Мандельштам. Мешрепитахтинский могильник	66
Н. А. Онайко. Бронзовый бюст-гирия из раскопок античного поселения в Широкой балке	73
М. М. Кубланов. Исследование некрополя Илурата	78
В. Н. Корпусова. Некрополь у с. Золотого	86
И. Т. Кругликова. Бронзовый бюст Изиды из Горгииппии	93
Ю. В. Кухаренко. Могильник II—IV вв. н. э. в г. Любомле	97
Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин. Погребение VI в. н. э. в с. Цебельда в Абхазии	100
В. П. Даркевич, В. Ф. Черников. Новое в изучении среднеазиатской торевтики (Афанасьевский клад)	106
Р. Ф. Воронина. О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника	117